Russ. 305-u
(1

1625и/69

Сергия [illegible]

Russ. 305 u (1

ИСТОРІЯ
НОВОЙ-СѢЧИ
ИЛИ
ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

А. Скальковскаго.

A. Lang. del. et lith. 1846.

Въ Лит. Д. Клецова.

Вагаман

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ

ИЛИ

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

СОСТАВЛЕНА

изъ подлинныхъ документовъ Запорожскаго Сѣчеваго Архива

А. СКАЛЬКОВСКИМЪ,

Одесскаго Общества любителей Исторіи и Древностей, Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи и Копенгагенскаго Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ Членомъ, Статистическаго Отдѣленія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Корреспондентомъ, Редакторомъ Главн. Статистич. Комитета Новороссійскаго Края.

«Въ цимъ мисти надъ Днѣпромъ,
Де Стару-Сичь нашу разорылы,
Теперь мы надъ Базавлукомъ....
Та на Пидпильни Нову-Сичь зробылы....
Ой Нову-Сичь мы будемъ робыты
Та и будемъ у неи житы».

(Запорожская дума).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

исправленное и значительно умноженное.

ЧАСТЬ I.

ОДЕССА.

—

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса. Ноября 12 дня 1845 года.

Цензоръ К. Зеленецкій.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПЕЧАТАНО ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Fg/83/98175

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ изданію 1841-го года.

Въ 1839 году, по Высочайшему повелѣнію мнѣ было дозволено осмотрѣть, въ Новороссійскихъ губерніяхъ и Бессарабской Области, архивы присутственныхъ мѣстъ, съ тою цѣлію, чтобы извлечь изъ нихъ дѣла и документы, имѣющіе связь съ политическою исторіею, съ исторіею развитія промышленности и сравнительною статистикою этого края, — для составленія изъ этихъ актовъ, впослѣдствіи времени, Историческаго архива Новой Россіи. Обозрѣвая архивы, я обращалъ особенное вниманіе на отысканіе актовъ, касающихся Крыма и Запорожцевъ, о которыхъ, по недостатку источниковъ, я долженъ былъ въ своей Новороссійской Лѣтописи (1836 — 1838) говорить мимоходомъ и притомъ только касаясь исторіи послѣднихъ дней ихъ политическаго существованія. Относительно Крыма, мои открытія ограничиваются матеріалами для исторіи его завоеванія (1783) и современнаго описанія полуострова. Относительно же Запорожья, мои труды увѣнчались болѣе счастливымъ успѣхомъ: я отыскалъ драгоцѣнныя данныя для исторіи этого края. Еще въ

1835 году я пріобрѣлъ отъ частныхъ лицъ нѣсколько важныхъ документовъ, касающихся Запорожья; но на основаніи ихъ нельзя было составить полнаго разсказа: они заключали въ себѣ извѣстія объ отдѣльныхъ событіяхъ и лицахъ, не доставляя матеріаловъ для составленія полной исторической картины. Эти документы были для меня очень важны, — какъ указаніе на существованіе другихъ равноцѣнныхъ актовъ, мнѣ еще неизвѣстныхъ. По этимъ слѣдамъ, а еще болѣе по наставленіямъ просвѣщеннаго любителя исторіи, Предсѣдателя Екатеринославской Палаты Государственныхъ Имуществъ *И. И. Гладкаго*, въ обрывкахъ архива одного давно упраздненнаго присутственнаго мѣста, я отыскалъ акты Запорожскаго Коша, принадлежавшіе, вѣроятно, къ гораздо большему собранію. Отысканная мною часть Запорожскаго архива заключаетъ въ себѣ дѣла, производившіяся въ послѣдніе дни Запорожскаго войска, т. е. съ 1730 по 1775 годъ, и копіи весьма важныхъ документовъ, простирающихся до 1660 годовъ, т. е. до отпаденія Украины отъ Польши и возсоединенія съ православнымъ Царствомъ Русскимъ. До сихъ-поръ никто не предполагалъ существованія письменныхъ актовъ у Запорожцевъ: одни считали ихъ гайдамаками, бѣглыми Малороссійскими казаками; другіе, людьми храбрыми въ бою противъ враговъ, но варварами жестокими, почти дикими, невѣрными въ словѣ, безграмотными невѣждами; третіе, наконецъ, почитали ихъ потомками Хазаръ, Черкесовъ, Татаръ и проч. — Теперь, когда отысканные мною Запорожскіе документы представляютъ намъ дипломатическую, церковную, военную, судебную, торговую, административ-

ную и даже частную переписку Запорожцевъ, — мнѣніе о нихъ должно измѣниться. Давно уже постигнута истина, что законы и юридическіе памятники доставляютъ вѣрные матеріалы для историка; при обозрѣніи архивовъ (1835 — 1839) я и собственнымъ опытомъ убѣдился въ томъ, что эта, повидимому, безполезная бездна административной и судебной переписки заключаетъ въ себѣ иногда самую вѣрную и часто самую краснорѣчивую лѣтопись. Руководствуясь этою мыслію, я искалъ исторіи Запорожья въ актахъ сохранившейся части Запорожскаго архива и извлекалъ историческія данныя изъ документовъ полуистлѣвшихъ отъ времени и сырости. Вѣроятно, въ эпоху занятія *Сѣчи* Россійскими войсками и упраздненія Кошеваго управленія, дѣла войсковыя, взятыя безъ описи и счета, отданы были въ ближайшій уѣздъ для храненія; оттуда, переходя съ мѣста на мѣсто, попали наконецъ въ Екатеринославъ, гдѣ, послѣ полувѣковаго сна, дождались своего возрожденія. Половина отысканныхъ мною дѣлъ превратилась въ грязную массу, рыться въ которой было очень непріятно; эта непріятность увеличивалась еще болѣе тѣмъ, что послѣ большихъ усилій, я часто съ сожалѣніемъ замѣчалъ, что труды мои были напрасны: многія связки были безъ начала и безъ конца, другія, высушенныя на солнцѣ, превращались въ пыль. За то, съ какимъ удовольствіемъ въ развалинахъ этого архива открылъ я драгоцѣнныя свѣденія о падшемъ Запорожскомъ обществѣ; какъ занимательны всѣ эти документы, — единственные свидѣтели прошедшаго быта казачества, и какого быта? — какому подобнаго мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ исторіи! Въ этихъ документахъ

найдете вы дипломатическія сношенія съ Россіею, Крымомъ и Польшею; узнаете объ участіи, которое принимали многочисленныя храбрыя дружины Запорожскія въ знаменитыхъ подвигахъ Миниха, Румянцова, Потемкина; познакомитесь со внутреннимъ порядкомъ, съ бытомъ общественнымъ и частнымъ удалаго казачества. Изъ сохранившихся актовъ легко убѣдиться въ томъ, что Запорожцы были вѣрнѣйшимъ оплотомъ Россіи противъ наѣздовъ Ордъ Ногайскихъ и Польскихъ дворянскихъ хоругвей; что они, единственные обитатели безмѣрныхъ степей, отдѣлявшихъ Россію отъ Юго-Восточной Европы, — были вмѣстѣ и звѣномъ, ихъ соединявшимъ, и защитою противъ вредныхъ замысловъ врага.

Свѣденія о Запорожцахъ, во всѣхъ доселѣ изданныхъ книгахъ, такъ еще не многочисленны и такъ часто основаны на сказаніяхъ иностранцевъ, что каждый фактъ, почерпнутый изъ отечественныхъ источниковъ, тѣмъ болѣе туземныхъ и современныхъ, есть уже драгоцѣнный документъ для исторіи. Что можетъ быть драгоцѣннѣе для исторіи Запорожья и Украины тѣхъ свѣденій, которыя намъ сообщаютъ сами Запорожцы? Кто можетъ изобразить намъ любопытную во многихъ отношеніяхъ жизнь Запорожскаго казачества такъ ясно, такъ живо, какъ сами казаки? Имѣя въ своихъ рукахъ богатые матеріалы къ составленію картины Запорожской жизни, имѣя возможность бесѣдовать съ Запорожцами посредствомъ актовъ, въ которыхъ они сами разсказываютъ о своемъ бытѣ, управленіи, своихъ подвигахъ и бѣдствіяхъ, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сродниться съ исторіею Запорожья, пред-

метомъ новымъ и занимательнымъ.— Пріятно пріобрѣсти для себя сокровище, но еще пріятнѣе имѣть возможность подѣлиться имъ съ другими! Съ цѣлію оказать, по мѣрѣ силъ моихъ, услугу отечественному бытописанію, я рѣшился написать очеркъ *Исторіи Послѣдняго Коша Запорожскаго*, въ которомъ любители исторіи найдутъ большое количество новыхъ достовѣрныхъ данныхъ, относительно не большой, но, можетъ быть, самой поэтической страны великаго Царства Русскаго.

Представляемый теперь мною очеркъ Исторіи Послѣдняго Коша Запорожскаго раздѣляется на 3 части. Въ 1-й излагаю всѣ мои предположенія и данныя о происхожденіи, составѣ и управленіи Запорожскаго военнаго общества, во все время его существованія; во 2-й представляю Исторію «Новой-Сѣчи», т. е., IV-го и послѣдняго Коша, списывая событіе годъ за годомъ, со всѣми подробностями; въ 3-й наконецъ, помѣщаю важнѣйшіе документы, какъ для убѣжденія въ достовѣрности моего повѣствованія, такъ и для облегченія трудовъ тѣхъ изъ ученыхъ соотечественниковъ, которые впредь займутся достойною вниманія исторіею Запорожья.

При составленіи своего разсказа о Запорожьѣ, я пользовался отысканными мною актами Запорожскаго архива и изустными преданіями послѣдняго Запорожскаго повѣствователя *Никиты Коржа*, оригинальные и весьма замѣчательные разсказы котораго уже извѣстны читателямъ нашимъ. [1]

[1] Журналъ Министст. Народн. Просвѣщенія 1838 г. № 6, и 1839 № 2. *Никита,* по прозванію *Коржъ*, сынъ женатаго Запорожца

Относительно источниковъ, я считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя объясненія. Въ дѣлахъ Запорожскаго архива не отыскалось актовъ къ окончанію походовъ Миниха и Леонтьева (съ 1738 по 1740); не знаю — времени или вандализму лицъ, имѣвшихъ въ разныя времена вліяніе на этотъ архивъ, должно приписать эту потерю. За исключеніемъ этаго небольшаго промежутка, исторія всего остальнаго времени жизни послѣдняго Коша Запорожскаго, съ 1730 по самое атакованіе Сѣчи въ 1775 году, можетъ быть изложена на основаніи обширныхъ и многочисленныхъ документовъ, большая часть которыхъ помѣщается мною во всей обширности и во всей ихъ простотѣ. На счетъ изустныхъ повѣстей Коржа, сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, именно, что всякое почти его слово подтверждается находящимися у насъ письменными свидѣтельствами.

Издавая въ свѣтъ извлеченныя мною изъ мрака неизвѣстности, вырванныя изъ рукъ тлѣнія сказанія о Запорожцахъ, я надѣюсь, что не лихомъ встрѣтятъ соотечественники результатъ моихъ трудовъ. Безкорыст-

Леонтія Тарана, такъ говоритъ о самомъ себѣ: «Родился я въ Новыхъ Койдакахъ 30-го Мая 1731 года (т. е. въ годъ основанія Украинской линіи) и проживъ при родителяхъ въ младенчествѣ до 7 лѣтъ, взятъ былъ на воспитаніе крестнымъ отцемъ моимъ Яковомъ Эмельяновичемъ *Качаловымъ* въ Сѣчь, въ которой онъ былъ старшиною т. е. полковникомъ и (послѣ) войсковымъ эсауломъ. Зимовникъ свой съ скотоводствомъ имѣлъ онъ при р. Сухой-Сурѣ, впадающей въ Днѣпръ». По увольненіи изъ войска, Коржъ женился и сдѣлался посполитымъ казакомъ. Въ 1787 году видѣлъ Императрицу въ Екатеринославѣ при основаніи собора. Онъ умеръ въ 1835 году въ Самарскомъ монастырѣ, гдѣ былъ принятъ преосвященнымъ Архіепископомъ Гавріиломъ, на 104-мъ году отъ рожденія.

ная мысль — освѣтить темную исторію Запорожскаго казачества, руководила меня, какъ при изысканіяхъ, такъ и при изданіи моего очерка «Исторіи послѣдняго Коша Запорожскаго»; если не исполненіе, то цѣль, надѣюсь, заслужитъ снисходительное вниманіе читателей. Благосклонный пріемъ, радушное привѣтствіе, будутъ для меня пріятною наградою за тѣ иногда непріятныя хлопоты, которыя соединены съ приготовительною, черною работою историка, отыскивающаго и разбирающаго акты прошедшаго времени.

Одесса.
4-го Октября 1840 года.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАСТОЯЩЕМЪ ИЗДАНІИ.

Все, что сказано въ предъидущемъ изданіи нашемъ, было писано за четыре года назадъ. *Исторія Новой-Сѣчи* вышла изъ печати въ Мартѣ 1842 года, и благосклонный пріемъ, сдѣланный читающею публикою моему скромному труду, въ особенности тѣми, которые больше всего могли судить о точности или важности приводимыхъ документовъ, т. е. казаками Черноморскими и Азовскими, а также нѣкоторыми Польскими учеными, — превзошли мои надежды и заслуги. Все почти изданіе разошлось въ два года и половина экземпляровъ куплена храбрымъ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ, которое мою книгу приняло за истинную исторію своихъ предковъ, такъ что между усердными подписчиками встрѣчались многія имена простыхъ казаковъ и поселянъ [1]. Одобреніе потомковъ Запорожья было для меня самою истинною похвалою.

Между тѣмъ я получилъ еще болѣе 60 связокъ бумагъ Запорожскаго Сѣчеваго архива, почерпнутыхъ мною въ теченіи 1842—1845 годовъ изъ того-же источника, что и пер-

[1] Достойнѣйшій начальникъ Черноморцевъ, Наказный Атаманъ Генералъ-Лейтенантъ *Завадовскій* писалъ мнѣ слѣдующее: «За особенное удовольствіе поставляю извѣстить васъ, что «Исторія Новой-Сѣчи» доставила читателямъ Черноморіи пріятнѣйшее удовольствіе, воспоминаніемъ достойныхъ предковъ ихъ и получила во всѣхъ отношеніяхъ общее одобреніе и похвалу». (Екатеринодаръ, 15-го Іюля 1842 года).

вые, уже изданные документы. Въ нихъ явилось столько новыхъ и столь положительныхъ свѣденій, что первое изданіе «Исторіи Новой-Сѣчи» во многомъ должно было измѣнить, догадки замѣнить подлинными актами, исправить имена и цифры; вообще-же подробности если не утроить, то по крайней мѣрѣ удвоить. Эта счастливая находка придала мнѣ новыя силы къ работѣ столь трудной и часто неблагодарной, какъ разборъ и оцѣнка *канцелярскихъ архивовъ*; ибо въ существѣ своемъ весь Запорожскій архивъ не что иное, какъ архивъ Сѣчевой или Кошевой канцеляріи. Къ счастію для меня, въ 1843 году я посѣтилъ Подольскую и Кіевскую губерніи и имѣлъ возможность рыться въ нѣкоторыхъ фамильныхъ архивахъ людей, игравшихъ нѣкогда важную роль въ исторіи казачества, а это мнѣ объяснило многое, особенно въ отношеніи географіи и торговли Запорожья. Наконецъ, что еще важнѣе, я познакомился и сблизился съ достойными Польскими учеными: Крашевскимъ, Грабовскимъ и А. Потоцкимъ, которые своими совѣтами и глубокими познаніями въ исторіи Литвы и Западной Руси, принесли мнѣ неисчислимую пользу. Г. Крашевскій, жившій въ Одессѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, самъ занимался со мною Сѣчевымъ архивомъ и убѣдилъ меня не оставлять этого драгоцѣннаго и единственнаго для Руси источника, полагая, что всякій документъ, спасенный такимъ образомъ отъ гибели, будетъ новымъ свѣтильникомъ на этомъ поприщѣ. Новые документы, находившіеся въ упомянутыхъ 60 сверткахъ, были для меня тѣмъ важнѣе, что въ нихъ нашелъ я самыя достовѣрныя данныя для географіи и исторіи (разумѣется позднѣйшихъ временъ) Ногайскихъ Ордъ, жившихъ или кочевавшихъ въ нашемъ краѣ рядомъ съ Запорожцами [1]. Эти

[1] Напримѣръ связки, гдѣ, въ видѣ отчетовъ Начальству, мы нашли настоящую статистику за 1755 годъ, — т. е. время когда въ западной Европѣ статистическія свѣденія были еще въ младенчествѣ.

свѣденія составляютъ такъ называемые «Секреты Коша Запорожскаго», которыхъ набралъ я четыре тома, и часть, въ видѣ статейки, послалъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Все это было причиною, что я рѣшился приступить ко второму изданію «Исторіи Новой-Сѣчи», дабы составить, если не настоящее повѣствованіе, то хотя обширный архивъ-запасъ свѣденій для будущихъ историковъ Южной Россіи. Отъ души желаю, чтобы это новое изданіе нашло новыхъ читателей и судей, хотя-бы очень строгихъ. Я считаю себя весьма счастливымъ, что спасъ отъ тлѣнія нѣсколько тысячъ историческихъ документовъ, которые, не считая разрушительной силы времени, могли погибнуть и отъ пожара, случившагося въ Екатеринославскихъ присутственныхъ мѣстахъ, вскорѣ послѣ отправленія въ Одессу большей части нашего архива.

Хотя сказанія Коржа изданы уже особою книгою тѣмъ самымъ достопочтеннымъ мужемъ, который ихъ собралъ и сообщилъ мнѣ въ 1835 году, но такъ какъ я первый оцѣнилъ важность этихъ преданій и первый, по волѣ князя М. С. Воронцова и съ согласія самаго собирателя, познакомилъ съ ними публику[1], то считаю себя въ правѣ пользоваться ими по прежнему; почему читатели найдутъ во второмъ изданіи почти тѣ-же отрывки, что и въ первомъ. Настоящее богатство письменныхъ документовъ, у меня имѣющихся, могло бы дозволить замѣнить ими изустную повѣсть Коржа, но живой языкъ, живое свидѣтельство очевидца, всегда предпочитаю мертвой буквѣ, нѣмому памятнику, какъ-бы ни было высоко его историческое достоинство.

Къ настоящему изданію, вѣроятно послѣднему въ моей жизни, желая сдѣлать его, по возможности, полнымъ и удо-

[1] Въ № 6, 1838 и № 2, 1839. Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

влетворительнымъ, я счелъ необходимымъ присовокупить во-первыхъ: приблизительную *карту Запорожья*, необходимую для надлежащаго уразумѣнія географіи этого края, составленную по указаніямъ: *Дебоксета, Риччи-Заннони, Свѣнцскаго* и документамъ Сѣчеваго архива, повѣреннымъ съ мѣстностью; во-вторыхъ: еще одну таблицу печатей, которыхъ снимки сдѣланы съ оригиналовъ, найденныхъ на бумагахъ Сѣчеваго архива; въ-третьихъ: два плана Старой и Новой Сѣчи, снятые на мѣстѣ, стараніями г. Зоммера, управляющаго имѣніями барона Штиглица, которому теперь принадлежатъ земли обѣихъ Сѣчей, и въ-четвертыхъ: рисунокъ церковныхъ *мѣстъ* или сѣдалищъ, у которыхъ кошевый и войсковые старшины слушали Божественную литургію. На заглавныхъ листкахъ I-го тома помѣщаемъ снимокъ арматуры съ иконы Покрова Богоматери, находящійся доселѣ въ церкви с. Вѣрьска, а III-го тома, рисунокъ гробоваго памятника Сѣрка, находящагося въ с. Капуловкѣ или Старой-Сѣчи.

Пуская въ свѣтъ это второе, значительно умноженное изданіе моей книги, я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы изъявить здѣсь мою глубочайшую благодарность высокому начальнику Новороссійскаго края и моему истинному покровителю Князю М. С. Воронцову, всегда столь искренно принимавшему участіе въ успѣхахъ Исторіи Запорожья и, наконецъ, доставившему мнѣ средства къ отпечатанію этого сочиненія. Во-вторыхъ, приношу мою признательность благосклоннымъ рецензентамъ, упоминавшимъ объ «Новой-Сѣчи» въ отечественныхъ и заграничныхъ журналахъ, въ особенности-же гг. *Крашевскому, М. Грабовскому*, профессорамъ *М. А. Соловьеву* и *Зеленецкому*, гг. *Савельеву, Бурачку, Іовецкому, Кулешѣ, Эрдману* и друг., и спѣшу ихъ увѣрить, что я не премину воспользоваться всѣми сдѣланными ими замѣчаніями для исправленія моей книги при настоящемъ ея появленіи.

Одесса. 25 Октября 1845.

ИСТОРІЯ
НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ЧАСТЬ I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И УСТРОЙСТВО ЗАПОРОЖСКАГО ВОЕННАГО ОБЩЕСТВА.

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ЧАСТЬ I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И УСТРОЙСТВО ЗАПОРОЖСКАГО ВОЕННАГО ОБЩЕСТВА.

Введеніе.

Происхожденіе козачества, явленіе Славянскаго рыцарства въ историческомъ мірѣ.

Многочисленное Славянское племя, извѣстное теперь подъ именемъ Руси, Русскихъ или Россіянъ, (Rus, Rusini), обитало съ незапамятныхъ временъ на безмѣрномъ пространствѣ земель отъ вершинъ Днѣпра до Чернаго моря и отъ верховьевъ Волги до Литовскихъ дебрей при морѣ Балтійскомъ. Это племя было составлено изъ весьма многихъ отраслей, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ подъ древними мѣстными именами: Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Полочанъ, Кривичей, Радимичей и многими другими. Не входя въ археологическія

и этнографическія объ нихъ розысканія, мы перейдемъ ко временамъ гораздо позднѣйшимъ, во дни современные нашимъ первымъ лѣтописямъ и найдемъ слѣдующія отрасли могущественнаго племени Русскаго: 1) въ самой срединѣ Русской земли, собственно Русь или княжество Кіевское, занимало первое мѣсто по историческому своему значенію и древности; 2) на югѣ отъ Кіева Чермная Русь (Galicia, Ruś Czerwona, Галицкое княжество) съ частію Новой-Россіи и подольемъ при-Днѣстровскимъ и при-Бугскимъ, которое оттого называлось *Побережьемъ* (Pobereże). Эти двѣ Русскія области сохранили даже до конца XVIII столѣтія неизмѣнное свое наименованіе *Руси*, нося титулъ воеводствъ «Русскихъ» (województwa Russkie), даже въ Польскихъ дипломатическихъ и судебныхъ бумагахъ. 3) Вверхъ по теченію Днѣпра, по лѣвому его берегу, по Деснѣ, Пселу, Ворсклѣ и другимъ рѣкамъ обитали восточные Украинцы, т. е. пограничные Сѣверяне, (названные въ XVII столѣтіи Мало-Руссами), и Смоляне (княжества: Черниговское, Сѣверское, Смоленское). 4) Далѣе къ сѣверу, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и Двины, — Бѣло-Руссія, т. е. княжества Витебское и Полоцкое; болѣе къ западу — Волынь и Полѣсье (Polesie) или Черная Русь съ Славянами Литовскими; наконецъ, на нѣсколькихъ тысячахъ квадратныхъ верстъ — Русь Великая, теперь мать всѣхъ другихъ частей Руси, простираетъ могу-

щественныя свои крылья отъ рубежа восточной Украины до льдовъ Сибири и степей за-Уральскихъ.

Всѣ эти Русскія области подвержены были безпрестаннымъ наѣздамъ враговъ. Въ VIII, IX и X вѣкахъ христіанства, нападали на нихъ витязи сѣверные, язычники, непобѣдимые на морѣ и на сушѣ, которыхъ лѣтописцы Русскіе назвали «Варягами», а иностранцы «Норманами». Въ концѣ X вѣка часть изъ нихъ осталась на Руси и основала княжества своего рода въ Новой-Ладогѣ, Кіевѣ и Полоцкѣ. Откуда явились эти сѣверные завоеватели и какъ сдѣлались Русскими? никто не знаетъ. Подъ начальствомъ ихъ Русь воевала друзей и недруговъ и, подражая своимъ побѣдителямъ, садилась на легкія ладьи, спускалась по Днѣпру или Дону въ Азовское или Черное море и въ свою очередь наѣзжала на богатую Византійскую имперію. Видно эти подвиги Руси были счастливы и памятны въ мысляхъ и сказаніяхъ народныхъ, когда и самое Черное море называлось «Русскимъ». Съ теченіемъ времени (около XI вѣка) съ запада Лядскіе, т. е. Ляхскіе или По-Ляхскіе (Польскіе) рыцари, закованные, какъ Нѣмцы, въ желѣзную броню, христіане латинскіе, собирались подъ знамена своихъ князей изъ роду Пястовъ на берегахъ Вислы, Сану и Наровы и оттуда, какъ грозныя тучи, разражались громомъ и молніею на Русскія южныя области, чтобъ обо-

гащаться добычею въ Кіевѣ, городѣ издревле торговомъ, или чтобъ вмѣшиваться въ дѣла князей Кіевскихъ и Галицкихъ, потомковъ первыхъ сѣверныхъ завоевателей. Вслѣдъ за ними съ сѣверо-запада дикіе и бѣдные Литовцы, язычники, на маленькихъ лошадкахъ, дурно вооруженные, дурно одѣтые, но предводительствуемые витязями изъ какой-то отрасли князей Русскихъ (Рогвольдовъ или Рынгольдовъ Полоцкихъ), сильные храбростію и нуждою, нападали на Волынь, западную и восточную Украину и другія области Русскія. Они грабили и жгли города, убивали и полонили жителей и довольные добычею, не заботясь объ удержаніи захваченныхъ городовъ, уходили въ свои непроходимыя «пущи» и болота. Звукъ ихъ роговъ[1] долго наводилъ всеобщій ужасъ на Русскія и Польскія села; а если князья изъ рода Св. Владиміра и вооружались противу нихъ, то месть была не легка въ такой неприступной и бѣдной землѣ какъ Литва. Наконецъ (уже въ XIII столѣтіи) послѣдніе наѣздники, враги кровожадные, страшныя полчища Чингизъ-хана, Батыя, Мамая, варвары Мусульманскіе и Ламайскіе, Монголы, Татары и ихъ братья Ногайцы, подняли «по волѣ Божіей» свои кибитки съ степей за-Волжскихъ. Какъ саранча налетали они на всѣ

[1] Литовскіе рогá весьма замѣчательны: это чрезвычайно длинныя трубы, сдѣланныя изъ древесной коры, которыя и до сихъ поръ употребляются Литовскими пастухами для сзыванія стадъ.

почти Русскія области, и пользуясь ихъ географическою беззащитностію, внутренними распрями и разрывомъ князей, сокрушили самостоятельность народа Русскаго и основали родъ третьяго Калифата, но уже не Арабскаго, а чисто Тюркскаго, т. е. Татарскаго происхожденія. Всѣ наѣзды враговъ разоряли Русскія села и города, но вторженіе Татарское превратило Русь въ безмѣрную пустыню.

Много страдали народы Русскіе отъ безпрестанныхъ вражескихъ набѣговъ, кровавыхъ битвъ, пожаровъ и грабежей, а еще болѣе отъ торжествовавшихъ побѣдителей: Литовцевъ-язычниковъ или Татарскихъ Ордъ. Легко могло случиться, особенно при натискѣ Тюркскихъ народовъ, что Русь, распавшись на многія малочисленныя частицы, исчезла-бы въ массѣ своихъ завоевателей; но Провидѣніе хранило наше племя для дѣлъ великихъ, для созданія новаго, огромнаго міра политическаго. Залогомъ покровительства свыше, залогомъ спасенія и земнаго счастія для Руси, была вѣра въ ученіе Божественнаго Учителя, которая пустила глубокіе корни въ сердцахъ Русскихъ, соединила ихъ и укрѣпила ихъ на брань за родину. Христіанская вѣра явилась на Руси довольно рано; она приходила двоякимъ путемъ: съ запада и юга Европы. Съ запада проповѣдниками Слова Божія явились Латинскіе священники изъ Богеміи или Италіи, большею частью Бенедиктинскіе монахи, окрестившіе Венгрію и Польшу,

гдѣ короли основали богатые монастыри ихъ ордена. Они вовсе не нравились Русскимъ; ибо хотя многіе говорили по Славянски, но молились Богу по латыни, языкомъ для Русскихъ неизвѣстнымъ и не понятнымъ, требовали слѣпаго повиновенія не князьямъ или общинамъ Русскимъ, по Римскому первосвященнику, т. е. государю чужеземному, требуя ему платы или дани, какъ побѣдителю. Съ юга приходили бѣдные проповѣдники Греческіе и за-Дунайскіе (Болгаре), которые уже успѣли обратить къ истинной вѣрѣ часть южныхъ Славянъ, тѣхъ самыхъ, на которыхъ ходили войною князья Русскіе по Днѣпру и Черному-Морю. Хотя они учили тѣмъ же почти догматамъ, что и Чехи-Католики (въ IX вѣкѣ), но говорили языкомъ самымъ близкимъ и понятнымъ Русскому сердцу, не требовали ни покорности Риму, ни податей чужеземной церкви, ни отдѣленія ея отъ государства, какъ на западѣ [1]. Естественно, сіи послѣдніе восторжествовали; вся Русь крестилась, и исключая нѣкоторой части на западѣ, осталась до днесь вѣрна исповѣданію, принесенному Болгарами въ Кіевъ. Съ IX по XII вѣкъ спокойно молились Русскіе Богу Русскому, жили если не въ мирѣ, то въ довольствѣ, подъ отеческимъ управленіемъ кня-

[1] Нѣсколько весьма дѣльныхъ доказательствъ въ пользу Болгарскаго вліянія на крещеніе Руси, читатели могутъ найти въ небольшой но занимательной брошюрѣ, изданной въ Одессѣ *В. Априловымъ* подъ заглавіемъ: «Болгарскіе Книжники».

зей православныхъ, пока набѣги Литовцевъ и Ордынцевъ не поколебали благосостоянія народнаго, основаннаго Ярославомъ Кіевскимъ. Въ годину неизреченныхъ бѣдствій, когда вся почти Русская земля подверглась подъ бунчукъ Татаръ-завоевателей, народъ Русскій въ вѣрѣ своихъ отцевъ, въ покорности и уваженіи къ князьямъ и епископамъ Русскимъ, къ святынѣ Кіевскихъ пещеръ и полуразрушенныхъ обителей, къ языку и преданіямъ своихъ предковъ, находилъ точку опоры для настоящаго, надежды для будущаго.

Къ этому печальному времени относятъ историки начало или появленіе, т. е. упоминаніе въ лѣтописяхъ козачьяго воинства. Полагаютъ, что въ пагубное время порабощенія, впервые начались переселенія Русскаго народа изъ древнихъ своихъ пепелищъ въ неприступныя и не заманчивыя для враговъ степи, прибрежныя къ Днѣпру, Дону, Бугу и другимъ въ нихъ впадающимъ рѣкамъ. Эти безмѣрныя равнины носили имя «Казаріи», и отъ того многіе писатели силятся доказать ихъ тождество съ этимъ неразгаданнымъ народомъ [1]. Полагаютъ также, что новые переселенцы, для собственной защиты, составляли вооруженныя дружины легкаго войска, которыя, въ подражаніе Татарамъ или по другимъ до селѣ неизвѣстнымъ причинамъ, назвались

[1] О Казарскомъ происхожденіи козачества довольно любопытную статью помѣстилъ Виленскій сборникъ *Athenеum*, издав. г. Крашевскимъ. Статья эта г. *Изопольскаго* (кажется псевдонима).

Козаками[1]. Нѣкоторые изыскатели еще далѣе идутъ въ своихъ догадкахъ, говоря, что Козаки суть остатки Русскихъ княжествъ, существовавшихъ въ IX и X вѣкахъ на берегахъ Днѣпра и Черногоморя. Но столь древнее существованіе козачества не подтверждено письменными актами; сами же Козаки, какъ мы убѣдимся послѣ, о столь древнемъ существованіи ничего не знаютъ. Ни одно преданіе, ни одна пѣснь народная не упоминаетъ о витязяхъ при-Днѣпровскихъ или при-Донскихъ далѣе этого времени. Одно только, кажется, не подверждено никакому сомнѣнію, что военное братство, враждебное всему *не Русскому*: Татарамъ, Туркамъ, Польшѣ, даже Великой Россіи, когда она съ перенесеніемъ автократіи въ Москву начала именоваться *Москвою*, а народъ *Москалями* [2], не могло происходить ни отъ Татаръ, ни отъ Черкесовъ, ни отъ Казаръ, какъ это полагали многіе ученые

[1] Не входя въ критическое разсмотрѣніе слова *козакъ*, мнѣ кажется, что коль скоро Арабскія, а въ особенности Татарскія лѣтописи, на всякомъ шагу говорятъ: «такой-то Ханъ или Султанъ съ 10,000 козаковъ бросился на страну невѣрныхъ» и т. п., то слово *козакъ*, на языкѣ кочевыхъ Татаръ, должно было означать легко вооруженнаго воина, преимущественно коннаго, всегда готоваго къ битвѣ, для отличія отъ остальныхъ Татаръ, сидящихъ кибитками, или живущихъ по ауламъ. Запорожцевъ Турки и Татары называли *Буткалы* или *Поткалы*, что значитъ *смѣсь*, *сбродъ народа*.

[2] *Бопланъ* въ своемъ описаніи Украины (въ Русскомъ переводѣ стр. 30) говоря, что: «Азовъ или Азакъ взятъ былъ въ 1642 году *Московскими* Козаками», т. е. Донцами, — говоритъ языкомъ козачества Запорожскаго, у котораго онъ жилъ и съ которымъ воевалъ.

изыскатели. Новѣйшія археологическія изслѣдованія, сдѣланныя въ Одессѣ, доказали ясно, что большая часть Казаръ приняла Еврейскую вѣру, что это происходило въ Крыму и что быть можетъ Караимы суть ихъ настоящіе потомки. Какъ же послѣ того объяснить эту неизгладимую и непримиримую вражду, которую Запорожцы питали къ Евреямъ? Еще менѣе могли они быть скопищемъ разбойниковъ, безъ роду и племени, безъ народныхъ преданій и святыни отечества, ибо въ такомъ случаѣ для нихъ всѣ государства, всѣ націи были бы равны, и тогда не кого было бы защищать отъ враговъ.

Такимъ образомъ, принимая, что козачество произошло сперва отъ Руси Южной (Запорожцы и ихъ преемники: Малороссійскіе, Слободскіе, Бугскіе, Вознесенскіе, Черноморскіе, Дунайскіе и ново-Азовскіе Козаки) а послѣ изъ Руси Сѣверной или «великой» (Донцы и всѣ ихъ потомки: Сибирскіе, Уральскіе, Гребенскіе, Оренбурскіе и др. Козаки), мы желаемъ, какъ первый опытъ, представить нѣсколько документальныхъ свѣдѣній о Запорожцахъ, которыхъ считаемъ началомъ и первообразомъ всего козачьяго міра.

Первое замѣчаніе, которое мы желаемъ представить на судъ читателей, состоитъ въ томъ, что, основываясь на самыхъ достовѣрныхъ преданіяхъ самаго козачества и прагматическихъ актахъ, должно принять почти за аксіому, что два главныя

козачьи общества, Запорожское и Донское, явились или въ одно и тоже время, или второе вскорѣ послѣ перваго, а именно въ началѣ XVI вѣка (1500–1516). Мы говоримъ о появленіи ихъ историческомъ и политическомъ, въ сношеніи съ правительствами, въ видѣ войска, исполнявшаго опредѣленную уже службу, и образованнаго въ гражданское, такъ сказать, тѣло или общину. Когда свѣдѣнія наши умножатся и архивы будутъ разрыты, историки убѣдятся о тождествѣ Донцевъ съ Запорожцами въ отношеніи ихъ начала и прозванія и увидятъ различіе только въ языкѣ и формѣ, по причинѣ происхожденія народнаго и вліянія на сихъ послѣднихъ Польскаго католическаго правительства. Появленіе или «учрежденіе» козачества произошло, вѣроятно, не отъ случайнаго скопленія пришлецовъ съ разныхъ концовъ земель Славянскихъ и не–Славянскихъ;—будемъ къ нимъ гораздо справедливѣе. Произвольное или, положимъ, вынужденное политическими бѣдствіями стремленіе къ войску, оставленіе домашняго крова (лѣсовъ Волынскихъ, богатыхъ селъ и пажитей Украины), переселеніе съ береговъ Виси, Горынп, Западнаго Буга, Десны, верховьевъ Днѣпра, для того, чтобы въ безлюдной степи или въ низовьяхъ Днѣпра, сооружать живую, вѣчно бодрствующую ограду противъ Мусульманскаго могущества, не могло быть дѣломъ случайнымъ. Замѣтимъ, что козачество должно было выдерживать первый натискъ

враговъ — и какихъ враговъ! Они ратоборствовали съ Турками, подавившими въ концѣ XV столѣтія православное Греческое государство на востокѣ и Генуэзскія колоніи на всемъ Черноморскомъ и Азовскомъ побережьи; Турками, которые силою вѣры или оружія, притянули къ своимъ бунчукамъ кибитки и улусы Татаръ, Ногайцевъ, Черкесовъ, Башкировъ, Калмыковъ и угрожали всему христіанскому міру Европы. Со стороны этого мусульманскаго исполина, долгое время съ XVI по XIX столѣтіе, Европа ограждена была только этимъ самосоставленнымъ воинствомъ. По всей этой, врагами осажденной, такъ сказать, стѣнѣ, проведенной по границѣ между исламизмомъ и Славянскими государствами, въ началѣ XVI столѣтія усѣлись, въ грубо сооруженныхъ шанцахъ, или въ убогихъ хатахъ и зимовникахъ, Славянскіе витязи-земледѣльцы: и это были *Козаки*.

Глядя на это географическое водвореніе козачества, нельзя не заключить, что страхъ мусульманскаго владычества, т. е. опасеніе прошедшихъ бѣдствій, которыя видѣли и испытали Русскія области съ XIII по конецъ XV столѣтія, и страхъ будущаго порабощенія, былъ истинною причиною вооруженія границъ поселеннымъ легкимъ войскомъ, однимъ словомъ былъ *началомъ козачества*.

Каково бы ни было происхожденіе козачества, во всякомъ случаѣ, въ началѣ XVI столѣтія мы уже находимъ и Запорожскихъ и Донскихъ Коза-

ковъ на безмѣрныхъ степяхъ прибрежныхъ къ низовьямъ Днѣпра, Дона и Волги, т. е. первѣйшимъ рѣкамъ Россіи [1]. Въ тоже время правительства Польское и Россійское пользуются добрымъ къ нимъ и къ общей безопасности расположеніемъ обоихъ козачьихъ обществъ, вмѣстѣ съ ненавистью ихъ къ Мусульманамъ и обращаютъ на нихъ свою политику. И Россія и Польша формальными хартіями даютъ Козакамъ *право* (jura) собственности на тѣ земли, которыми они съ давнихъ временъ *дѣйствительно* уже (de facto) владѣли; составляютъ изъ нихъ военныя дружины, всегда вооруженныя и всегда готовыя къ дѣлу; обращаютъ ихъ жажду къ войнѣ, наѣздамъ, грабежу, на погибель или на усмиреніе столь же безпокойныхъ, но болѣе дикихъ ордъ Татарскихъ. Но для упроченія между ними духа гражданственности, найденный у нихъ военный и внутренній распорядокъ и обычаи, Россія и Польша подтверждаютъ своими «господарскими словами» (sanctio). Такимъ образомъ, нестройныя, буйныя, незнавшія никакой подчиненности ополченія, связываются узами братства съ остальною Русью, обращаются въ политическія

[1] Сами Запорожцы, какъ мы убѣдились изъ ихъ документовъ, знали о своемъ существованіи далѣе XVI вѣка, но весьма неопредѣленно; они въ своихъ челобитныхъ (напр. 1765, 1773 и 1774 г. писанныхъ) именно говорятъ: «егда мы и подъ Польскою короною были, *да и прежде*». Выраженіе: *да и прежде* намекаетъ на ихъ бытъ древнѣе 1576 г., но бытъ миѳическій, по преданіямъ только имъ извѣстный, и далѣе Дашкевича, т. е. начала XVI столѣтія не переходящій.

общины, съ правомъ избиранія себѣ вождей, собственнаго суда и расправы, облекаются наконецъ въ священныя обязанности защитниковъ Русскаго Христіанства.

Относительно Запорожцевъ имѣемъ уже письменный, самый важный и замѣчательный документъ въ одномъ универсалѣ гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Въ то время когда совершался великій переворотъ, произведенный въ судьбѣ Украины войною за вѣру и присоединеніемъ всего Днѣпровскаго козачества къ православному Московскому, т. е. Всероссійскому государству, Хмѣльницкій, нашедшій въ Запорожьи сперва убѣжище и защиту, а послѣ вѣрныхъ помощниковъ противу Польши, въ знакъ своей благодарности, подтвердилъ особымъ актомъ, древнія права, владѣнія и вольности [1] Запорожскаго войска, признанныя имъ грамматами Сигизмунда I и Стефана Баторія [2]. Универсалъ Богдана Хмѣльницкаго, данный въ

[1] Здѣсь должно изложить, что̀ разумѣли на Украинѣ и въ Запорожьи подъ словомъ: «вольности», «Козачьи вольности», «Днѣпровскія вольности» и наконецъ «вольности войска Запорожскаго». Въ буквальномъ смыслѣ это скорѣе *des franchises* среднихъ вѣковъ, нежели *des libertés* XVIII столѣтія. Но въ переносномъ смыслѣ, какъ его разумѣли и употребляли Запорожцы, значило просто «земли и угодья Запорожскія», какъ «вольныя отъ податей, чиншовъ» и др. повинностей, принадлежащія *владѣнію* «единаго войска Запорожскаго».

[2] Новѣйшія розысканія указали намъ, что Стефанъ Баторій, сдѣлавшійся королемъ Польскимъ изъ воеводъ Семиградской области, сосѣдней съ Турціею, понималъ всю пользу козачества, т. е. постояннаго и дешеваго для казны войска, и имѣя постояннымъ желаніемъ

Бѣлой Церкви 15 Января 1655 года, по просьбѣ Кошеваго «Пана *Демьяна Барабаша*» подтверждая граммату: «Найяснѣйшаго Короля Польскаго Сте-«фана, въ року 1576 мѣсяца Августа 20 дня, на «прошеніе Гетмана *Якова Богданка* и Кошеваго «Запорожскаго низоваго войска *Павлюка*», данную; по этому случаю (для насъ весьма счастливому) обычаемъ Польской канцеляріи приводить ее въ цѣлости. Подобно ему и мы сообщаемъ читателямъ этотъ важный документъ въ такомъ видѣ, въ какомъ дошелъ онъ до насъ.

«Его Королевская Мосць видя Козаковъ Запорожскихъ до Его Королевскаго Маестату зичливую прихильность (преданность) и рыцарскія отважныя службы, которыми завжды (всегда) великія бѣсурманскія погромлялися силы, гордое ихъ прагнене (жажду) на кровь Христіанскую до конца затлумили и пащоку (пасть) ихъ на корону Польскую и на народъ благочестивый Украинскій рыкающую (ревущую, т. е. разверзтую) замкнули и входъ въ Польшу и Украину заступили, всѣ ихъ неисчетныя силы и наглые на народъ христіанскій набѣги грудьми своими сперли (sparli, odparli, удержали); яцыи ихъ службы нагорожаючи, и дабы имъ войска Запорожскаго Козакамъ

учредить рыцарскій орденъ противу невѣрныхъ, довольствовался по неволѣ орденомъ Запорожскимъ. Объ этихъ попыткахъ, въ его время, учрежденія рыцарскихъ братствъ, часто упоминаютъ историки и одинъ примѣръ приведемъ въ главѣ III настоящаго обозрѣнія нашего.

для *зимовыхъ* станцій, гдѣ было прихильность (покровъ) мѣти, также отъ непріятеля раненныхъ своихъ заховуваты и лечиты, въ другихъ долегающихъ (dolegających, тяжкихъ) нуждахъ отпочинокъ мати и всякой пожитокъ ку волѣ своей зобираты, и чтобы также и напередъ заохочены были жичливо въ войску служиты и противъ непріятелей отчизны своей охочо и неомильно (безошибочно, вѣрно) отпоръ чинити, надаетъ Его Королевская Мосць Козакамъ Низовымъ Запорожскимъ вѣкуисте городъ *Терехтимировъ* съ монастыремъ и перевозомъ, опручь (кромѣ) складоваго старинаго ихъ Запорожскаго города Чигрина [1], и отъ того города Терехтимірова наныз по надъ Днѣпромъ рѣкою, до самаго Чигрина и Запорожскихъ степовъ къ землямъ Чигринскимъ подойшлыхъ, всѣ земли со всѣми на тѣхъ земляхъ насаженными (osadzonemi, основанными) мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи, а вширь отъ Днѣпра на степь, якъ тыхъ мѣстечекъ,

[1] Городъ Чигринъ названъ здѣсь старинымъ и *складовымъ*. Польскіе историки относятъ его постройку или по крайней мѣрѣ укрѣпленіе къ 1530 годамъ, т. е. первому извѣстному вождю Козаковъ *Евстаѳію Дашкевичу*, Русскому дворянину изъ Овруча, говорившему объ этомъ воинствѣ и его жилищахъ на сеймѣ королю Сигизмунду I. *Складовымъ* городомъ названъ потому, что Запорожцы со степей на зиму уходили въ то время или въ Сѣчь или въ другіе города, слѣдственно и *Чигринъ* былъ построенъ для *складу* добычи, больныхъ и зимовки войска.

селъ и футоровъ земли здавна находили и теперь такся тое въ ихъ завѣданіи маетъ захоѣаты (сохранится). Городокъ старинный же Запорожскій Самарь съ перевозомъ и землями въ гору Днѣпра по рѣчку Орель, а внызъ до самыхъ степовъ Ногайскихъ и Крымскихъ; а чрезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровый и Боговый «якъ изъ вѣковъ бувало» по Очаковскіе улусы и въ гору рѣки Богу по рѣчку Синюху. Отъ Самарскихъ же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за *Прецлава Ланцкорунскаго* Козаки Запорожскіе свои зимовники мѣвали: ижебы тое все непорушно въ вѣки при Козакахъ Запорожскихъ найдовалось, Его Королевская Мосць граммотою своею Козакамъ Запорожскимъ утвердилъ и укрѣпилъ»[1].

Приведенная здѣсь граммата весьма важна во

[1] Этотъ универсалъ достался намъ во многихъ спискахъ, утвержденныхъ подписью войсковыхъ писарей. Онъ помѣщается весь въ приложеніяхъ подъ № 1. Мы никакъ не могли отыскать оригинала, но не сомнѣваемся въ его подлинности, судя по одному языку его; ибо имѣя подъ рукою болѣе 100 граммагъ XVI вѣка и изъ нихъ до 40 Русскихъ, писанныхъ въ Польско-Литовской канцеляріи, мы могли въ томъ убѣдиться. Замѣтимъ однакожъ, что Запорожцы въ своихъ письмахъ изъ Петербурга жалуются, что въ Малороссійскомъ архивѣ *отпусковъ*, т. е. черновыхъ или проэктовъ этого акта не имѣется, и что Русскіе министры оному не вѣрятъ. Неудивительно. Актъ Хмѣльницкаго данъ въ самомъ разгарѣ войны, а тогда трудно было думать объ архивахъ. Впрочемъ, г. Альбертъ Потоцкій, одинъ изъ весьма замѣчательныхъ Польскихъ литераторовъ, увѣрялъ меня, что во время пребыванія его въ Екатеринодарѣ, онъ въ *Войсковомъ* архивѣ видѣлъ многія грамматы и *листы* Стефана Баторія; быть можетъ и этотъ документъ сохранился между ними.

многихъ отношеніяхъ; мы обратимъ вниманіе на слѣдующія только обстоятельства: 1) на инвеституру или вводъ Козаковъ Запорожскихъ во владѣніе землями, (судя по границамъ, это нынѣшній Новороссійскій Край, за исключеніемъ Ногайской его части и Крыма), сдѣланную Королемъ еще въ половинѣ XVI столѣтія. На какомъ основаніи Польское правительство давало Козакамъ то, что и ему сомнительнымъ образомъ принадлежало? Козаки основались здѣсь, какъ первые обладатели никому непринадлежащихъ пустынь (jure primi occupantis) и удержали свои земли, не смотря на близость главныхъ своихъ враговъ-Турокъ. Но должно помнить, что Стефанъ Баторій, хотя и избранный государь Польши вступалъ во всѣ права Великихъ Князей Литовскихъ, — а извѣстно, что Литовскіе князья царственнаго и другихъ родовъ были первые освободители Южной Руси отъ Татаръ, и въ *пустыняхъ*, врагами оставленныхъ, немедленно основывали зӑмки, города, ставили своихъ старостовъ и намѣстниковъ. Таковы были князья *Корецкіе*, основавшіе при Сигизмундѣ Августѣ зӑмки въ Винницѣ и Брацлавѣ на Подольи, *Синявскіе, Претвицы и Бучацкіе*, владѣвшіе даже частью земель Ногайскихъ между Бугомъ и Днѣстромъ. 2) Здѣсь упоминается о давности полувѣковаго уже владѣнія до Баторія Козаками въ низовьяхъ Днѣпра и Буга и даже у Дона. По сказанію лѣтописцевъ, гетманство или атаманство

Ланцкоронского приходится между 1500 и 1515 годами, т. е. къ царствованію Короля Сигизмунда I. Отъ того мы имѣемъ полное право считать этого государя первымъ основателемъ Запорожской военной общины. 3) Граммата Баторія, на которой основывается и универсалъ Хмѣльницкаго, считаетъ пожалованіе земель, особыхъ правъ и почестей или клейнотовъ (булавы, знамени, бунчука и друг.), наградою за прежнія службы противу враговъ и поощреніемъ къ новымъ подвигамъ. Не того-ли роду призваніе къ службѣ тѣхъ-же Запорожскихъ Козаковъ и противу тѣхъ-же враговъ находимъ въ дни гораздо позднѣйшіе и при другомъ правительствѣ, въ царскихъ грамматахъ, данныхъ Кошевымъ Запорожскимъ: *Сѣркѣ, Гордѣенкѣ, Милашевичу* или *Калнишевскому?* въ ордерахъ Миниха, Вейсбаха, Румянцова и др. полководцевъ, дѣйствовавшихъ отъ имени Россійскихъ Монарховъ, владыкъ Запорожья?

Почти тоже находимъ въ извѣстной намъ первоначальной исторіи Донскаго войска. Г. Броневскій [1] полагаетъ начало его между 1520 и 1540 годами. О существованіи древнѣйшемъ онъ говоритъ подобно историкамъ Запорожья, какъ о преданіи, историческомъ миѳѣ. Онъ доказываетъ документально, что въ 1559 Донцы считались уже подданными Царя Іоанна IV, какъ мы ви-

[1] Исторія Донскаго войска. С.Пб. 1834 г. Т. I. 8°, стр. 53.

димъ изъ разсказа о подвигѣ Донскихъ Козаковъ противъ Крымскаго Хана Девлетъ-Гирея I, разбившихъ Ногайскіе улусы (скорѣе кибитки), кочевавшіе близь Перекопа. Царь по этому случаю (какъ говоритъ Броневскій) писалъ своимъ воеводамъ: «какъ скоро Крымцы пойдутъ къ Окѣ, Донцамъ итти имъ въ тылъ къ Перекопу». Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашего предположенія, что Донская община политически образовалась въ одно почти время съ Запорожскою, по ея образцу, и что устроивалась съ тою-же цѣлію, какъ сія послѣдняя, — служатъ двѣ слѣдующія грамматы, приведенныя Броневскимъ, и которыя по его мнѣнію, суть древнѣйшія изъ извѣстныхъ на Дону.

Первая дана въ 1571 году, т. е. пятью годами раньше грамматы Баторія, дарованной Запорожцамъ. Въ ней сказано: «Отъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи, на Донъ, Донскимъ Атаманамъ и Козакамъ. Послали есьмы для своего дѣла подъ Азовъ Козачьяго Атамана *Микиту Мамина*, да *Молчана Яковлева* съ товарищи; и какъ оні на Донъ прійдутъ, и о которыхъ нашихъ дѣлѣхъ Микита Маминъ вамъ учнетъ говорити и вы бы съ нимъ о нашихъ дѣлѣхъ промышляли за едино; а какъ намъ послужите и съ Микитою нашими дѣлы начнете промышлять и васъ пожалуемъ своимъ жало-

ваньемъ». Писано въ Москвѣ лѣта (1571 Августа въ 17 день.

Вторая жалована Царемъ Ѳедоромъ Іоановичемъ въ 1584 году. Въ ней уже подробно описывается служба, которой Царь требовалъ отъ Донскихъ Козаковъ, повелѣвая, чтобы они: «съ Азовскими людьми (Турками и Татарами) жили смирно и задору никотораго Азовскимъ людемъ не чинили, чтобы въ томъ нашему дѣлу порухи не было. И которые, будетъ, Азовскіе люди учнутъ ходити на Донъ и по рѣкамъ, для рыбныхъ ловель и для дровъ и иныхъ которыхъ запасовъ, а вы бы тѣхъ людей Дономъ и по рѣкамъ пропускали и задору никотораго не чинили». Въ концѣ той-же граммоты Царь приказалъ Донцамъ: «А какъ *Борисъ* (*Петровичь Благово*, Царскій Посолъ въ Турцію) въ Азовъ придетъ, и вы бы его проводили, чтобы Казыева улусу (Ногайцевъ) и отъ Крымскихъ людей пройти здорово и безстрашно; а будетъ Салтанъ Турецкій пошлетъ къ намъ съ нашимъ Борисомъ Благово, своего посланника, провожали честно вмѣстѣ съ Борисомъ».

Однимъ словомъ то, чего Польское правительство ожидало или требовало отъ Козаковъ Запорожскихъ, того-же требовали отъ Донцовъ государи Русскіе, пока наконецъ обѣ козачьи дружины не стали подъ «рукою» и властію одного Россійскаго Монарха. Сколь часто Запорожцы,

своими шалостями или грабежами на границахъ, въ степи и на морѣ, ввергали Польшу въ распри съ Турціею и навлекали кровавые набѣги Татаръ; — столь-же много терпѣла юго-восточная Россія отъ своевольства и безчинства Донскаго войска, какъ это видно изъ приведенной здѣсь грамматы 1584 года. Впрочемъ вредъ, который козачество причиняло или Польшѣ или Россіи, былъ исключеніемъ изъ общаго правила, т. е. пользы ихъ учрежденія. Вообще говоря, какъ Запорожцы, такъ и Донцы служили передовымъ, твердымъ оплотомъ обоихъ Славянскихъ государствъ съ востока и юга, противу Оттоманскаго могущества. Противу нихъ Турція выставила страшную линію враговъ: Крымцевъ, Ногайцевъ, Киргизъ-Козаковъ, Калмыковъ и др. столь-же дикихъ народовъ.

Мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь о Козакахъ Гребенскихъ (явившихся 1580), *Яицкихъ* или *Уральскихъ* (1584), *Волжскихъ*, *Азовскихъ* (1737) и др., потому что образованіе ихъ не было самостоятельно. Они, происходя отъ Донскаго общества, принимали формы козачества, уже существовавшія на Дону. Всѣмъ-же козачьимъ дружинамъ, безъ всякаго сомнѣнія, первообразомъ служило войско Запорожское.

Для дополненія свѣдѣній о происхожденіи козачества, особенно Запорожскаго, любопытно было-бы разсмотрѣть съ подробностію и на мѣстѣ

исторію Венгерско-Сербской военной границы и начало составлявшихъ оную гусарскихъ полковъ. Это дѣло мы предоставляемъ тѣмъ, которые, болѣе счастливые или болѣе свѣдущіе, будутъ имѣть подъ рукою нужные для того матеріалы. Мы теперь обратимся къ главному предмету нашему — Исторіи Запорожья.

Вотъ однѣ предположенія наши о столь важномъ предметѣ, какъ начало козачества; смиренно предаемъ мысли наши на судъ и критику людей свѣдущихъ и благонамѣренныхъ, — но мнѣнія нашего не считаемъ прочною историческою истинною. Слѣдующія за симъ главы предлагаемъ уже смѣлѣе, ибо все или почти все будетъ за насъ говорить самое Козачество Запорожское, т. е. его свидѣтели, подлинные, ими же писанные, и не для исторіи назначенные документы. Тѣмъ паче имъ можно вѣрить и прочнѣе на нихъ основывать историческую повѣсть объ этомъ знаменитомъ военномъ братствѣ или орденѣ.

ГЛАВА I.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРАЯ, ОБИТАЕМАГО ЗАПОРОЖСКИМЪ ВОЙСКОМЪ, ЕГО «ВЛАДѢНІЯ» ИЛИ «ВОЛЬНОСТИ», ГРАНИЦЫ И СОСѢДИ.

Прежде, нежели приступимъ къ Исторіи Запорожья, къ обозрѣнію его внутренняго и внѣшняго быта, необходимо обратить вниманіе на мѣстность, на страну, въ которой жили и подвизались въ теченіе трехъ или болѣе вѣковъ Запорожскіе Козаки. Но мы предупреждаемъ читателей, что считаемъ Запорожье, т. е. древнее Низовое войско, общиною отдѣльною, никогда не бывшею частицею «Гетманщины» или Малой Россіи, и слѣдственно будемъ его разсматривать въ этомъ отношеніи. Первый изъ Русскихъ гетмановъ, достославный Богданъ Хмѣльницкій, самъ думалъ тоже; когда въ своемъ универсалѣ, приведенномъ нами въ предъидущей главѣ, сознается, что свое подтвержденіе правъ и собственности Запорожья считаетъ излишнимъ, ибо войско Ни-

зовое «яко особливые клейноты и армату войсковую» имѣющее, было уже самостоятельно со временъ Стефана Баторія. Оно было подчинено гетманскому управленію только въ послѣднее время своего быта, какъ мы это скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ столѣтнемъ періодѣ, который можемъ опредѣлить съ точностію, посредствомъ имѣющихся у насъ достовѣрныхъ козачьихъ документовъ, т. е. между 1670 и 1770 годами, «Славное Запорожское Низовое войско» занимало обширное пространство земель, составляющихъ теперь Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, за исключеніемъ отъ сей послѣдней Одесскаго, Тираспольскаго и Ананьевскаго уѣздовъ, т. е. области между Бугомъ и Днѣстромъ лежащей. На картѣ *Де-Боксета*, полученной нами изъ Сенатскаго архива и которую мы приложили къ Исторіи Новороссійскаго Края [1], всѣ *владѣнія* Запорожскія, исключая сѣверо-западной частицы степи, между Польскою границею и нынѣшнимъ Елисаветградомъ, которая

[1] Эта карта была сочинена еще въ 1740 годахъ, когда инженеръ-подполковнику де-Боксету вмѣстѣ съ Миргородскимъ полковникомъ *Капнистомъ* поручено было описаніе и снятіе на карту за-Днѣпровскихъ мѣстъ, т. е. Новороссійскаго Края. Она называется: «Генеральная ландъ-карта отъ Кіева по Днѣпру до Очакова и по степи до Азова, съ показаніемъ Новой-Сербіи» и проч. Запорожцы часто на нее ссылались, когда въ Петербургѣ доказывали права свои на земли и рѣки. На ея основаніи отводились земли подъ поселеніе Сербскихъ эмигрантовъ въ 1750 годахъ; на картѣ нами приводимой, эти колоніи или военныя поселенія уже обозначены, по указанію мѣстности настоящей.

была занята подъ Сербскія и Слободскія поселенія, обозначены довольно правильно подъ названіемъ: «*жилища и зимовники Запорожскихъ Козаковъ*». Изъ этой карты, какъ современной послѣднему Кошу Запорожскому, равно какъ изъ показаній другихъ географовъ, можно было намъ съ точностію обозначить на прилагаемой здѣсь картѣ границы Запорожья въ началѣ XVIII столѣтія. Такимъ образомъ мы увидимъ, что на *сѣверъ* отъ Крылова или конца Польской границы по Днѣпру до кр. Переволочной идетъ граница Гетманщины или восточной Украины, т. е. Малороссійскихъ полковъ: Миргородскаго и Полтавскаго. На *востокъ* отъ Переволочны до Бахмута по Орели и Сѣв. Донцу граничатъ земли Слободскихъ полковъ, поселенныхъ при Гетманѣ Хмѣльницкомъ и вновь устроенныхъ при Петрѣ Великомъ. По лѣвой сторонѣ Сѣв. Донца и Калміуса до впаденія сей послѣдней рѣчки въ Азовское море идетъ граница Донской Козачьей дружины. На *югъ* отъ впаденія р. Берды (у нынѣшняго Бердянска) до устья р. Конскихъ Водъ въ Днѣпръ, по нынѣшней межѣ сѣверной части Таврической губерніи, была страшная и пустая степь, о которой знали только, что на ней «Ногайскіе Татаре кочуютъ», и къ которой изъ Украины вела дорога, извѣстная подъ именемъ *Муравскаго тракту* или *шляху*; по ней ходили Русскіе караваны за солью, шерстью и виномъ въ Крымъ, или, какъ тогда

говорили, до «Перекопской башты». На юго западъ, начавъ отъ впаденія Буга въ Днѣпровскій лиманъ или отъ Запорожскаго Перевѣзскаго поста вверхъ по теченію Буга до Запорожскаго *гарду* или рыболовнаго и военнаго стану на этой рѣкѣ, идетъ граница Ногайцевъ, которыхъ Козаки называли Бѣлгородскими, Едисанскими, Буджацкими или даже Очаковскими; наконецъ на западъ, начавъ отъ Гарду до «Синей-воды» или *Чернаго Шляху* (р. Синюхи), и отсюда по всей западно-Украинской границѣ, имѣли Запорожцы въ сосѣдствѣ Польскія воеводства, отъ своего Орлика (что нынѣ Ольвіополь) до Чигрина, который тогда былъ уже не козачьимъ замкомъ, а простымъ Польскимъ старостомъ.

Въ этихъ границахъ взятое Запорожье называлось въ Россіи «за-Днѣпровскою Украиною», въ Польшѣ *Низомъ* или даже «*Дикимъ полемъ*», котораго никто не видѣлъ иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, если былъ дворянинъ, или съ торговымъ караваномъ, если былъ промышленникомъ. Но мы гораздо счастливѣе, свободно проникаемъ въ самую глубину Запорожья, и то въ эпоху еще славнаго его существованія; доставшійся намъ архивъ ихъ Коша или Сѣчи, лучшій свидѣтель прошедшаго, открылъ намъ тѣ ихъ тайны, которыя они скрывали отъ всѣхъ, даже отъ своихъ великихъ и милостивыхъ Монарховъ,

тайны географическія и статистическія. Ими-то охотно дѣлимся съ читателями.

Пять было главныхъ границъ Запорожья: 1) въ Переволочнѣ со стороны Гетманщины или Россіи; 2) у Бахмута, или послѣ (съ 1730 годовъ) у крѣпости Козловской на линіи, со стороны Слободской земли; 3) на р. Калміусѣ со стороны братьевъ Козаковъ по-Донскихъ; 4) у «Никитина-перевоза» или на Перевѣзскомъ посту на Бугскомъ Лиманѣ противъ крѣпости Очакова со стороны Крыма и Турціи, и 5) въ Гарду со стороны «Найяснѣйшей Рѣчипосполитой Польской». Тамъ учреждались ихъ посты, управы или *Паланки*, и оттуда все стекалось въ центръ жизни Запорожской, въ главный ихъ станъ или Кошъ, которымъ была «Сѣчь».

Для связи и ясности въ разсказѣ нашемъ мы должны теперь сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, кто и какіе были сосѣди Запорожья. Мы ограничимся только двумя главными: Польшею и Крымомъ; объ Украинѣ же и Донцахъ скажемъ мимоходомъ.

Въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII столѣтія (между 1697 и 1733 годами) царствовалъ въ Польшѣ Саксонскій электоръ Фридрихъ Августъ II, другъ Петра Великаго, мужъ великой души, но превратнаго счастія, который ничего не могъ сдѣлать для государства, преданнаго всѣмъ бѣдствіямъ дворянской анархіи, разорваннаго партіями

и которое защищалось только временнымъ ополченіемъ дворянства. Безъ войска, безъ крѣпостей, безъ финансовъ, обширное королевство Польское было самымъ безопаснымъ сосѣдомъ Запорожья. Съ нимъ граничитъ Брацлавское и часть Кіевскаго воеводства, т. е. лучшая часть Польши или западной Украины, за которую столько пролило крови храброе Козачество. Границу со стороны Польши берегъ намѣстникъ великаго короннаго гетмана съ титломъ «Региментаржа войскъ партіи Украинской», у котораго никогда и 3.000 чел. подъ ружьемъ не имѣлось на всю Подолію и Украину; а въ самомъ дѣлѣ защищали оную или должны были защищать пограничные старосты: Брацлавскій, Уманскій, Могилевскій, Бѣлоцерковскій, Черкаскій, Чигринскій и др. Но и тѣ до 1750 г. охраняли границы свои только номинально; въ томъ же году учреждены были мѣстныя помѣщичьи «милиціи»,[1] на которыя столь же мало можно было надѣяться, какъ и на регулярное войско, бывшее только на бумагѣ. Русскія войска безъ малѣйшаго сопротивленія или даже спросу, переходили рубежъ и являлись въ Польшѣ, когда ея дѣла или война съ другими государствами того требовали. Козаки Запорожскіе сохранили древнюю свою ненависть къ Полякамъ и чутко глядѣли за всѣми ихъ дѣй-

[1] О помѣщичьихъ милиціяхъ въ Западной Украинѣ сказано нами въ «*Наѣздахъ Гайдамакъ на Западную Украину*», изд. въ Одессѣ 1845 г. стр. 56 и др.

ствіями. Польша платила имъ тѣмъ же, и часто безразсудныя или слишкомъ дерзкія ватаги, пойманныя за Бугомъ или Синюхою, немедленно предавались смерти, на основаніи законовъ XVII столѣтія; даже наѣзды и убіеніе Запорожцевъ считалось дѣломъ естественнымъ для Польскаго дворянства, и молодежь почти ежегодно отправлялась съ поѣздомъ въ «Дикое поле», чтобы *заслужить себѣ шпоры* (ostrogi) т. е. право быть рыцаремъ, товарищемъ панцырной или гусарской «хоругви».

Въ тоже время Крымское Ханство чахло подъ тяжкимъ скипетромъ Порты Оттоманской и, безъ дикихъ ордъ Ногайскихъ давно могло бы исчезнуть изъ среды второстепенныхъ государствъ Европейскихъ. Но его слабость и ничтожество еще тогда никому не были извѣстны. Еще въ 1750 годахъ Ханы Крымскіе казались намъ грозными завоевателями, и два, три десятка Ногайскихъ наѣздниковъ наводили такой ужасъ въ Польшѣ и Россіи, что не только пограничные жители, но и современные историки число это умножали сторицею, для истолкованія трепета народнаго. Ханство Крымское состояло изъ собственно полуострова, гдѣ было до 500.000 жителей обоего пола, и четырехъ ордъ Ногайскихъ, окружавшихъ южныя границы Россіи со всѣхъ сторонъ.

Эти Ногайскіе Татаре въ началѣ XVIII столѣтія раздѣлены и расположены были слѣдующимъ образомъ:

1. *Орда Буджацкая*, такъ названа по своему географическому положенію, а не по «роду» (tribut), изъ котораго происходила. Она обитала въ нижней части нынѣшней Бессарабской области, въ степяхъ или такъ называемомъ *Буджакѣ*, гдѣ имѣла до 300 порядочныхъ селъ и состояла изъ 6 отдѣльныхъ колѣнъ: 1) изъ части Орды Едисанской, занимавшей своими аулами степи нынѣшней Херсонской губерніи отъ р. Кучургана до Днѣстра и за Днѣстромъ отъ мелкой рѣчки Алкали-дере, впадающей въ соляныя озера близь о. Тузлы (Аккерманскаго уѣзда) до устья рѣчекъ Сараты и Кундукъ въ большой лиманъ или соленное озеро; 2) изъ 4-хъ мелкихъ колѣнъ, именуемыхъ: *Оракъ-Оглу* (дѣти Орака), *Орутбетъ-Оглу, Джамбулатъ-Оглу* и *Киргизовъ;* 3) изъ цѣлой орды *Едичкульской,* которая по Татарскимъ грамматамъ жила «за Днѣстромъ по рѣчкѣ Сары-Су, т. е. Желтыя-Воды»[1], но которыхъ жилища ни въ Буджакѣ, ни въ Херсонскихъ степяхъ обозначить не можемъ. Есть только два урочища: рѣчка *Сары-Яръ* (желтая земля) въ Буджакѣ и *Сары-Гёлъ*, (Цариголъ, желтое озеро), рѣчка въ Одесскомъ уѣздѣ, которыя напоминаютъ о мѣстности, какая показана въ грамматѣ Крымъ-Гирея-

[1] О переселеніи Едичкульской Орды въ сѣверную часть Таврической губерніи, скажемъ ниже, во II-й части Исторіи Новой-Сѣчи подъ 1759 годомъ.

Хана къ Кошевому *Бѣлицкому,* какъ это увидимъ послѣ. Обѣ Орды: Буджацкая и Едичкульская въ самомъ цвѣтущемъ своемъ положеніи не имѣли болѣе 9,000 казановъ или семействъ. Орда Буджацкая имѣла своего отдѣльнаго сераскира, старшаго изъ вождей Ногайскихъ, обыкновенно избираемаго изъ роду Гиреевъ, котораго главная ставка или аулъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ с. Ганкишла (Аккерманскаго уѣзда) близь Днѣстровскаго лимана, въ трехъ верстахъ отъ почтовой дороги изъ ст. *Гура-Роша* въ Бендеры.

2. *Орда Едисанская,* самая многочисленная, какъ доказываетъ ея имя (Едъ-Сань 70,000), ибо имѣла до 10,000 кибитокъ, называлась еще Очаковскою, отъ жительства своего на землѣ, которую Турки и Татары до конца XVIII столѣтія называли *Узи-Кале-Топраги*, т. е. «землею Очаковской крѣпости». Но чаще всего именовалась она, особенно у сосѣдей, т. е. Запорожцевъ и Поляковъ «Ногайскою Ордою» преимущественно предъ другими колѣнами. Она кочевала на всемъ пространствѣ степей нынѣшнихъ Одесскаго и Ананьевскаго уѣздовъ Херсонской губерніи, т. е. между Чернымъ моремъ, Польскимъ рубежемъ и рѣчкою Кучурганомъ, за которою начинались жилища Орды Буджацкой. За Бугомъ же къ востоку они простирались до Русской границы, которая была проведена въ 1705 и 1740 го-

дахъ[1]. Она тоже имѣла сераскира изъ роду Гиреевъ, который командовалъ Мурзами и аулами: Кучурганскими, Тилигульскими, Березанскими и при-Бугскими, а самъ имѣлъ ставку на вершинахъ Куяльниковъ (Ананьевскаго уѣзда).

3. *Орда Джамбуйлуцкая*, какъ видно изъ современныхъ сказаній, кочевала въ сѣверной части Таврической губерніи, въ такъ называемыхъ Ногайскихъ степяхъ (Кабилей-Нугай-Джамбулюкъ), преимущественно въ окрестностяхъ Перекопа, откуда передвигалась то на востокъ въ нынѣшніе Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды, то на Кинбурнскій полуостровъ, смотря по нуждѣ своихъ стадъ или по волѣ Хановъ. Г. Броневскій въ своихъ *Извѣстіяхъ о Кавказѣ* (ч. II, стр. 207) говоритъ, что Джамбулуки названы отъ рѣки Эмбы, которую Калмыки называли *Джемъ*, и по которой Ногайцы этого колѣна кочевали въ XVI столѣтіи. Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ Польскихъ книгахъ, особенно XVIII столѣтія, мы находимъ слово dzambułować (чамбуловать), что означало «грабить, разрушать по Татарски». Не отъ Ногайскихъ-ли наѣздовъ произошло это слово? Вмѣстѣ съ Джамбулуками въ тѣхъ-же степяхъ Ногайскихъ кочевали Киргизы, но ихъ

[1] Эта граница ясно показана на картѣ де-Боксета и въ моемъ Хронологическомъ Обозрѣніи Новороссійскаго Края. Часть I. стр. 2 и пр. Здѣсь она обозначена особою линіею.

было не болѣе 9 ауловъ съ 198 кибитками. Для командованія этими Ногайцами рѣдко назначался сераскиръ, а чаще каймаканъ, пребывавшій всегда въ Перекопѣ. Они, вмѣстѣ съ Киргизами, имѣли едва 2,000 кибитокъ.

4. *Орда Кубанская,* тоже географически такъ названная, по жительству Ногаевъ на рѣкѣ Кубани, до устья рукава ея или *Чернаго протока* въ Азовское море, въ землѣ нынѣшняго Черноморскаго войска. Хотя она не граничила съ Запорожцами, но имѣла близкія сношенія съ ихъ промышленниками, ходившими на Ейскую, Бейсугскую и др. косы Азовскаго моря для рыболовства. Изъ одного показанія Козаковъ, бывшихъ въ кочевьяхъ этой орды въ 1759 году, мы знаемъ, что она дѣлилась на двѣ неравныя части, изъ которыхъ одна кочевала вверхъ по Кубани, а другая вмѣстѣ съ своимъ сераскиромъ находилась между нижнею Кубанью «Чернымъ-Протокомъ» и рѣчкою *Аганлы,* гдѣ въ урочищѣ *Саулану,* была и сераскирская ставка. Всѣхъ кибитокъ имѣла она до 2,500.

Такимъ образомъ всѣ Орды вмѣстѣ имѣли 23,500 или положимъ до 24,000 казановъ, и въ случаѣ крайней нужды и опасности могли доставить Хану до 25,000 всадниковъ; все же народонаселеніе Ногайское въ началѣ XVIII столѣтія не превышало 60,000 душъ обоего пола, а къ концу того вѣка значительно уменьшилось. Гео-

графическое расположеніе Ногайскихъ ордъ и границы ихъ съ частію (Западнаго) Запорожья, легко видѣть на прекрасной, къ несчастію теперь рѣдкой картѣ, составленной извѣстнымъ географомъ *Риччи-Занони*[1]. Разсмотрѣвъ ее подробно, можно легко убѣдиться, какъ Запорожье было мало извѣстно даже самимъ классическимъ географамъ.

Крымское Ханство на полуостровѣ состояло изъ 6-ти каймаканствъ или провинцій:

	Кадылыковъ или округовъ,		деревень.
1. Бахчисарайское, имѣющее . .	6	Въ нихъ считалось:	292
2. Акъ-Мечетское » . .	9		242
3. Кара-су-базарское » . .	9		342
4. Козловское (Евпаторійское) . .	5		195
5. Кефинское (Ѳеодосійское) . . .	9		233
6. Перекопское	6		169.

А всего 44 кадылыка и въ нихъ 1,474 деревни Татарскія, къ которымъ причисливъ 52 христіанскія деревни, будетъ все Ханство имѣть, кромѣ городовъ, 1,526 усадьбъ.

Торговля Крыма производилась чрезъ Ѳеодосійскій, Очаковскій и Козловскій порты, моремъ, хотя первые два города принадлежали Туркамъ; караванная-же торговля, т. е. съ Россіею, Запорожьемъ и Польшею чрезъ «Пере-

[1] Мы руководствовались экземпляромъ, который былъ изданъ въ 1772 году.

копскую башту», гдѣ для того была сухопутная таможня. Каймаканы и дыздари (коменданты) Перекопскіе, иногда простые Аги, были коммисарами для пограничныхъ дѣлъ съ сосѣдями, т. е. Россіею и Польшею.

Донское войско своими станицами доходило до Калміуса и тамъ былъ, какъ говорятъ Запорожцы, «укопанъ пень обгорѣлый, для знатья всякому своей граньици»[1]; но ихъ раздѣляло притязаніе на косы Азовскаго моря, особенно: Бердянскую съ одной и Ейскую съ другой стороны залива, равно какъ рыболовство въ этомъ морѣ и по нѣкоторымъ рѣчкамъ, — но для рѣшенія подобныхъ споровъ въ Бахмутѣ находилась постоянная пограничная коммисія, которая измѣряла правосудіе обѣимъ сторонамъ.

Равнымъ образомъ было устроено сосѣдство съ Слободскими полками. Комендантъ кр. Изюмской и полковникъ Изюмскаго козачьяго полка, рѣшалъ споры и недоразумѣнія, которыя могли случаться по владѣнію землями и угодьями, между Слобожанами и Запорожцами.

Теперь обратимъ вниманіе наше на самую землю или «вольности» Запорожскаго войска. Въ Запорожьѣ, въ собственномъ смыслѣ, не было географическаго раздѣленія земель, но изъ одного рапорта Кошеваго Григорія Федоровича *Лантуха*

[1] См. въ Приложеніяхъ № 16 «границы Запорожья».

Малороссійскому Гетману въ 1756 году, видно, что въ это время надзоръ за безопасностію всего края распредѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ:

«Полковникамъ: Гардовому *Іосифу Ковалевскому*, около Гарду по-надъ рѣкою Бугомъ, по Ингулу и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ; 2) Перевѣзскому (или Ингульскому) *Якиму Лелеку* по-надъ рѣкою Днѣпромъ, рѣчкою Ингульцомъ и въ другихъ мѣстахъ; 3) Кодацкому *Степану Мовчану* по-надъ Днѣпромъ и внизъ по Сурскимъ и Базавлукѣ рѣчкамъ; 4) Самарскому *Якову Гаркушѣ* по-надъ Самарою, Вовчею, въ Келчени рѣчкамъ, и въ степныхъ мѣстахъ; 5) Калміускому *Грицьку Гаркушѣ* въ Калміусѣ и другихъ тамошнихъ мѣстахъ; — а Куреннымъ Атаманамъ около Сѣчи, въ рѣчкахъ Солоной, Чортомлыкѣ, Базавлукѣ и въ Лузѣ (Великомъ Лугѣ), — на крѣпко велѣно смотрѣть» и проч.

Изъ этого документа видно, что въ 1756 году ивѣроятно за 100 лѣтъ прежде, — ибо Запорожье до самаго 1766 года никакимъ перемѣнамъ не подвергалось,— край Запорожскій раздѣлялся тогда на пять вѣдомствъ или паланокъ коихъ начальники, полковники, за благочиніемъ войска внѣ Сѣчи и вмѣстѣ за границею наблюдали. Въ 1735 году учредился 6-й постъ въ *Прогноях*ъ, т. е. у Соляныхъ озеръ на Кинбурнскомъ полуостровѣ находящихся, для защиты людей изъ Запорожья и Малой-Россіи приходившихъ туда за солью, или для рыболовства въ Лиманѣ. Съ 1765 года

начало увеличиваться семейное народонаселеніе въ Запорожьи или такъ называемое *подданство войска*, которое по обычаю должно было селиться въ Самарской только и Кодацкой *товщахъ* (товща, съ Польскаго tłuszcza, толпа, чернь), но не помѣщаясь въ этихъ мѣстахъ, по проэкту Кошеваго Петра Калнишевскаго, утвержденному *общею войсковою радою*, поселялось за Самарью, болѣе къ сѣверу. Имъ отведены были земли по р. Орели до самаго Сѣвернаго Донца съ одной стороны Самары, а по Протовчи и другимъ рѣчкамъ съ другой стороны. Число этихъ людей такъ увеличилось, что въ 1766 и 1768 годахъ учредились два новыя вѣдомства или паланки, подъ командою особыхъ полковниковъ и старшинъ, названныя *Орельскою* и *Протовчанскою* паланками[1].

Мы имѣемъ такое обширное количество документовъ и свѣдѣній о состояніи Запорожья, что можемъ представить читателямъ небольшую «статистику» этого края за такой періодъ времени, когда даже въ западной Европѣ статистикою еще мало занимались. На основаніи такихъ

[1] *Паланка* по Турецки, какъ говоритъ Menninsky, T. I, стр. 88, значитъ небольшое укрѣпленіе: «méchant château entouré des palissades»; и теперь еще въ Турціи есть укрѣпленныя мѣста, называемыя паланками. У Запорожцевъ паланка значила и округъ и мѣстопребываніе полковника съ своею старшиною и въ переносномъ смыслѣ управленіе полковое. Въ Задунайской Сѣчи, укрѣпленное мѣсто или замокъ, гдѣ была церковь и жилище Кошеваго, называлось тоже «паланкою».

данныхъ можемъ сказать, что кромѣ Сѣчи, Запорожье раздѣлялось на слѣдующія паланки:

1. Кодацкую.
2. Буго-Гардовскую.
3. Ингульскую или Перевѣзскую.
4. Прогноинскую.
5. Орельскую.
6. Самарскую.
7. Протовчанскую и
8. Калміускую.

Географически онѣ расположены были слѣдующимъ образомъ: на правой сторонѣ Днѣпра Ингульская и Кодацкая; на лѣвой: Самарская, Протовчанская и Орельская; на Бугѣ у Польско-Татарской границы Буго-Гардовская; на устьяхъ Берды и Калміуса у Азовскаго моря — Калміусская; наконецъ уже за границею на Кинбурнскихъ озерахъ Прогноинская паланка. Хотя всѣ онѣ управлялись одинаковою полковою старшиною, но ихъ назначеніе было неравно. Кодацкая, Самарская, Орельская и Протовчанская имѣли города, села и хутора, *посполъства* и женатыхъ козаковъ; остальныя ни селъ, ни даже постоянныхъ мѣстопребываній не имѣли, а учреждались ежегодно съ весны на все лѣтнее и осеннее время для рыболовства, звѣриной и соляной добычи, а на зиму переходили глубже въ степь къ зимовникамъ неженатыхъ или Сѣчевыхъ козаковъ для наблюденія за ними.

Паланки или *товщи*, имѣющія села, суть слѣдующія:

1) *Кодацкая паланка,* такъ названная отъ укрѣпленнаго города Новаго-Кодака и м. Стараго-Кодака на Днѣпрѣ, основаннаго Поляками въ 1632 году для грозы Запорожцамъ, простиралась, вѣроятно, начавъ отъ Никитина перевоза (Никополя) вверхъ по Днѣпру до самаго Крылова, а въ ширину до рр. Тясьмины и Виси. Но съ 1750 годовъ, т. е. основанія Новой-Сербіи, Ново-Слободскаго козачьяго поселенія и раскольничьихъ селъ (въ послѣдствіи совокупленныхъ въ одну Новороссійскую губернію), эта паланка отъ Днѣпра доходила только до Ново-Слободской или *Глѣбовской* черты (на картѣ нашей обозначенной) и имѣла слѣдующія села или усадьбы:

1. Крѣпостцу: Новый-Кодакъ, гдѣ войсковый дворецъ и паланка.
2. Старый-Кодакъ.
3. Половица (что нынѣ Екатериносл.)
4. Медивецъ.
5. Хуторъ Горяного.
6. Волосскіе хутора (основ. 1769 г.)
7. Чапли (нынѣ им. кн. Воронцова).
8. Кемлыковка (Кемлыкъ значитъ Калмыкъ).
9. Набоковка.
10. Чаплинская Каменка.
11. Тарамское.
12. Карнауховка.
13. Тритузное.

Почти всѣ находятся въ Екаринославскомъ уѣздѣ.

14. Камянское (близь нынѣшней ст. Мѣловой) съ базаромъ, т. е. ярмарками уже за границею Турецкою (Херс. уѣзда).
15. Романково.
16. Коммисаровка.
17. Лиховка.
18. Томаковка (близь Никополя).

(Почти всѣ находятся въ Екатериносл. уѣздѣ.)

Въ этой паланкѣ въ 1770 году считалось кромѣ козаковъ куренныхъ въ командѣ полковника: 168 женатыхъ козаковъ, 378 тяглыхъ (имѣющихъ свои плуги), 295 пѣшихъ, всего 841 семейство посполитыхъ людей.

2) *Самарская* паланка, лежащая за Днѣпромъ по обѣимъ сторонамъ р. Самары, была самою важною и богатою частью Запорожья. Въ ней было все его общественное хозяйство и лучшіе зимовники старшинъ и козаковъ. Она и въ древности считалась весьма плодородною, ибо Бопланъ очевидецъ, въ своемъ *Описаніи Украины* (Русск. пер. стр. 18), говоритъ объ ней: «Самара впадаетъ въ Днѣпръ прямо противъ вершины *Конскаго острова* (?): она весьма обильна рыбою, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ мёдѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое мѣсто можетъ сравниться въ этомъ съ окрестностями Самары». Это было писано въ 1640 годахъ. Въ 1770 году были въ ней села:

1. Самарчикъ или Новоселица, гдѣ была паланка (нынѣ Новомосковскъ).
2. Переметовка.
3. Камянка.
4. Сокольскій редутъ.
5. Бригадировка.
6. Ревовка.
7. Кильчень.
8. Бардаковка.
9. Адамковка.
10. Пышневка.
11. Войсковое (село).
12. Чернечое.
13. Сельца и хутора, принадлежащіе Запорожскому Самарскому монастырю.

(2–12: Всѣ находятся въ нынѣшнемъ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи.)

Въ нихъ было, кромѣ куренныхъ козаковъ въ командѣ полковника: 240 женатыхъ, 502 тяглыхъ, 416 пѣшихъ, всего 1,158 посполитыхъ людей.

3) *Орельская,* основанная изъ хуторовъ и селъ, поселившихся за Украинскою линіею Украинцевъ по рр. Орели, Богатой и др. до Самары, до ходила до Славяно-Сербіи или Екатерининской провинціи. Въ ней около 1770 года были уже села или усадьбы:

1. Орель или Орликъ.
2. Гупаловка, противъ Нефорощанскаго Монастыря.
3. Козырщина, гдѣ была паланка.
4. Лычковое.

(Павлоградскаго уѣзда Екатерин. губерніи.)

5. Прядивка, на балкѣ с. и.
6. Перещепино.
7. Котовка.
8. Калантаевка.
9. Пушкаревка.

} Павлоградскаго уѣзда Екатерин. губерніи.

Въ ней находилась команда до 500 куренныхъ Козаковъ и было 183 тяглыхъ, 133 пѣшихъ, а всего 316 хатъ посполитыхъ людей. Въ 1774 году, для уравненія повинностей, причислено къ ней с. *Байбаковка* отъ Протовчанскаго вѣдомства.

4) *Протовчанская* паланка, находящаяся между Самарскою и Калміускою паланками, занимаетъ теченіе Протовчи, Терси, Терновки и др., и въ 1770 году имѣла слѣдующія села:

1. Куриловка.
2. Плеса или Плёсы.
3. Черноуховка.
4. Васильковое.
5. Грузиновка.
6. Полковнича (надъ озер. Пришибомъ).
7. Судѣевка (надъ оз. Радоновымъ).
8. Сердюковка (надъ оз. Подпольнымъ).
9. Шуглѣвка.
10. Климовка (надъ оз. Страшнымъ).
11. Семенчивка.
12. Балабановка.

} Частью въ Павлоград., а частью въ Новомосковскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи.

13. Горбулевка.
14. Половинщино.
15. Проданивка.
16. Галушковка.
17. Одаровка.
18. Цегловатая.
19. Сѣрковка.
20. Могилевка.
21. Лебединцы.

} Въ Павлогр., а часть въ Новом. уѣздахъ Екатериносл. губ.

22. Хутора подъ гг. Царицанкою и Маячками (Полт. губ.).
23. Хутора въ урочищѣ Щуровомъ.
24. Хут. въ уроч. Бабенковкѣ.

Въ ней кромѣ 2-хъ-сотой команды, курен. Козак. въ 1770 г. было: женатыхъ Козак. 363, посполъства 737 хатъ, всего 1,100 хатъ или семействъ.

Все, слѣдственно, женатое народонаселеніе Запорожья могло имѣть 3.415 хатъ т. е. семействъ, или до 12 250 душъ обоего пола.

Остальныя четыре паланки селъ не имѣли, а располагались слѣдующимъ образомъ:

1. *Ингульская* или *Перевѣзская*[1] имѣла до 1760 г. полковаго старшину и 219 чел. куренныхъ Козаковъ и расположена была или у «Александръ-шанца» (нынѣ Херсонъ) или при урочищѣ Перевѣзкѣ, на устьѣ рѣчки Ингульца. Кажется, что это нынѣшнее с. Никольское пом. Ав. Комстадіуса, близъ станціи и селенія Ингульскаго, или Даріевки, принадлежащаго другому Комстадіусу. Въ этой паланкѣ наблюдали за рыболовствомъ въ Днѣпрѣ и по Ингульцу, равно какъ и за зимовниками, которые были вверхъ по этой рѣчкѣ отъ устья до ея верховьевъ въ нынѣшнихъ Херсонскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ. На устьяхъ Днѣпра есть рукава, называемые рѣчки: Кошевая, Козацкая, Подпольная и др. явно свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь Запорож-

[1] Мы полагали, что она названа Перевѣзскою отъ *перевоза* на Ингульцѣ или упоминаемомъ въ трактатѣ 1705 и 1740 годахъ *Бекеневскомъ-Броду* (на оврагѣ *Бѣломъ*). Но посѣтивъ эти мѣста въ 1845 г., нашли, на устьѣ Ингульца въ Днѣпръ, въ с. г. Комстадіуса, урочище, до сихъ поръ въ простонародьи именуемое *Перевизкою*, гдѣ по словамъ жителей: «колысь и Запорожцы сидили».

цевъ. Со временемъ, уже въ 1735 г., въ помощь этой паланкѣ для наблюденія за Турецкою границею противу Очакова и Кинбурна, равно какъ и за людьми, добывавшими соль въ озерахъ (прогнояхъ), учредилась другая паланка, здѣсь слѣдующая.

2. Паланка *Прогноинская*, такъ названа отъ урочища на Кинбурнскомъ полуостровѣ, называемомъ нынѣ *Прогноинскомъ*, а тогда просто *Прогноями*. Это слово значило гнилыя озера съ соленою, т. е. занесенною въ нихъ морскою водою, которыя, высыхая, «*гноились*» и осаждали *соль*. Это мѣсто находится въ 35-и верстахъ отъ оконечности Кинбурнской косы, на которой стоитъ крѣпость. Прогноинская паланка, кромѣ наблюденія за границею, подобно Ингульской, главною обязанностью имѣла охранять промышленниковъ, которые изъ Запорожья и Малороссіи приходили сюда «для згромаженія соли», чему Крымцы крѣпко противились, желая, чтобы всѣ солепромышленники отправлялись на Перекопскія, т. е. внутреннія соляныя озера. Но Козаки считали *Прогнойныя* озера принадлежностію своихъ «вольностей», т. е. земскихъ владѣній. Кромѣ того эта паланка наблюдала за движеніями Крымцевъ и Очаковской крѣпости, имѣла свою переправу чрезъ Бугскій и Днѣстровскій лиманы, для переѣзда посланцевъ или торгующихъ Запорожскихъ людей въ Очаковъ. Такъ какъ Ханъ Крымскій отправлялся въ Буджакъ (Каушаны) чрезъ Крымскія степи до Кин-

бурна, а отсюда на Очаковъ, то постъ Прогноинскій, не смотря на жалобы Хановъ, Ногайскихъ сераскировъ и Очаковскихъ пашей-губернаторовъ, былъ всегда сильно вооруженъ, хотя въ немъ строго запрещалось *сидѣть* зимовниками, торговать водкою и хлѣбомъ, кромѣ для внутренняго употребленія, въ лѣтнее время.

3. *Калміусская* паланка «въ чрезвычайной отдаленности остаючаяся», служила защитою промышленникамъ, ходившимъ за солью на Бердянское озеро и для рыболовства въ Азовскомъ морѣ. Тамъ уже два вѣка происходили споры съ Донцами за ловъ рыбы на косахъ Бѣлосарайской, Кривой и др., а въ тѣ времена (1740-1775) вѣчная вражда породила распри, даже битвы за промыслъ на другой, такъ называемой *Кубанской* сторонѣ Азовскаго моря, Крымскому Хану принадлежавшей, особенно въ Ейскомъ лиманѣ, гдѣ нынѣ поселенія Черноморцевъ. Въ политическомъ отношеніи это было сильнымъ постомъ для наблюденія за Ногайцами Кубанской Орды, о которыхъ безпрестанно доносили старшина Калміусская Кошевому начальству. Въ 1756 году были уже тамъ зимовники:

1. По-надъ моремъ, въ ур. «Зайцевой балкѣ».
2. На Подгорыни.
3. На Клеповатой балкѣ.
4. Надъ р. Калміусомъ.
5. Надъ рѣчкою Кальцемъ.

(2–5: Въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринослав. и Бердянскомъ Таврической губерніи.)

6. Надъ рѣчкою Дубовою. 7. Надъ Бѣлосарайск. лим. 8. Надъ р. Бердою. 9. У Свитоватой балки.	Въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринослав. и Бердянскомъ Таврической губ.

Замѣчательно, что теперь на устьѣ той же Берды поселены остатки Запорожцевъ, храбрые *Азовскіе* Козаки.

4. Наконецъ на Бугѣ, вдали отъ Запорожской Сѣчи «за Русскою границею» опредѣленною межевою записью 1705 года, въ урочищѣ *Запорожскій гардъ* [1], находившійся на устьѣ оврага *Ташлыка* въ Бугъ, гдѣ донынѣ Бугскіе рыболовы, на порогахъ близь с. *Богдановки* и волости Новороссійскаго военнаго поселенія *Константиновки*, въ двухъ верстахъ отъ настоящей переправы, учредили свои станы и «шиши» находилась *Бугогардовая паланка*. Это мѣсто было въ началѣ назначено только для переправы чрезъ рѣку и въ ней рыболовства, но послѣ, уже въ XVII столѣтіи, обратилось въ главнѣйшій пограничный постъ или паланку. Она своимъ вѣдомствомъ занимала всю степь отъ лѣваго берега р. Ингульца и устья Мертвоводья, вверхъ до границы Польской Украины, а отъ Гарду по Синюхѣ до пограничнаго Польскаго мѣстечка Тарговицы, противъ

[1] *Гардъ* въ южной Украинѣ значилъ мѣсто для рыбныхъ ловель, отъ чего и урочище получило свое названіе. Слово «гардъ» вѣроятно значитъ и все устройство рыболовныхъ мѣстъ; ибо находимъ, что Запорожцы для «постройки гарду», получали лѣсъ изъ Польши изъ Бершадской «губерніи».

нынѣшняго Новоархангельска. Въ этой паланкѣ селъ не было, но стояли значительныя Запорожскія команды изъ 375 Козаковъ и болѣе, подъ начальствомъ особыхъ полковниковъ и старшинъ и были многочисленные и богатые зимовники въ слѣдующихъ урочищахъ:

1. Вербовомъ (гдѣ была зимняя паланка).
2. На Мертвоводьи.
3. Вовковомъ (т. е. Волчьей балкѣ).
4. Корабельномъ (по рѣч. Корабельной).
5. Харсютиной балкѣ.
6. Въ Громоклеѣ (т. е. по рѣчкѣ с. и.).

} Ананьевск. и Бобрин. уѣзд. Херс. губерн.

Объ этой паланкѣ мы имѣемъ весьма любопытные документы, которые приводимъ здѣсь какъ лучшій образецъ устройства пограничныхъ постовъ, содержимыхъ издревле Запорожцами. Это во-первыхъ, донесеніе Кошеваго *Алексѣя Бѣлицкаго* (4 Августа 1760 года), на запросъ министерства, что такое «Буго-гардовская» паланка? слѣдующаго содержанія:

«Въ урочищѣ *Гардъ* Запорожскіе Козаки прежде сего и нынѣ ежегодно въ лѣтнее время, для ловли рыбы, отправляются зъ Сѣчи и изъ зимовниковъ, и тамо чрезъ все лѣто даже до самой осени находятся. А какъ это уже самое граничное мѣсто, то для охраненія онаго и поимки воровъ, такожъ для порядочности между рыболовами и козаками, отъ Коша полковникъ съ особенною пристойною командою Козаковъ Запорожскихъ туды отправляются. На зимнее же время въ ближнія

къ Сѣчи мѣста, а именно: въ Великій и Малый Ингулъ (Ингулецъ) приходятъ».

Во-вторыхъ, отрывокъ изъ инструкціи, данной Кошевымъ Григоріемъ Федоровымъ Бугогардовской паланочной старшинѣ, т. е. полковнику *Дмитрію Стягайлѣ*, писарю *Якову Дону* и эсаулу *Харьку Ведеркѣ*.

«§ 2. Прибывши въ «Гардъ» и расположившись на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и прежде до сего бывшіе полковники стояли лагерями, сдѣлать всей командѣ перепись и назначивъ отъ всякаго куреня атамановъ, списки въ Кошъ прислать.

«§ 4. Зимовники въ Ингульцѣ и Великомъ Ингулѣ и обитающихъ списать и на крѣпко смотрѣть, чтобы въ каждомъ зимовникѣ на число людей: *господарей* (gospodarż, хозяевъ) и *молодиковъ*, пашпорты зъ Коша за войсковою печатью взимаемы были [1].

«§ 10. Походной церкви Божіей всегда съ священникомъ тамо быть, гдѣ лагери ваши стоять будутъ, а

[1] Вотъ примѣръ одного такого паспорта или билета на «сидѣніе зимовникомъ».

«По Указу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссійской и пр. и пр.

«Сего явителямъ войска Низоваго Козакамъ: куреня Крилевскаго *Андрею Горбу* и *Трофиму Портному* зъ молодиками: *Михайломъ*, *Тишкомъ* и *Иваномъ*, въ сидѣніи имъ въ зимовнику въ рѣчкѣ Кальцѣ (Таганрогскаго Градоначальства), зъ рогатымъ скотомъ и лошадьми, ни отъ кого, никакого препятствія и обиды, за силою Высочайшихъ Указовъ чинено бы не было, на срокъ до предбудущаго 1758 года, Мая 1-го. Чего въ вѣроятность, при печати войсковой, сей имъ пашпортъ зъ Коша данъ. Мая 1-го дня 1757».

Подписалъ: Кошевой Атаманъ Данило Стефановъ (Гладкій) съ товариствомъ».

не на островѣ (вѣрно Мигейскомъ на Бугѣ), а вамъ со всею командою, священника, дьячка и пономаря ничѣмъ не обижать, а за ктитора зъ хозяевъ себѣ обрать.

«§ 11. Быть вамъ тамъ въ Гарду чрезъ все лѣто до осени, а на зиму со всею вашею командою и походною Божіею церковію, сойти въ Великій Ингулъ».

Кромѣ упомянутыхъ выше селъ, встрѣчаемъ еще при распредѣленіи въ 1770 году военныхъ повинностей, названія слѣдующихъ урочищъ или быть можетъ селъ, которыхъ, хотя знаемъ географическое мѣстоположеніе, но въ исчисленіи поддантства Запорожскаго онѣ не упомянуты.

1. Красная-Каменка.
2. Осокоровка.
3. Корабельная.
4. Мѣловое.
5. Городище.
6. Голая-Пристань.
7. Тарасовка.
8. Бѣленькое.
9. Шубинова.
10. Кичкасы съ пристанью.
11. Хортица.
12. Дубовый островъ.
13. Лучина.
14. Великій-Лугъ.
15. Богданова.
16. Миліонинъ.
17. Барвинична-Стѣнка.
18. Займы.
19 Никитинъ-Перевозъ.

Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ здѣсь селъ или, положимъ, урочищъ имѣютъ древнія имена, доселѣ сохранившіяся, какъ-то: Хортица, Голая-Пристань, Мѣловая и др.; остальныя за тѣмъ названы теперь иначе по именамъ владѣльцевъ или по оффиціяльной номенклатурѣ.

О зимовникахъ скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Здѣсь же должно еще намекнуть объ одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ связь съ географіею Запорожья. Съ учрежденіемъ Сербскихъ поселеній, Запорожское поддантство и Малороссійскіе, Польскіе и Молдавскіе бѣглецы, которые сидѣли зимовниками (безъ билетовъ) по Ташлыкамъ, Виси и Тясьмину, не желая остаться въ вѣдѣніи военнаго поселенія и не смѣя жить въ Запорожьи, ушли въ «Очаковскую область» и тамъ основали довольно значительныя села и деревни. Видно, участь ихъ была слишкомъ печальна, когда они рѣшились искать убѣжища въ Очаковской степи, подъ защитою Ногайскихъ сераскировъ или Ханскихъ намѣстниковъ! По требованію правительства Кошъ посылалъ дважды въ 1764 и 1767 годахъ въ эти такъ называемыя «Ханскія слободы» подъ «приличнымъ претекстомъ» старшинъ своихъ, дабы узнать, что это за села и какими людьми заселены. Съ опасностію жизни собирали эти свѣдѣнія посланцы, и по ихъ разсказамъ Кошевой въ 1764 г. могъ донесть Гетману: «Ханскія слободы, которыя за рѣкою Бугомъ населяются, суть: 1) слобода, называемая *Голта* съ прошлаго 1762 года надъ р. Бугомъ, при самой Россійской границѣ, противъ Слободскаго козачьяго полку слободы Орла (Орлика, Ольвіополя); въ ней поселенія до 30 (избъ); 2) другая слобода, называемая *Кривое-озеро,* состоитъ при рѣчкѣ Кодымѣ, противъ Лядской (Польской) слободы «Криваго-озера» же, разстоя-

ніемъ отъ Россійской границы верстъ съ 20, заведена селеніемъ съ тогоже 1762 г., поселенія въ ней до 40 хатъ; 3) слобода *Ясеновое* въ гору тойже рѣчки Кодыми, противъ большой Лядской слободы Ясеновой же, разстояніемъ отъ Россійской границы верстъ съ 60, началась селеніемъ съ 1761 г., въ ней 20 хатъ; 4) слобода *Голма* въ гору жъ Кодыми противу Лядскаго городка «Голма», разстояніемъ отъ Россійской границы верстъ съ 70; какъ поселилась, будетъ годовъ до 10 (1753), поселеній въ ней до 300; 5) слобода *Перелеты* надъ Кодымою же, разстояніемъ отъ Россійской границы верстъ 30, какъ поселилась, будетъ годовъ съ 10 (1753), въ ней жилей болѣе 100; и 6) городъ *Барта* (т. е. Балта) противъ Лядскаго городка «Палѣево-озеро», разстояніемъ отъ Россійской границы (т. е. отъ Орлика) верстъ съ 80 при Кодымѣ же въ гору; какъ поселено, годовъ болѣе 15 (1748), въ ней поселеній болѣе 500. Въ тѣхъ слободахъ и городѣ живутъ Волохи, Жиды и почитай въ большую половину во всякой слободкѣ, народа такого, какъ и Малороссійскіе. А коликимъ числомъ въ тѣхъ мѣстахъ и городкахъ Россійскаго имѣется народа, того знать не возможно. Во всѣхъ же вышеписанныхъ новыхъ слободахъ, обыватели жительствуютъ, за новостью тѣхъ селеній, во всякой свободѣ, безъ наложенія никакихъ повинностей. Въ давно-поселенныхъ слободахъ:

Голтѣ, Перелетахъ и городѣ Бартѣ живущіе обыватели находятся подъ вѣдомомъ гетмана Волосскаго (Ханскаго Каймакана), въ откупъ которому съ нихъ взимается въ годъ со всякаго прибытка скотскаго и промышленнаго десятая доля». Въ 1767 году Бугогардовскій полковникъ *Андрей Кійнашъ*, посѣтившій эти мѣста и едва не убитый за то Ногайцами, донесъ Кошу, что кромѣ вышепоименованныхъ селъ еще основались: *Гидиримъ, Бобринецъ-Малый* и *Бобринецъ-Большой*. Наконецъ были также слободы *Ананьево* и *Палѣево-Озеро* въ 1750 годахъ основанныя [1], изъ которыхъ *Бобринецъ* и *Ананьево* сдѣлались теперь уѣздными городами Херсонской губерніи.

[1] Объ этомъ *Палѣевомъ-Озерѣ* встрѣчаемъ еще слѣдующее свѣдѣніе: Кошевой Григорій Федоровъ въ письмѣ своемъ Кіевскому Военному Губернатору (1755 г. 8-го Апрѣля) упоминаетъ, что Козаки его, возившіе письмо къ Буджакскому Сераскиру Девлетъ-Гирею-Султану, на возвратномъ пути заѣхали къ Каймакану, командовавшему частью Орды Едисанской, кочевавшей на вершинахъ Куяльника и тамъ своимъ толмачемъ имѣли *Осадчаго* (т. е. основателя, голову) села Палѣева-Озера, основаннаго въ Очаковской степи выходцами изъ Польши *и другихъ мѣстъ*. Другое Палѣево-Озеро находится на самой границѣ въ Подольской губерніи, близъ Балты.

ГЛАВА II.

«Славное войско Запорожское Низовое».

Его составъ, раздѣленіе и управленіе. Кошъ, курени и клейноты. Войсковая и полковая «Старшина».

Представивъ по возможности географическую канву «Дикаго-Поля» или земли Запорожцевъ, на которой эти витязи жили и дѣйствовали совершенно отдѣльною и своею собственною жизнію, — постараемся теперь взглянуть на нихъ ближе и проникнуть во всѣ пружины устройства и управленія ихъ замѣчательной общины. Въ нашемъ изслѣдованіи мы тѣмъ счастливы, что можемъ держаться только одного и самаго вѣрнаго руководства, — архива Сѣчи Запорожской.

Собственно Запорожье состояло въ *войскѣ,* которое, учредясь на нижнемъ Днѣпрѣ, на *Низовьяхъ* (na Nizie), какъ говорили Поляки, именовалось отъ того *Низовымъ,* а Козаки *Низовцами.* Для отличія отъ войска Малороссійскаго, Украинскаго, или

даже «верховаго», оно было названо «Запорожскимъ», ибо центръ его, *мать* войска была *Сѣчь,* всегда основываемая ниже пороговъ Днѣпровскихъ. Запорожцы такъ высоко цѣнили свое войско, что въ титулахъ и даже на печати называли его «Славнымъ войскомъ Запорожскимъ» и эти надписи отмѣнены только въ 1763 году, по особому Монаршему повелѣнію.

Войско Запорожское состояло изъ *Старшины* и *Товарства*, раздѣленнаго на *курени*. Столицею войска была Сѣчь, которая въ переносномъ смыслѣ называлась *Кошемъ,* т. е. военнымъ станомъ. Въ ближайшемъ смыслѣ «Кошъ» или «Сѣчь» былъ укрѣпленный городокъ, окруженный валомъ и палиссадами, и самой оригинальной постройки. Сколько судить можемъ по мѣстности и дошедшимъ до насъ документамъ, онъ состоялъ изъ трехъ частей: предмѣстія или такъ называемаго «*Крамнаго базара*», гдѣ всякій курень и пріѣзжіе гости имѣли свои *крамы* (лавки) и шинки, для торговли и гдѣ были жилища базарныхъ атамановъ и войсковаго *Кантаржея* или хранителя вѣсовъ и мѣръ. Это предмѣстіе называлось *Гассанъ-Башею* (на планѣ лит. С). Укрѣпленная башня (Башта) съ воротами и пушками вела уже собственно въ *Кошъ,* т. е. обширную площадь, на которой стояло 38 особеннаго рода зданій, въ видѣ казармъ или магазиновъ построенныхъ, именуемыхъ *куренями;* всѣ они звѣздообразно въ по-

нія.
ною
жи-
евая
ель-
азна
яла
ле-
35 г.
омъ
и ме-
Всѣ
ылъ
ли-
цы,
ея,
аго
ад-
аго
ѣчь
чки
ру-
мъ.
че-
ной
сти-
ѣчи»

даж
ски
все
Зап
въ
«С.
пис
Мо

и
вой
наз
бли
укр
пал
Ск
ши
тре
«*К*
гос
тор
нов
сов
Ба
(Ба
ств
кот
вид
ну

лукругъ сходились у другой стѣны или укрѣпленія. Въ семъ послѣднемъ пространствѣ, между стѣною и р. Подпольною, была уже *Паланка*, т. е. жилище кошеваго и старшины, соборная Сѣчевая церковь Покрова Божіей Матери, покровительницы войска, домъ духовенства, войсковая казна и канцелярія (лит. В). Третья часть составляла отдѣльное укрѣпленіе, къ западу отъ Коша лежащее, въ родѣ цитадели, въ которой съ 1735 г. находился Русскій комендантъ съ гарнизономъ изъ ландмилицейскихъ полковъ, и который именовался *Ново-Сѣченскимъ* ретраншаментомъ [1]. Всѣ строенія были деревянныя; домъ кошеваго былъ простая поселянская изба «безъ роскоши и излишества», какъ говорили грамматные Запорожцы, и даже безъ «кладовой», прибавимъ отъ себя, зная одинъ примѣръ, что имущество Кошеваго хранилось въ куренѣ, къ которому онъ принадлежалъ, въ общей скарбницѣ и атаманъ онаго получалъ слѣдующе кошевому жалованье. Сѣчь съ трехъ сторонъ окружена была водою рѣчки Подпольной, которая посредствомъ глубокаго рукава или рѣчки *Сысиной*, соединялась съ Днѣпромъ. Со стороны степи большая дорога вела по теченію Базавлука, а близь впаденія въ нее р. Солоной былъ мостъ, называвшійся «Церковнымъ-Мости-

[1] Это легко можно видѣть на прилагаемомъ планѣ «Новой-Сѣчи» въ с. Покровскѣ. (Екатер. губ. и уѣзда).

комъ». Рѣчка Подпольная была такъ глубока, что Запорожскія военныя лодки и обширные дубы, даже Греческія и Турецкія суда (тумбасы) съ большимъ грузомъ могли ходить по ней и даже стоять спокойно на якорѣ, какъ-бы въ отличной гавани[1]; но собственно портомъ былъ «заливъ» этой рѣчки, теперь уже обмѣлѣвшій, который назывался *уступомъ* (лит. F).

Что значитъ слово Кошъ, рѣшить трудно. По Польски слово *Кошъ* или *Кошикъ* (Koszyk) значитъ *корзину;* не отъ сходства-ли Сѣчи, окруженной палиссадами, названа она Кошемъ или Корзиною? Не менѣе похоже на истину толкованіе Запорожскаго разскащика *Никиты Коржа*, говорящаго: «стада (въ Запорожьи) зиму и лѣто кочевали въ степу; для холодныхъ-же ночей и противъ степныхъ вѣтровъ чабаны и скотари имѣли «коши». Это былъ родъ шалаша изъ войлоковъ, поставленнаго на двухъ колесахъ, чтобы можно было въ случаѣ нужды перевозить его съ мѣста на мѣсто. Въ Кошѣ была кабица (очажекъ) для огня, гдѣ пастухи сушились, грѣлись и варили пищу»[2]. Такимъ образомъ можно полагать, что

[1] Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ генерала Текелія о занятіи Сѣчи (6-го Іюня 1775 г) сказано: что имъ «занята артиллерія и суда стоящія на р. Подпольи, впадающей въ Днѣпръ». На приложенной картѣ все мѣстоположеніе «Новой-Сѣчи» подробно обозначено.

[2] Она очень похожа на кибитки Ногайцевъ, въ которыхъ они еще до 1806 года кочевали на Крымскихъ степяхъ.

Запорожцы свою столицу, куда возвращались какъ домой, для отдыха и для зимовки, назвали изъ подражанія «Кошемъ». Мы находили даже выраженіе: «укрѣпленіе кошей» вмѣсто Сѣчи, — вѣроятно въ младенчествѣ Запорожья, жилища ихъ, похожія на пастушьи или Ногайскіе коши, собранныя вмѣстѣ и окруженныя валомъ или какою нибудь естественною преградою, составляли Сѣчь. Оріенталисты говорятъ, что *Кошъ* по Турецки значитъ «*собирать*»; слѣдственно слово Кошъ могло изображать сборное мѣсто всего войска. Въ переносномъ смыслѣ «Кошъ» значитъ главную квартиру, станъ или лагерь войска, ибо въ реляціяхъ находимъ подпись: «зъ Коша на Черталѣ», — «данъ въ Кошѣ на Чичаклеѣ» и т. п., и кромѣ того значилъ управленіе войскомъ, котораго канцелярія употребляла формулу: «изъ Коша войска Запорожскаго Низоваго», — «въ Кошъ войска Запорожскаго», — «донести Кошу» и пр.

Кошъ или Сѣчь и ея курени, были исключительно назначены для обиталища *Товариства*, такъ какъ войско состояло только изъ холостыхъ, по куренямъ записанныхъ «товарищей», а женатые, хотя-бы изъ «товариства» происходившіе и поселяне жили въ паланкахъ, были «подданствомъ» войска. «Товариство» или холостые козаки были первые владѣльцы земли, имъ раздавались ежегодно степи и рѣчки для зимовниковъ, скотоводства, земледѣлія, звѣриной охоты и рыболовства,

что называлось «бросать *лясы* (жребій) на рѣчки». По окончаніи жребія остальное «безъ угнѣтенія однакожъ куреней» можно было отдавать старшинѣ, духовенству, поселянамъ и даже гостямъ, хотя-бы то были «чабаны» Татарскіе и Волосскіе.

Товариство состояло изъ 38 куреней слѣдующаго здѣсь наименованія, съ присовокупленіемъ счисленія онаго въ три намъ извѣстныя эпохи, а именно въ 1755, 1759 и 1769 годахъ.

	Названіе куреней.		Число козаковъ.		
			Въ 1755.	Въ 1759.	Въ 1769.
1.	Въ куренѣ	Кущовскомъ было	460.	268.	303.
2.	»	Поповичевкомъ . .	301.	340.	314.
3.	»	Восюринскомъ . .	513.	220.	339.
4.	»	Ирклеевскомъ. . .	482	480.	738.
5.	»	Щербиновскомъ. .	309.	319.	399.
6.	»	Титоровскомъ . . .	330.	330.	179.
7.	»	Шкуринскомъ . .	336.	338.	504.
8.	»	Коренивскомъ. . .	416.	410.	362.
9.	»	Незамайскомъ . . .	347.	350.	382.
10.	»	Рогѣевскомъ . . .	406.	406.	388.
11.	»	Корсунскомъ . . .	402.	415.	305.
12.	»	Калниболотскомъ.	265.	265.	288.
13.	»	Уманскомъ	251.	224.	478.
14.	»	Деревянивскомъ. .	267.	226.	330.
15.	»	Нижне-Стеблевск.	180.	200.	128.
16.	»	Вышне-Стеблевск.	208.	250.	202.
17.	»	Джерелѣевскомъ .	268.	300.	250.
18.	»	Переяславскомъ. .	370.	119.	302.
19.	»	Полтавскомъ . . .	520.	250.	506.

Названіе куреней.			число козаковъ. Въ 1755.	Въ 1759.	Въ 1769.
20.	Въ куренѣ	Мышастовскомъ. .	269.	265.	263.
21.	»	Минскомъ.	448.	611.	297.
22.	»	Тимошевскомъ . .	344.	343.	312.
23.	»	Величковскомъ . .	360.	361.	234.
24.	»	Левушковскомъ . .	288.	200.	174.
25.	»	Пластунивскомъ .	441.	541.	269.
26.	»	Дядьковскомъ. . .	314.	327.	381.
27.	»	Брюховецкомъ . .	279.	248.	279.
28.	»	Ведмедовскомъ . .	408.	218.	248.
29.	»	Платниревскомъ .	301.	300.	391.
30.	»	Пашковскомъ. . .	306.	306.	340.
31.	»	Батуринскомъ . .	318.	200.	248.
32.	»	Каневскомъ. . . .	682.	550.	618.
33.	»	Крылевскомъ . . .	214.	511.	315.
34.	»	Донскомъ.	205.	205.	208.
35.	»	Сергѣевскомъ . . .	258.	200.	215.
36.	»	Конеловскомъ. . .	259.	200.	196.
37.	»	Иванивскомъ . . .	454.	454.	382.
38.	»	Кисляковскомъ . .	286.	220.	245.
		Итого . .	13,065.	11,769.	12,247

Эти цифры показываемы были Кошемъ съ присовокупленіемъ: что такое число Козаковъ «готовыхъ въ походъ, *доброконныхъ*, со всею исправностію, въ Кошѣ находится»; но вѣроятно они не составляли всего товариства, когда мы находимъ въ одномъ рапортѣ кошеваго Григорія Федорова (19 Октября 1755 г.), что войско имѣетъ въ своемъ составѣ (компутѣ) до 27.000 чел. козаковъ.

Вѣроятно, это число заключало и престарѣлыхъ, раненныхъ и даже *поженившихся* козаковъ. Въ тоже время Кошъ доносилъ, что въ войскѣ должно считать 6,000 коннаго (паро-коннаго) и до 5,000 пѣшаго товариства. Въ 1769 г., когда Запорожцы были вызваны на поле битвы противу Турокъ, кошевой Петръ Калнишевскій въ рапортѣ своемъ главнокомандовавшему арміею графу Румянцову донесъ, что въ числѣ 12,249 готоваго къ войнѣ товариства онъ имѣетъ 6,474 конницы и 5,775 пѣхоты [1]. Въ случаѣ нужды, только конное войско выступало въ поле, пѣшіе — часть до 2,000 оставалась въ Сѣчи и по паланкамъ, а остальные до 3,000 на флотиліи, «въ водяномъ караулѣ на лодкахъ», да на постахъ въ низовьяхъ Днѣпра и Буга, для защиты границъ въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ.

Откуда взялись эти наименованія куреней, не знаемъ, они довольно древніе, ибо доходятъ до

[1] Для любопытства предлагаемъ здѣсь строевый списокъ Запорожскаго войска, дѣйствовавшаго противъ Турокъ въ кампаніи 1769 года (4 Сентября).

«1. При Атаманѣ Кошевомъ разныхъ чиновъ и рядовыхъ козаковъ пароконныхъ	7,353
«2. Внизу Днѣпра на лодкахъ, пѣхоты	2,054
«3. Вверху Днѣпра на отводныхъ караулахъ	384
«4. На лѣвой сторонѣ Днѣпра на р. Самарѣ	606
«5. На пограничной рѣчкѣ Каменкѣ» на отводныхъ караулахъ	284
	10,681 чел.

кромѣ команды въ Сѣчи «на господарствѣ»; при паланкахъ и перевозахъ».

начала XVII столѣтія по однимъ нашимъ документамъ. Нѣкоторые, какъ Полтавскій, Каневскій, Уманскій, Ирклеевскій, Калниболотскій, Корсунскій, Переяславскій, Минскій, Батуринскій, Крылевскій и оба Стеблёвскіе, получили названіе свое отъ городовъ сего имени на Украинѣ или другихъ частяхъ Руси Западной; другихъ-же производство даже странно, какъ Конеловскаго, Незамайскаго и Мышастовскаго. На зарѣ быта войска Запорожскаго вѣроятно куренное товариство помѣщалось дѣйствительно въ одной избѣ, — въ своемъ *курень*, зданіи, которыя были и послѣ очень обширны, тѣмъ легче, что другая часть войска всегда находилась въ отсутствіи, на «полевыхъ рѣчкахъ» и на пограничной («постной») службѣ. Слово курень до сихъ поръ въ Малороссіи значитъ шалашъ изъ плетня и соломы съ отверстіемъ вверху для дыма. Коржъ очевидецъ такъ ихъ описываетъ: «*Курени Сѣчевые* не походили на обыкновенные пастушьи шалаши, но дѣлались изъ рубленнаго и рѣзаннаго лѣса, потому что *Великій-Лугъ* [1] имъ изобиловалъ. Курени были такъ обширны, что болѣе 600 козаковъ могло вмѣщаться во всякомъ; они строились безъ всякихъ перегородокъ и чулановъ и имѣли видъ

[1] *Лугъ* значитъ у насъ низменные берега рѣкъ, покрытые травою или мелкимъ камышемъ, способнымъ къ сѣнокошенію. Урочище *Великій-Лугъ* есть большой низменный островъ, облитый со всѣхъ сторонъ Днѣпромъ и р. *Конскія-Воды* и перерѣзанный рѣчками или каналами, которыя называются: *Бугушъ*, *Кушугумъ*, *Перебойня* и пр.

залы. Вокругъ, подлѣ стѣнъ, до самыхъ дверей, стояли столы, а кругомъ столовъ узкія скамьи. Первое мѣсто было подъ иконами (гдѣ во время трапезы садился куренный атаманъ); предъ ними стояли богатыя паникадила и навѣшивались лампады, которыя въ большіе праздники зажигались. Печи для приготовленія хлѣба были устроены въ особомъ отдѣленіи, гдѣ помѣщался и кухаръ (поваръ) куренный, и въ куреняхъ бывали только *грубы* (печки), большею частью изразцовыя. Курени имѣли свою собственность общественную или куренную, шинки и лавки въ Сѣчевомъ базарѣ, дворы около куреней и въ паланкахъ; эта собственность не могла быть никогда отчуждена частному лицу, какъ мы видимъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1772 г. войсковый писарь *Иванъ Глоба*, одинъ изъ главнѣйшихъ старшинъ общины, просилъ у Щербинскаго куреня, уступки ему небольшой части куреннаго двора; на его требованіе атаманъ куреня *Иванъ Стуконогъ*, «съ товариствомъ» отвѣчалъ, что онъ обще съ старыми и молодыми козаками приговорили: «яко оное дворище *куренное*, а не одного хозяина, то въ замѣну и въ продажу уступить всячески не можно, дабы между товариствомъ и одному передъ другимъ опосля нареканія не было и чрезъ то никто не отвѣтствовалъ». Это значеніе и устройство куреней, по свидѣтельству наказнаго атамана Азовскаго войска

Г. М. Гладкаго, сохранялось и на чужбинѣ, въ Кошѣ за-Дунайскомъ.

Патріархальное уваженіе къ куреню своему было такъ велико, что даже кошевые всегда по его регистрамъ считались, свое частное имущество въ скарбницѣ куренной сохраняли, иногда въ куренѣ жили и отъ куреня депутатами быть въ важныхъ случаяхъ не отказывались, какъ это увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Запорожское Низовое войско управлялось своею собственною «старшиною», которая раздѣлялась на степени и званія. Объ этой старшинѣ и іерархіи ихъ чиновъ, мы имѣемъ два очень подробные документа, — одинъ въ мирное время, другой во время войны писанные. По сравненію съ другими намъ извѣстными документами, первый болѣе похожъ на древній или первобытный распорядокъ войска, а потому для соображенія предлагаемъ оба, полагая, что въ исторіи документальной, лѣтописной, какъ наша, чѣмъ болѣе будетъ подробностей тѣмъ легче будетъ, со временемъ, ученымъ и опытнымъ изыскателямъ отыскать историческую истину.

Первый документъ есть донесеніе кошеваго атамана Григорія Федорова (отъ 25 Ноября 1755 г.) Гетману Малороссійскому Графу Разумовскому о томъ: «сколько въ войскѣ Запорожскомъ чиновъ и служителей въ одинъ годъ бываетъ».

1). *Запорожская Старшина 1755 г.,* первобытнаго или мирнаго времени.

I. *Войсковая Старшина:* Число лицъ.

1.	Кошевой Атаманъ	1.
2.	Судья войсковый	1.
3.	Асаулъ войсковый	1.
4.	Писарь войсковый	1.
5.	Куренныхъ Атамановъ	38.

II. *Полковники:*

1.	Бугогардовый	1.
2.	Перевѣзскій	1.
3.	Калміусскій	1.
4.	Самарскій	1.
5.	Кодацкій	1.

III. *Полковая старшина,* состоящая при всякомъ полковникѣ:

1.	Писарей во всякомъ вѣдомствѣ по одному, а во всѣхъ	5.
2.	Асауловъ	5.
3.	Подписаріевъ	5.
4.	Подасаулихъ	5.

IV. *Постныя команды:*

а) *Въ горѣ рѣки Днѣпра, на порогахъ* съ командою:

1.	Полковникъ	1.
2.	Писарь	1.
3.	Асаулъ	1.

Число лицъ.

4. Подписарій 1.
5. Подасаулій 1.

б) *Внизу р. Днѣпра, въ Прогнояхъ,*
для собиранія соли съ командою:

1. Полковникъ 1.
2. Писарь 1.
3. Асаулъ 1.
4. Подписарій 1.
5. Подасаулій 1.

V. *Войсковые служители:*

1. Подасаулій войсковый 1.
2. Довбышъ войсковый 1.
3. Поддовбышній. 1.
4. Канцелярскихъ разн. званія служит. 20.
5. Пушкарь войсковый. 1.
6 Подпушкарный 1.
7. Гармашевъ (вѣрно главн. канонеровъ) 8.

VI. *Старшина на войсковыхъ перевозахъ.*

а) На Кодацкомъ:

1. Шафаръ 1.
2. Писарь. 1.
3. Подшафарій 1.
4. Подписарій 1.

б) На Никитскомъ:

1. Шафаръ 1.
2. Писарь 1.

Число лицъ.

3. Подшафарій 1.
4. Подписарій 1.

«Всѣхъ-же чиновъ большихъ и меньшихъ 118 чел.».

Другой документъ представляетъ уже нѣкоторыя измѣненія; число старшинъ показано несравненно больше, но какъ это происходило въ военное время, то мы и не можемъ рѣшить, отъ чего произошла эта перемѣна: отъ необходимости-ли въ командирахъ отрядовъ, или отъ преобразованій въ самомъ составѣ Низоваго войска; что почти невѣроятно. Это «вѣдомость, сколько при мнѣ (кошевомъ Петрѣ Калнишевскомъ) теперь находится въ походѣ и въ Сѣчи Запорожской: чиновъ и рядовыхъ», представленная Графу Румянцову при рапортѣ 15 Іюля 1769 года.

II. Запорожская старшина 1769 г., или военнаго времени.

I. Кошевый Атаманъ.
II. Войсковый Судья.
III. Войсковый Писарь.
IV. Войсковый Обозный.
V. Войсковый Асаулъ.
VI. Войсковый Булавничій.
VII. Войсковый Хорунжій.
VIII. Войсковый Бунчужный.
IX. Войсковый Перначникъ

(I–IX: Всѣ въ чинѣ войск. старшинъ.)

X. Войск. старшины безъ должности.
XI. Полковники.

XII. Полковые старшины:
а) Въ должности Писарей.
б) Въ должности Асауловъ.
XIII. Куренные Атаманы.
XIV. Куренные и другіе Хорунжіе.
XV. Войсковые служители:
1. Войсковый Довбышъ.
2. Войсковый Пушкарь.
3. Войсковый Толмачь.
4. Войсковые Шафари перевозовъ.
5. Войсковый Кантаржей.
XVI. Войсковые Старшіе и другихъ званій Канцеляристы.

Всѣхъ чиновъ въ 1769 г. было 149, считая въ томъ числѣ канцелярію войсковую, имѣвшую до 48 ч.

Перейдемъ теперь къ составу и управленію Низоваго войска и разберемъ вкратцѣ значеніе показанныхъ здѣсь чиновъ или «Старшины» (отъ Польскаго слова Starszyzna, начальство).

Вообще говоря, всѣ безъ исключенія чины и званія Запорожскаго войска, отъ кошеваго до полковаго хорунжія были *избирательныя* и *временныя;* это была главная и неизмѣнная основа устройства Низовой общины или республики. Ежегодно 1-го числа Января стекалось со всѣхъ сторонъ въ Сѣчь товариство, т. е. холостые козаки, и по приглашенію войсковаго асаула, ходившаго по куренямъ съ войсковымъ перначемъ, сбиралось предъ литургіею на главной площади

въ *Майданъ* (полукружіе, буквально лукъ) и тамъ «по древнимъ обычаямъ» производили свои выборы. Одинъ образецъ такого избирательнаго сейма, хотя окончившагося только сходкою, а не общею радою, — дошелъ до насъ, и мы этотъ драгоцѣнный документъ сообщаемъ читателямъ [1].

«Войсковая благополучная рада 1760 года».

....«По собраніи, въ первый день Января, старшинъ, стариковъ и атамановъ куренныхъ, при распущенномъ большомъ знамени и бунчукахъ, вышедъ предъ церковь, предъ литургіею, *по обыкновенію новаго лѣта*, безъ голосовъ общихъ, я и по мнѣ судія и писарь войсковые *благодарили* (войско) и желали увольненія отъ должностей... Но старики и атаманы допустили только поблагодарить войсковаго судію *Григорія Лобуровскаго* и увольнили, а меня и старшинъ войсковыхъ: писаря *Ивана Чугуевца* и асаула *Пилиппа Иванова* отказаться не допустя, просили паки при должностяхъ остаться, почему я и писарь войсковый, хотя и отговаривались и требовали перемѣны, — ради представленныхъ собственныхъ нашихъ нуждъ и резоновъ; — но видя самоважныя нынѣшнія отъ пограничностей и прочей смежности по Кошу обстоятельства, по нашей вѣрно

[1] Изъ рапорта Малороссійскому гетману 1760 г., кажется, Кошеваго *Алексѣя Бѣлицкаго*, ибо число и подпись акта совершенно истлѣли. Сознаемся, что столь любопытный документъ нашли мы случайно. Какой-то Сѣчевый канцеляристъ, для сбереженія бѣлой бумаги, на чистой сторонѣ листа, гдѣ былъ прежде рапортъ Кошеваго, написалъ заглавіе дѣла уцѣлѣвшаго отъ гибели и тѣмъ принесъ намъ истинную услугу.

присяжной должности, за объявленіемъ намъ отъ общества сихъ нужныхъ причинъ, принуждены (опять) сколько силы станетъ, сіе правленіе (несть). Въ войсковые судьи старшина войсковый и куренный Калниболотскаго куреня атаманъ, *Федоръ Сохацкій* заразъ предъ церковію атаманами избранъ и войсковый клейнотъ ему врученъ. Откуда заразъ же пошли всѣ къ слушанію божественной литургіи, а по выслушаніи старики и атаманы, по обычаю, проводя меня *до куреня* и побывъ у меня съ поздравленіемъ новаго лѣта, разошлись».

Кошевой, описавъ эту раду въ рапортѣ своемъ гетману доноситъ, что въ собраніи «худости споровъ и безчинствъ» (отъ несобиранія голосовъ всего войска), по причинѣ сильнаго въ куреняхъ смотрѣнія и убѣжденія, не происходило. Но такая мирная рада случалась рѣдко, и то, когда старшина войску нравилась; напротивъ знаемъ много примѣровъ, гдѣ выборы дѣлались поприщемъ жестокаго смятенія въ войскѣ. Особенно «рада», бывшая 1-го Января 1759 г., не обошлась безъ большихъ споровъ, распрей и даже кровопролитій, чѣмъ даже и гнѣвъ Императрицы Елисаветы войско заслужило, а потому въ описанной нами радѣ[1] участвовало только избранное товариство: старшины, старики и куренные атаманы, а войско только присутствовало и подтверждало своимъ молчаніемъ.

[1] *Рада* «совѣтъ» происходитъ отъ Польскаго слова radzić, совѣтовать, или Русскаго «рядить», распоряжать.

О. М. *Гладкій* говоритъ, ссылаясь на преданія и обычаи, сохранившіеся въ его Задунайской Сѣчи, что предъ избраніемъ вся старшина слагала съ себя клейноты и почетные знаки: шапку, булаву, печать, чернильницу (писарь), даже саблю, и все это клала на пріуготовленномъ столѣ, гдѣ лежали: книга прихода и расхода «войсковаго скарбу», и компутъ, т. е. «куренные реестры». Когда войско довольно было старшиною, то «счетовъ съ ней не снимало», а при восклицаніяхъ всего товариства, поднимало кошеваго или другаго своего сановника на руки и провозглашало вельможнымъ *паномъ*, прося его громогласно: «хотимъ, пануй надъ нами».

«*Общая войсковая рада*» тѣмъ отличалась отъ *сходки*, что первая происходила на площади, открыто, въ присутствіи всего войска, и всякій козакъ имѣлъ на ней голосъ равный кошевому и старшинѣ. На сходкѣ же участвовали только войсковая старшина и куренные атаманы или только нѣкоторые старшины, какъ можно судить изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1765 году, когда судья войсковый для прочтенія важной депеши Кошеваго изъ С. Петербурга, по его приказанію, созвалъ къ себѣ сходку, то пригласилъ къ тому «стариковъ: *Григорія Федоровича*, *Алексѣя Григорьевича* (Бѣлицкаго), *Филиппа Федоровича*: (бывшихъ Кошевыхъ), *Павла Кирилловича* и *Николая Тимоѳѣевича* (бывшихъ судей), да изъ атамановъ

куренныхъ: Донскаго и Тимошевскаго», и по окончаніи совѣщанія потребовалъ хранить это письмо въ «конечномъ секретѣ отъ куреней». На сходкахъ рѣшались вѣроятно всѣ важнѣйшія дѣла и даже новые выборы въ войскѣ прежде, нежели они подвергались бурному сужденію рады или всей общины. На подобіе «*большой войсковой рады*» были еще рады «по куренямъ», «по паланкамъ» и военныя, на маршѣ. Первой изъ нихъ имѣемъ доказательство въ донесеніи Судьи въ 1769 г., что не смотря на желаніе Коша, Щербиновскій курень на радѣ своей, эсауломъ избралъ другаго козака, не желая рекомендованнаго полковникомъ «Низовой команды». Другой въ рапортѣ Буго-Гардоваго полковника *Тимофея Лазарева* (отъ 19 Октября 1747 г.), что онъ войсковый приказъ «собравши атамановъ *лѣсницкихъ* съ товариствомъ, базарныхъ, такожъ и степныхъ добрыхъ козаковъ, въ *раду*, всѣмъ въ слухъ объявилъ для исполненія». «Рады военной» — на походѣ, въ непріятельскихъ или своихъ границахъ имѣемъ слѣдуюшціе два примѣра: 1) Когда въ Сентябрѣ 1769 года была отправлена въ 3,100 чел. Запорожская партія, подъ начальствомъ войсковаго старшины *Андрея Носака*, и сей послѣдній смертельно заболѣлъ, отрядъ «28 числа Сентября рано на разсвѣтѣ собрался въ сходку (на р. Черталѣ) и на его мѣсто избралъ своимъ предводителемъ полковника Семена Галицкаго» (упомяну-

таго ниже подъ 1768 г.), хотя было 4 войсковыхъ старшинъ, выше его чиномъ. 2) На берегу Синюхи, на походѣ остановилось войско и «за собраніемъ его въ *раду* избрали полковниками въ особые отряды *Алексѣя Чернаго* и *Степана Гелеха*, асаулами при нихъ: коз. Брюх. кур. *Сугака* и Корсун. кур. *Яцка Яцына;* обозным Платниривска атамана *Остапа Ткаченка*, да при немъ въ асаулы: Дядьковскаго к. *Куцаго* и Деревяпивскаго — *Гардоваго*, безъ всякихъ шумовъ тихо».

Кошевой Атаманъ, первое лице въ войскѣ, «главный его командиръ», былъ гражданскій, военный и даже духовный начальникъ Запорожья. Какъ главный судья, онъ былъ владыка жизни и смерти всякаго козака, рѣшая окончательно и исполняя судебные приговоры, даже смертные, не смотря на строгія запрещенія Русскаго правительства [1]. Онъ входилъ отъ своего имени въ дипломатическія сношенія съ сосѣдними государствами (Крымомъ, Турецкими крѣпостями и Польшею) и властями пограничными. Онъ утверждалъ всѣ выборы войсковыхъ чиновъ, распредѣленіе по куренямъ: земель, рѣчекъ, угодій, царскаго жалованья, провіанта, войсковыхъ доходовъ, военной

[1] Вотъ примѣръ: кошевой Петръ Калнишевскій изъ походнаго Коша писалъ судьѣ: «Брюховецкаго козака, вора *Зиму*, понеже онъ Зима «заслужилъ смертной казни, велѣть по общему приговору, *обвѣсить* «(повѣсить) въ Протовчанскомъ вѣдомствѣ надъ Орелью, гдѣ онъ шалости дѣлалъ». (11 Августа 1770 г. зъ Коша на Тилигулѣ).

добычи и пр. Равно утверждалъ пріемъ козака въ товариство и увольненіе его изъ войска. На его имя адресовались царскія, ханскія и духовныя грамматы, указы сената, ордера начальниковъ, рапорты подчиненныхъ и проч. Но эта обширная власть, и, съ перваго взгляда, безпрекословная, была однакожь весьма ограничена: 1) самою же общиною, сходкою старшины или войсковою радою, которой надобно было сообщать всякое важное дѣло, всякую даже бумагу и обыкновенною формою; «а що братчики (или диты) будемъ теперь робыты»? Кошевой спрашивалъ ея мнѣнія прежде, нежели рѣшался на что либо. 2) Временемъ, ибо званіе кошеваго продолжалось только одинъ годъ и зависѣло отъ выбора товариства. Весьма не многіе удерживали его нѣсколько лѣтъ сряду, именно знаменитый *Сѣрко, Гордѣенко, Малашевичъ* и *Калнишевскій*, но почти всѣ въ неопредѣленное время избирались по нѣскольку разъ. Русскій Дворъ хотѣлъ, чтобы эти ежегодные вѣче или выборы прекратились, или покрайней мѣрѣ утверждались гетманомъ, но видно опасно было измѣнять обычай войска, когда находимъ слѣдующій рапортъ по сему предмету кошеваго *Григорія Федорова* (отъ 7 Мая 1756 г. [1]) Графу Ра-

[1] Замѣтимъ, что Запорожскіе главные старшины въ своихъ названіяхъ вмѣсто фамильныхъ именъ (или прозвищъ) употребляли, по Славянскому обычаю, свойственному Русскому и Сербскому народамъ, только крестныя *имена* свои и отеческія, такъ напр. кошевой Григорій

зумовскому: «Въ силѣ Высочайшихъ велѣній, атаманы куренные сего Февраля 5 числа въ общей войсковой сходкѣ приговорили: «опредѣляемыхъ въ Кошевые атаманы, не только въ годъ или два, либо въ три отъ званія Кошевскаго не отставлять, но и по 10 либо и болѣе въ томъ званіи безъ смѣны быть, поты (до тѣхъ поръ), пока не станетъ безвинно войску каковыхъ либо въ якомъ случаѣ обидъ причинять. Ежели же что Кошевый по излишеству вщнетъ, то онъ *въ сходкѣ* отъ Кошевскаго званія отставленъ будетъ, а въ общее войсковое *собраніе* (раду) *здревле узаконенное*, допускаемъ не будетъ». На основаніи этого приговора, Петръ Калнишевскій почти 10 лѣтъ сряду былъ кошевымъ атаманомъ. Вотъ уже два примѣра, до какой степени даже кошевые, большею властью облеченные, боялись однакожь общихъ вечевыхъ собраній, не довѣряя расположенію къ себѣ толпы, отъ которой и званіе ихъ зависѣло.

Войсковые Старшины. Это званіе присвоивалось только четыремъ лицамъ: Кошевому, Судьѣ, Писарю и Асаулу войсковымъ, но оставалось какъ титулъ только тѣмъ козакамъ «старымъ и заслу-

Лантухъ называлъ себя *Григоріемъ Федоровымъ* и войско называло его Федоровичемъ; *Василій Сычь* — Василіемъ Григорьевымъ; Стефанъ *Гладкій* — Стефаномъ Даниловымъ или Даниловичемъ; Николай *Косапъ* — Николаемъ Тимофѣевымъ и пр. Даже такимъ образомъ подписывались на оффиціальныхъ актахъ. Но простые козаки и даже полковники этому обычаю слѣдовать не смѣли.

женнымъ», которые несли уже всѣ или одно изъ упомянутыхъ четырехъ званій и по увольненіи отъ оныхъ, въ войскѣ и при куренѣ своемъ оставались. Въ общихъ собраніяхъ они имѣли первое послѣ дѣйствительныхъ старшинъ мѣсто; въ куреняхъ послѣ куреннаго атамана; участвовали въ тайномъ совѣтѣ или сходкахъ, а въ военное время, въ походахъ командовали большими отрядами, имѣя въ командѣ своей полковниковъ. *Судья* былъ главный представитель войсковаго суда для разбора дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ; въ отсутствіе кошеваго, командовалъ въ Сѣчи на его правахъ и тогда назывался «наказный кошевый атаманъ»; кромѣ того хранилъ въ качествѣ кошеваго-казначея войсковый «скарбъ и армату». *Писарь войсковый* былъ генеральнымъ секретаремъ или лучше сказать первымъ министромъ войска, въ которомъ кошевые и судьи не знали и не должны были знать грамматы; писарь не только составлялъ, но и подписывалъ всѣ бумаги; подписывалъ же не свое имя, а цѣлую формулу, о которой скажемъ ниже. Ихъ должность такъ высоко цѣнилась и уважалась въ Запорожьи, что въ теченіе всего послѣдняго коша съ 1734 по 1775 годъ только 4 войсковые писаря избирались и то одинъ послѣ другаго. Одинъ изъ нихъ *Иванъ Афанасьевъ Чугуевецъ*, родомъ Татаринъ, оставивъ войско, былъ принятъ въ государственную службу съ чиномъ коллежскаго ассесора и былъ нѣсколько

Россійскаго двуглаваго орла. Такія знамена дарованы были войску вмѣстѣ съ другими клейнотами Петромъ Великимъ въ 1708 г., Анною Іоанновною въ 1734 г. и наконецъ Императрицею Екатериною вскорѣ послѣ вступленія Ея на престолъ[1]. Въ 1774 г. Потемкинъ испросилъ у Императрицы серебряныя литавры вмѣсто древнихъ, доселѣ бывшихъ. Булава и перначъ войсковые были серебряные; меньшіе желѣзные, а иногда серебряные перначи посылались всякому полковнику въ знакъ его достоинства и путешественникамъ въ знакъ защиты (sauf-conduit). Бунчукъ состоялъ изъ высокаго жезла съ золотымъ яблокомъ, на концѣ котораго развѣвались 2 или 3 бѣлые лошадиные хвоста. Въ торжественные случаи, эти клейноты носили: булаву кошевой, трость и печать[2] Судья, другую трость асаулъ, большую царскую хоругвь, бунчукъ и перначь носили войсковые старшины, которые отъ того имѣли ти-

[1] Именнымъ Указомъ 1763 г. Февраля 6 дня.

[2] Изображеніе печати (1770 г.) помѣщено нами на заглавномъ листочкѣ; она представляетъ Козака, вооруженнаго пищалью (самопаломъ) и кривою саблею, одѣтаго въ военное богатое платье, Польскаго покроя. Близъ него на курганѣ водружено копье; знакъ его пограничной службы. Съ 1760 годовъ на правой сторонѣ прибавлено изображеніе какого-то зданія въ нѣсколько ярусовъ, которое могло означать или Сѣчь или *фигуры* сигнальныя, о которыхъ скажемъ послѣ. Надпись до 1763 г. была: «печать славнаго войска Запорожскаго Низоваго». Указомъ же 6 Іюня т. г. приказано писать: «печать войска Ея Императорскаго Величества Запорожскаго Низоваго». Печать Коша при атаманѣ Малашевичѣ употреблявшаяся, вѣроятно оставшаяся еще отъ прежнихъ Кошей, предлагается нами на таблицѣ I. №. 1.

печать Кошевого Малашевича 1734 г.

печать Самарской паланки 1750 г.г.

печ. Кодацкой паланки 1750 г.г.

печать Кодацкой паланки 1770 г.г.

1770 г.г.

печать Бугогардовой паланки 1740 г.г.

1750 г.г.

1770 г.г.

Въ Лит. Д. Кленова.

тулы: войсковаго *хорунжаго, бунчужника, пернач-
ника* и проч.

Полковники были двоякаго роду: *походные* и «до паланки». Первые назначались при опредѣленіи отрядовъ для занятія постовъ на сушѣ и на водѣ, для поимки воровъ и гайдамакъ, для поѣздки въ столицу за Всемилостивѣйшимъ жалованьемъ и провіантомъ и т. п. Тогда къ нимъ назначалась и *полковая походная старшина*: асаулъ или поручикъ-адъютантъ и писарь или секретарь, для переписки съ Кошемъ, — такъ какъ полковники вообще грамматы не знали и недолжны были знать. Они назывались «походною старшиною» для отличія отъ обыкновенной, посылаемой ежегодно «на правленіе» въ паланки, которая именовалась въ просторѣчіи «*паланочнымъ панствомъ*». Во всякую паланку, какъ мы видѣли изъ упомянутой выше росписи чиновъ за 1755 г., назначался полковникъ, асаулъ, писарь, подасаулій и подписарій; три пана и три пидпанка, какъ говоритъ Коржъ. Полковникъ въ знакъ своей власти получалъ перначь, который носилъ за поясомъ и *значекъ* или знамя, который несъ хорунжій полковый впереди его команды. Примѣры того и другаго увидимъ въ свое время. Всякая паланка имѣла свои печати, нѣсколько разъ перемѣнявшіяся и которыхъ изображенія, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ нами собранныя, представляемъ на особой таблицѣ (табл. I №№ 2, 3, 4 и др.).

Мы не можемъ не обратить вниманія на это оригинальное и простое устройство войсковаго старшинства, принятаго въ Запорожьи, оффиціяльный примѣръ котораго имѣемъ въ слѣдующемъ документѣ. Въ Іюлѣ 1769 г. въ авангардѣ храбраго генерала *Зорича*, отправлены были двѣ тысячныя команды Запорожцевъ, которымъ сдѣлано было слѣдующее росписаніе.

«Въ *первую* тысячную команду:

Командиромъ: Войсковый Старшина *Андрей Ляхъ*. При немъ: Писарь *Василій Чернявскій*, Асаулъ *Иванъ Гараджа*.

У него: 1) Полковникъ *Степанъ Гелехъ*, при немъ: Писарь *Демко Третьянъ*, Асаулъ *Иванъ Бабура*.

2) Полковникъ *Павло Носъ*, при немъ: Писарь *Яковъ Донъ*, Асаулъ *Григорій Нігуръ*.

«Во *вторую* тысячную команду:

Командиромъ: Войсковый Старшина *Алексѣй Черный*. При немъ: Писарь *Василій Ержь*, Асаулъ *Аѳанасій Куцій*.

У него: 1) Полковни *Савкакъ Цибодрида*, при немъ: Писарь *Данило* Подласій, Асаулъ *Иванъ Сухина*.

2) Полковникъ *Антонъ Красовскій*, при немъ: Писарь *Несторъ Гавриловъ*, Асаулъ *Василій Головко*».

Весьма замѣчательно званіе *куренныхъ атамановъ,* кореннаго основанія войска. Судя по ихъ вліянію и глубокому уваженію къ нимъ и войска и самой старшины, можно полагать, что ихъ учрежденіе принадлежитъ къ самымъ древнимъ и патріархальнымъ временамъ и обычаямъ Запорожья. Козакъ, не бывши куреннымъ атаманомъ, не могъ быть ни войсковымъ старшиною, ни тѣмъ болѣе кошевымъ, иначе никогда не имѣлъ-бы въ войскѣ могущественнаго вліянія, т. е. власти. Войсковые старшины, бывшіе судьями и асаулами, по увольненіи отъ должности, оставались въ куренѣ и избирались иногда въ званіе куренныхъ атамановъ. Такихъ примѣровъ имѣемъ множество; такъ *Филиппъ Федоровъ,* по увольненіи отъ званія кошеваго, избранъ былъ атаманомъ Каневскаго; бывшіе судьи: *Павелъ Головатый* Шкуринскаго, а *Николай Тимофѣевъ* Деревянивскаго куреня. Куренные атаманы имѣли какъ-бы отеческую власть въ своемъ куренѣ и часто наказывали жестоко своихъ козаковъ, не спрашиваясь у кошеваго. Они имѣли ключи отъ куренной скарбницы, которая, во время ихъ отсутствія, ни въ какомъ случаѣ отперта быть не могла, какъ этому одинъ примѣръ увидимъ въ 1768 году. Ежегодно 17 куренныхъ атамановъ по жребію избирались для посылки съ полковникомъ за Царскимъ жалованьемъ. Вѣроятно, въ званіе куренныхъ атамановъ избирались храбрѣйшіе изъ чи-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

новъ куреня, когда видимъ въ реляціяхъ кампаніи 1769–1774 г., что они всегда шли впереди и большая часть была убита въ дѣлахъ противъ непріятеля. Посредствомъ куренныхъ атамановъ, кошевой могъ самодержавно управлять войскомъ, не опасаясь ни малѣйшаго сопротивленія. Когда войско выступало въ поле, съ куренями шли наказные куренные атаманы; въ Сѣчи «на господарствѣ» оставались настоящіе съ приличными командами для наблюденія за порядкомъ въ хозяйствѣ и заготовленія продовольствія на зиму. Всякій курень имѣлъ свой значокъ или знамя; носившій его товарищъ назывался *куренный хорунжій*.

Войсковые служители были слѣдующіе: 1) *Войсковый довбышъ* (барабанщикъ и литаврщикъ), который званіемъ стоя ниже полковыхъ старшинъ, былъ однакожъ важнымъ лицемъ въ войскѣ; въ 1-й день Января каждаго года и въ большихъ радахъ, онъ ударомъ въ литавры или барабанъ сзывалъ войско на площадь и давалъ сигналъ, что кошевой подъ знаменемъ становился. Кромѣ того, онъ былъ посылаемъ въ званіи полицмейстера, для привоза въ Сѣчь болѣе важныхъ преступниковъ, для побужденія къ скорой уплатѣ податей, для повѣрки сборовъ и высылки изъ зимовниковъ замѣшкавшихся козаковъ. Онъ также лично присутствовалъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. 2) *Войсковый пушкарь* управлялъ артилле-

ріею, хранилъ порохъ, свинецъ и ядра, командовалъ *гармашами* или канонерами, а въ добавокъ посылался для пріема жалуемаго войску отъ казны провіанта, пороха и свинцу. Въ его вѣдѣніи была пушкарня, гдѣ содержались преступники. 3) *Войсковый толмачъ* былъ переводчикомъ въ сношеніяхъ съ Татарами, Греками, Молдаванами и Поляками и употребляемъ для посылки въ чужіе краи «по секретамъ», т. е. къ развѣдыванію о заграничныхъ происшествіяхъ. 4) *Войсковый кантаржей* былъ хранителемъ войсковыхъ вѣсовъ и мѣръ и смотрѣлъ за сборомъ войсковыхъ доходовъ въ предмѣстіи или базарѣ Сѣчи, гдѣ всѣ промышленники вносили въ кошевой скарбъ извѣстную плату и *ралецъ* или подарки: «на старшину», «на войско» и «на церковь», какъ мы это укажемъ въ своемъ мѣстѣ. 5) *Шафари* были на перевозахъ: Кодацкомъ и Никитинскомъ чрезъ Днѣпръ, Самарскомъ чрезъ р. Самару и Буго-Гардовомъ чрезъ р. Бугъ. Они собирали доходы, производили издержки нужныя для содержанія команды и строеній и вмѣстѣ наблюдали за благочиніемъ на перевозахъ, что было довольно важно въ лѣтнее время, по причинѣ значительной въ томъ краѣ торговли. Никитинскому шафарю предоставлялась еще обязанность угощать и содержать на «войсковый коштъ» пограничныхъ коммисаровъ, собиравшихся у «Никитина-Перевоза», для рѣшенія взаимныхъ споровъ и жалобъ

между Крымомъ и Запорожскимъ войскомъ. 6) *Канцелярги* войсковая, состоявшая изъ писарей, подписаріевъ, канцеляристовъ и подканцеляристовъ, наполнялась козаками же, могущими достигать подобно другимъ и даже скорѣе писарскихъ должностей и чиновъ. 7) Наконецъ *атаманъ* Сѣчевой *Школы*, или учитель и начальникъ свѣтскаго образованія дѣтей, которые воспитывались на счетъ войска, подъ надзоромъ начальника Сѣчевыхъ церквей. Войсковый *стадникъ*, смотрѣвшій за стадами общественными, всему войску принадлежавшими и *громадскіе атаманы*, т. е. головы селеній и городовъ, надъ женатыми козаками и подданствомъ, были послѣдніе чины въ Запорожской чиновной іерархіи.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что всѣ исчисленныя нами званія получало только одно «*товариство*», т. е. холостые козаки, а женатые никакого чина и должности никогда занимать не могли. Равнымъ образомъ право *сидѣть* зимовниками могло имѣть только оно одно съ своими служителями или «молодиками», записанными по куренямъ или нѣтъ, но тоже холостыми. Отецъ могъ жить съ сыновьями или родственниками, если сіи послѣдніе по куренямъ считались, но ни одной женщины въ зимовникахъ не было и быть не могло. Почему? Такъ требовала «регула» Запорожскаго общества.

ГЛАВА III.

ЗАПОРОЖСКАЯ ОБЩИНА ИЛИ «ТОВАРИСТВО»[1].

Въ самомъ началѣ разсказа нашего пытались мы доказать, что Запорожское войско по своему происхожденію, положенію вблизи рубежа враговъ своихъ и христіанства и по особеннымъ формамъ своего учрежденія, составляло родъ военнаго братства, которое можемъ сравнить съ католическими монашеско-рыцарскими орденами. Разсмотрѣвъ подробно въ предъидущей главѣ, по собственнымъ словамъ Запорожцевъ, всѣ начала ихъ внутренней организаціи, военной и гражданской, можно было еще сильнѣе убѣдиться въ этомъ предположеніи. Теперь обратимъ еще разъ вниманіе наше на оставленные ими документы, чтобы глубже вник-

[1] *Товариство*, съ Польскаго *towarzystwo*, буквально значитъ *общество*. Замѣтимъ, что въ Польскомъ войскѣ, только одно дворянство, служащее въ гусарскихъ, панцырскихъ и др. хоругвяхъ именовало себя «*товариствомъ*»; солдаты же не-дворяне назывались *жолдацтвомъ*, *шеренговыми* и пр.

нуть въ духъ и понятія этой общины, чтобы извлечь еще болѣе ясныхъ, прагматическихъ доказательствъ. Взявъ во вниманіе народъ, изъ котораго происходило, языкъ, которымъ говорило и поприще, на коемъ дѣйствовало козачество, дабы въ нѣкоторыхъ подробностяхъ не искать слишкомъ близкаго сходства съ западнымъ духовнымъ рыцарствомъ, — самый неугомонный врагъ козачества не откажетъ между ними сродства, очень естественнаго. Подобно католическимъ рыцарскимъ орденамъ, козачество было связано узами *общины* (societas), — *вѣры* (religio) и *призванія* или цѣли своего учрежденія (vocatio). Въ наше время нѣкоторымъ, даже свѣдущимъ въ исторіи, показалось странно и даже не вѣроятно, чтобы полуобразованныя козачьи ватаги, почти безграмотныя, и по гражданственности къ семьѣ Европейскихъ державъ не принадлежавшія; обитавшія, по словамъ ихъ самихъ, «въ поляхъ Татарскихъ», «межь кочовисками агарянскими», явились на историческое поприще, въ видѣ рыцарскаго ордена тогда, какъ всѣ почти другіе ордена уничтожились и остались только въ грамматахъ, гербахъ и именахъ дворянства западной и южной Европы. Изъ трехъ главныхъ рыцарскихъ орденовъ: Храмовые (Templiers), съ 1313 года уже были уничтожены; кавалеры Св. Маріи или Нѣмецкіе (Krzyżacy), — *Тевтонскіе Крестоносцы,* соединясь съ Ливонскимъ орденомъ Меченосцевъ (Porteglaives), нѣкогда

ужасомъ Литовскихъ язычниковъ и Польскихъ христіанъ, обратясь въ свѣтское сословіе (1562), сдѣлались вассалами Жигмунта Августа Короля Польскаго и преобразовали свои завоеванія въ Литовской Пруссіи въ Прусское герцогство. Оставались одни только рыцари Св. Іоанна Іерусалимскаго, нашедшіе послѣднее убѣжище на безплодныхъ и ими оплодотворенныхъ скалахъ острововъ Родоса или Мальты; — но и тѣ доживали свой вѣкъ, сражаясь съ своими галерами на морѣ противу Турокъ и Варварійскихъ пиратовъ.

Намъ кажется, что именно по причинѣ паденія или секуляризаціи католическихъ рыцарскихъ орденовъ, явились витязи православнаго исповѣданія, отъ крови Русской. Это не могло быть иначе; причина учрежденія военныхъ братствъ въ Палестинѣ, въ Германіи и Испаніи, — могущество мусульманское, угрожавшее цѣлости христіанскаго міра, не только существовало, но и продолжая усиливаться, оставалось столь же предпріимчивымъ врагомъ всей Европы какъ и прежде. Только опасность угрожала съ другой стороны. Уже не Святой землѣ, не Франціи, не Испаніи страшны были Турки или вассалы ихъ Татаре—но всѣмъ Славянскимъ народамъ, отъ Дуная до Волги живущимъ.

Читайте исторію Запорожскаго козачества въ самомъ ея источникѣ, т. е. въ ихъ архивѣ, единственномъ безпристрастномъ свидѣтелѣ ихъ дѣлъ,

распросите оставшихся въ живыхъ потомковъ Сѣчи: Черноморцевъ и Азовцевъ, не вѣрьте пасквилямъ, которые до сихъ поръ именовались «Исторіями Запорожскими» и вы согласитесь съ нами. Подобно рыцарямъ, Запорожцы были связаны священными обѣтами: «*товариства*», ибо всѣ козаки, безъ различія званія, лѣтъ и происхожденія, дѣлались братьями-товарищами, называли своего куреннаго и кошеваго атамановъ *батько* из отцемъ, а козаковъ *братчиками*; обѣтомъ *вѣры*, требовавшимъ, чтобы никто не могъ быть Запорожскимъ козакомъ, если не былъ *Русскимъ православнымъ*, такъ что пришлецы всѣхъ другихъ націй и религій, христіане и не христіане, принимались въ общину не иначе, какъ послѣ принятія ими обрядовъ восточной православной церкви [1]. Объ этомъ войско говоритъ положительно въ своемъ *наказѣ*, данномъ депутатамъ отправленнымъ въ коммисію составленія новаго уложенія, (1767, Іюля 23) въ § 8. «Въ войско Запорожское, изъ разныхъ на-

[1] Кошевой *Алексѣй Григорьевичъ* (Бѣлицкій) былъ католикъ, сынъ Польскаго помѣщика на Волынѣ, Бѣльскаго; Васюринскаго куреня козакъ, а потомъ старшина Малороссійскаго войска *Павелъ Чернявскій* былъ сынъ Польскаго губернатора *Андрея Селецкаго*, тоже католика. Другой Полякъ въ Балтѣ похищенный, еще въ колыбели окрещенъ въ Сѣчи, и названъ Степаномъ Мойсѣевичемъ *Завадовскимъ*. Наконецъ войсковый писарь *Иванъ Чугуевецъ*, Крымскій мурза магометанинъ; похищенный въ Хотинѣ полковымъ асауломъ *Василіемъ Рецептовымъ*, одинъ малолѣтній Еврей былъ привезенъ въ Сѣчь, окрещенъ и названъ: *Семеномъ Чернявскимъ*; другой старшина *Иванъ Кемликъ* былъ родомъ Калмыкъ и др.

«цій, для проживательства и службы, малолѣтними «и уже совершенныхъ лѣтъ люди приходятъ, по «принятіи ими закона *Грекороссійскаго* и на вѣр-«ность Е. И. В. присяги, записываются въ службу, и выучась со всѣмъ какъ должно *регулы* козацкой, живутъ». Они обрекались обѣту *послушанія* (votum obedientiae), ибо не только вся военная община но даже служители церкви Запорожской, считая себя отдѣльною отъ всѣхъ Русскихъ эпархій паствою[1], повиновались только одному начальству: кошевому или кошу (Магистру, Grand-Maître на западѣ). Они возлагали на себя обѣтъ *безбрачія* (castitatis) и такъ строго его исполняли, что во всѣхъ видѣнныхъ нами Запорожскихъ бумагахъ, а ихъ у насъ тысячи, даже не упоминается о женщинахъ, не говоря уже что въ дѣлахъ уголовныхъ нашли мы только одинъ примѣръ осужденія за преступленія противъ цѣломудрія. Мы уже сказали выше, что только не женатые считались собственно «товариствомъ» или Запорожскимъ воинствомъ, участвовали въ военныхъ подвигахъ и могли получать войсковыя должности и званія. Всякое преступленіе противъ этого основнаго, быть можетъ, обѣта, совершенное въ Кошѣ, даже сокрытіе въ немъ родной женщины (матери, сестры, дочери), считалось уголовнымъ преступленіемъ и

[1] О Запорожской *независимой* церкви, предлагаемъ читателямъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній въ главѣ V.

преслѣдовалось жестоко, даже смертною казнію. Женщинѣ навсегда было воспрещено посѣщеніе не только Сѣчи, но даже ретраншамента, гдѣ стоялъ Русскій гарнизонъ, что весьма сходно съ подобнымъ же закономъ (claustrum) въ католическихъ рыцарскихъ орденахъ. Наконецъ таже цѣль, тоже призваніе: — война съ врагами христіанства и защита христіанскихъ государствъ (Славянскихъ или другихъ, для исторіи все равно), — отъ наѣздовъ: Срацынъ, Турокъ или Татарскихъ Ногаевъ, собирали равно и католическихъ рыцарей и Запорожское товариство, подъ ихъ знамена, прапоры и хоругви. Замѣтимъ еще, что подобно всѣмъ рыцарскимъ монашескимъ орденамъ въ западной церкви, и Запорожцы особенное благоговѣніе имѣли къ Пресвятой Богородицѣ Дѣвѣ Маріи, ибо она считалась патронкою войска и вездѣ гдѣ была Сѣчь, воздвигали немедленно храмъ, во имя Покрова Пресвятой и Пренепорочной Матери Бого-Человѣка.

Но вслѣдъ за симъ предстоитъ вопросъ: откуда въ Русскомъ народѣ, т. е. козачествѣ появились эти учрежденія, чисто рыцарскія и католическаго происхожденія? Отвѣчать на это очень легко: отъ Поляковъ, первыхъ образователей, если не учредителей Запорожья въ XVI вѣкѣ; если не въ военномъ, то хотя въ гражданственномъ образѣ. Не излагая здѣсь нашего собственнаго мнѣнія, мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ розысканій весьма достойнаго

Польскаго писателя *Михаила Грабовскаго* много трудившагося надъ исторіею, пѣснями и характеромъ козачества[1]. Вотъ мнѣніе его о рыцарствѣ козаковъ: «Въ то время, когда западъ и югъ Европы были наполнены башнями готическихъ замковъ, а на Родосскихъ и Мальтійскихъ скалахъ находились кавалерскіе ордены — остатки великихъ походовъ христіанства въ Азію, — не знали, что за крѣпкою стѣною Польскаго государства, на восточныхъ границахъ той-же Европы, была совершенно особая система военная, большое сообщество воинственныхъ людей, живущихъ въ вѣчной войнѣ, чрезъ войну и для войны, (здѣсь говорю о всѣхъ козачьихъ общинахъ: Днѣпровской, Донской и др.). На подобіе рыцарскихъ замковъ, стражницъ западнаго христіанства, видимъ другіе подобные военные посты, расположенные въ пустыняхъ (степяхъ), между порогами рѣкъ, гдѣ островъ былъ монастыремъ, степь командоріею, гдѣ даже, какъ на западѣ, безбрачіе было обѣтомъ». Въ одномъ письмѣ своемъ, г. Грабовскій (Од. Вѣст. 1842 г. № 94) присовокупляетъ: «въ Польской словесности почти всеобщее господствуетъ мнѣніе, что Запорожье

[1] *М. Грабовскій,* родомъ изъ Кіевской губерніи, авторъ прекрасныхъ романовъ: «Stannica Halajpolska, Koliszczyzna i Stepy» и др., заимствованныхъ изъ дѣлъ Запорожья. Лучшимъ его твореніемъ считаются учеными критическія статьи, изданныя въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ: Litteratura i Krytyka, «Korrespondencija Literacka» и пр.

имѣло характеръ орденскаго устройства; многимъ изъ писателей кажется, что нашли слѣды доказательствъ, яко-бы Прецлавъ Ланцкоронскій, Вишневецкій и Рожинскій (безспорно первые образователи Днѣпровскаго козачества), пускались въ Низовья (na Niz) Днѣпра, напитанные рыцарскимъ религіознымъ восторгомъ, свойственнымъ тому времени, съ твердымъ и обдуманнымъ намѣреніемъ образовать ордена постоянныхъ поборниковъ исламизма. Подтвержденіе сего мы видимъ изъ того, что хотя козачество, и Запорожское и Донское, давно существовали, однако только въ первомъ община была безбрачна. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ элементъ устройства принесенъ извнѣ; откуда-жь могъ прійти, если не отъ лицъ впервые начальствовавшихъ въ войскѣ. Стефанъ Баторій изъ козаковъ составилъ пограничную милицію, но нашелъ уже между ними безбрачное товариство». Мы уже знаемъ имена нѣкоторыхъ изъ родоначальниковъ Запорожскаго войска; вѣроятно были они католики, знавшіе о рыцарствѣ или даже видавшіе его на западѣ. Они-то вѣроятно внушили витязямъ Русской крови, осужденнымъ на жизнь одинокую, опасную, среди лишеній всякаго рода, избрать безбрачіе, какъ форму монашескую, считавшуюся самою благоугодною въ глазахъ Всевышняго Божества [1].

[1] Въ XVI вѣкѣ уже не разъ мысль о рыцарскихъ орденахъ проявлялась въ дѣйствіяхъ Польскаго дворянства. Мы имѣемъ *слѣды*

Это мнѣніе г. Грабовскаго и многія другія суть однакожь только догадки, основанныя на ученыхъ выводахъ и предположеніяхъ. Что Польское дворянство не только помогало Запорожцамъ въ войнѣ ихъ противу « бѣсурманства », но что еще и само участвовало въ ихъ подвигахъ, особенно морскихъ, не смотря на строгія запрещенія правительства своего, имѣемъ доказательство въ многихъ законахъ половины XVII столѣтія. Такъ конституція Варшавскаго сейма 1635 года (Titol. Pohamowanie inkursij morskich od wojska Zaporożskiego), строго предписываетъ, чтобы дворяне, которые не смотря на миръ съ Турціею «козакамъ Запорожскимъ помогаютъ, разныя *adminicula* (пособія) даютъ, сами съ ними на море ходятъ и добычею дѣлятся», были къ суду на сеймѣ позваны и казнію для поединковъ опредѣленною, наказываемы [1]. Теперь перейдемъ къ нашимъ источникамъ, къ остаткамъ спасеннаго нами кошеваго архива, который, хотя къ несчастію не весьма древній, но все таки доставитъ намъ много свѣдѣній о духѣ

документовъ, что Язловецкіе Претфичи, Гербурты, Сѣнявскіе, князья: Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе и др. важнѣйшіе помѣщики въ Южной Руси, владѣвшіе даже (какъ Язловецкіе и Сѣнявскіе) частью земель и племенъ Ногайскихъ, помышляли о составленіи рыцарскаго католическаго ордена изъ Польскихъ дворянъ для защиты границъ отъ Татаръ и Турокъ. Нѣкто Подлѣдовскій, шуринъ знаменитаго поэта Іоанна Кохановскаго, основалъ уже было на Подольи орденъ Св. Лазаря, существовававшій однакожь недолго.

[1] См. въ Приложеніяхъ N° 2.

и формѣ Запорожской воинственной общины. Предлагаемъ ихъ на судъ читателей.

Понятіе объ *общинѣ* или *товариствѣ* (орденѣ, по Польски Zákon), встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ дѣйствіяхъ Запорожья. Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами документовъ мы убѣждались, что никто въ Запорожскомъ войскѣ не составлялъ *лица*, отдѣльнаго отъ *міра*, *громады*, т. е. *товариства*. Всѣ безъ исключенія Запорожцы, пока были дѣйствительно или считались въ козачествѣ: кошевой, старшины, полковники, куренные атаманы или простые товарищи, дѣйствовали только *міромъ*, цѣлымъ обществомъ (en corps), отъ имени всего вообще или части войска, т. е. товариства. Куренные козаки не должны были имѣть никакой другой собственности ни въ войскѣ, ни за границею онаго, кромѣ зимовника на Запорожской землѣ выстроеннаго, стадъ, жалованья и денегъ заработанныхъ промыслами или добытыхъ на войнѣ. Даже, судя по древнему обыкновенію «бросать лясы», т. е. жребій на земли и рѣчки, ежегодно повторяемому, — взявъ во вниманіе непрочность многихъ зимовниковъ, не смотря на свое названіе, устроиваемыхъ только для временнаго пребыванія, должно полагать, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ козакъ не имѣлъ другой собственности, кромѣ коня и оружія. Въ одной старинной сказкѣ, слышанной нами въ Звѣнигородкѣ (Кіев. губ.), отставной Запорожецъ, въ глубокой

старости говоритъ о своемъ пріемѣ въ войско слѣдующимъ образомъ: «И такъ я пришелъ въ Сѣчь «и заявился въ куренѣ, а якъ уже мене со всѣмъ «приняли, то атаманъ при собраніи всѣхъ отвелъ «мени въ куренѣ три аршина въ длину, та два «въ ширину, сказалъ: вотъ тебѣ *домовина* [1], а якъ «помрешь, то зробимъ еще короче». Съ 1760 годовъ, при Калнишевскомъ, старшины завели себѣ обширные и богатые зимовники, развели стада и табуны, такъ что атаманъ кошевый при наѣздѣ Татаръ 1769 года, потерявъ табунъ въ 600 лошадей, могъ скоро обзавестись другимъ. А это казалось войску расколомъ и началомъ разныхъ клеветъ и даже громкихъ нареканій на Кошъ и старшину. Все въ войскѣ было собственностію или всей общины или по крайней мѣрѣ куреня. Любопытный примѣръ неприкосновенности куренной собственности мы указали въ предъидущей главѣ. Пища даже была общая, готовилась по куренямъ, куреннымъ *кухаремъ* (поваромъ), и какъ нѣкогда въ Спартѣ или въ монастырскихъ рефекторіяхъ, весь курень садился за трапезу, подъ начальствомъ своего атамана. Кухари были тоже *товарищи;* въ составѣ всякой команды: военной, артиллерійской, провіантской, даже въ школѣ и церковномъ причтѣ одинъ и тотъ-же былъ распорядокъ: какъ и въ куренѣ, былъ всегда

[1] *Домовина* значитъ въ Малой Россіи *гробъ*.

атаманъ, писарь — и одинъ козакъ былъ кухаремъ, считаясь за то выше всѣхъ товарищей, исключая атамана. Онъ былъ вмѣстѣ казначеемъ куреня или команды.

Мы имѣемъ подлинныя письменныя доказательства, что, хотя власть кошеваго и уваженіе моральное къ нему войска были велики, но самъ онъ *лично* ничего приказывать и исполнять не могъ, безъ воли и согласія «товариства». Въ 1757 году кошевой Григорій Федоровъ позванъ былъ въ гетманскій судъ для отвѣта, за мнимое потворство гайдамакамъ. На запросъ суда, почему онъ пойманныхъ гайдамакъ отпустилъ — отвѣчалъ: «что онъ кошевой явившихся гайдамакъ за-«брать *самъ собою* и отослать по командѣ своей не «могъ, ибо онѣ гайдамаки за присягою приняты «по согласію *всего общества*, а безъ согласія «*общаго* по тамошнему обычаю ничего чинить «*самому* ему кошевому не возможно». Въ 1746 году одинъ Корсунскій (въ Польшѣ) губернаторъ, требовалъ содѣйствія кошеваго *Василія Григорьева*, чтобы воры, его ограбившіе, были пойманы а его убытки вознаграждены и за тѣмъ въ Сѣчь прислалъ своего посланца. По возвращеніи въ Корсунь гонецъ донесъ своему губернатору, что куренные атаманы, со всѣхъ куреней собравшись, кошеваго не послушали и грабителей не отыскали. Наконецъ одному Русскому офицеру, желавшему бтыь товарищемъ какого-то куреня, Калнишевскій

въ товариство не принявъ, отвѣчалъ: что, за отсутствіемъ изъ Сѣчи большой части войска, онъ не могъ спросить мнѣнія онаго и согласія.

Въ самыхъ даже формахъ письменныхъ сношеній — это дѣйствіе *міромъ* было необходимымъ условіемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1688 году, когда Русское правительство, намѣреваясь воевать противу Крыма и сосредоточивая свои войска на Украинѣ, сочло нужнымъ построить крѣпость на р. Самарѣ (Усть-Самару) на землѣ Запорожской, подъ названіемъ *Богородицкаго ретраншамента*, то въ царской грамматѣ Іоанна и Петра Алексѣевичей и Софіи Алексѣевны сказано: «Нашего Царскаго Величества подданному, Низо-«ваго Запорожскаго войска кошевому атаману *Григо-«рію Сагайдачному* и *всему* при тебѣ будучему *пос-«польству* нашего Царскаго Величества милостивое «слово»[1]. Въ 1734 году, извѣстный другъ Мазепы, измѣнникъ *Орликъ*, такъ адресовалъ свои возмутительныя посланія къ Запорожцамъ: «Мои вельце «ласкавіе приятели и братья пане атамане коше-«вый и все старшое и меньшое войско Запорож-«скаго Низоваго *товариство*».

Взаимно въ 1683 году войско Запорожское универсалъ свой о церкви Запорожской, такою формулою начинаетъ: «Григорій Ивановичь, ата-

[1] См. Приложеніе № 7. *посполъство* съ Польскаго *pospólstwo*, народъ, *чернь*.

«манъ, на тотчасъ кошевой, судья, писарь, асаулъ и «мы атаманы всѣхъ куреней, и все товариство ку-«ренное, Низовое войско, Царскаго Ихъ Пресвѣт-«лаго Величества, Запорожское». Въ 1734 году на посланіе Хана Крымскаго Капланъ-Гирея, Запорожье отвѣтъ свой начинаетъ: «Листъ вашъ «Ганскій до *насъ* войска Запорожскаго Низоваго «присланный, благопріятне *Мы* войско до своихъ «рукъ одобрали [1] и оный по обычаю нашему вой-«сковому въ *общей радѣ* нашей, всѣмъ въ слухъ «вычитали» и проч. а оканчиваютъ такъ: «Ва-«шему Ганскому Величеству всего добра желатели «и нижайшіе до услугъ: Атаманъ Кошевый войска «Запорожскаго Низоваго зъ *товариствомъ*».

Россійскіе начальники и командовавшіе войсками, даже въ походахъ, ордера и депеши свои надписывали почти такимъ же образомъ. Графъ Румянцовъ въ 1769 году формальные свои ордера такъ начинаетъ: «Господину Атаману Кошевому «войска Запорожскаго Калнишевскому, съ войско-«вою старшиною и товариствомъ», а въ письмѣ, болѣе дружескомъ нежели оффиціяльномъ пишетъ: «Достойно-почтенные господинъ Коше-«вой Атаманъ и все общество войска Запорож-«скаго». Графъ Панинъ о своемъ прибытіи въ армію извѣщая Запорожцевъ ему подчиненныхъ,

[1] *«До своихъ рукъ одобрали»*, т. е. получили, Польская формула о полученіи письма или денегъ: «do rąk własnych odebrałem, или odebraliśmy».

ордеръ свой объ этомъ надписалъ: «Высокопоч-
«тенный и знаменитый Запорожскаго войска го-
«сподинъ Кошевой Атаманъ, войсковые старшины и
«товарищество и мои пріятели»! Съ своей стороны
Кошъ, обращаясь къ правительству какъ вѣрноподданный, все еще сохранялъ древнюю орденскую формулу. Такъ въ челобитныхъ своихъ на Высочайшее имя писалъ: «Бьютъ челомъ всеподданнѣйшіе
«В. И. В. войско Запорожское Низовое, атаманъ
«Кошевый, войсковая старшина, *старики*, атаманы
«куренные и все войско». Таковую же формулу внизу челобитной прописывалъ опять войсковый писарь собственною рукою. Въ рапортахъ своихъ такимъ же образомъ подписывали: «Атаманъ
«кошевый съ старшиною и товариствомъ». Даже во время депутаціи войска ко двору Монархини, когда только кошевой съ двумя старшинами и нѣсколькими козаками, или три старшины съ писаремъ и прислугою находились, всѣ свои депеши и въ Кошъ и къ начальству подписывали съ присовокупленіемъ этого сакраментальнаго слова «съ товарищи» или «съ товариствомъ».

Также находимъ, что и во внутреннихъ сношеніяхъ Коша съ подчиненными и подчиненныхъ съ старшиною, — это дѣйствіе *міромъ* строго наблюдалось. Такимъ образомъ въ предписаніяхъ или *приказахъ* въ паланки, отряднымъ командирамъ и пр. Кошъ писалъ: «Изъ Коша войска Запорож-
«скаго Низоваго пану Полковнику Самарскому

«N. N. съ старшиною и товариствомъ»; или «съ «старшиною и будучимъ по васъ полковникамъ съ «старшиною». Подчиненный же писалъ: «Въ «Кошъ войска Запорожскаго Низоваго» или «Его «вельможности господину Атаману Кошевому, съ «войсковою старшиною, высокопочтенными ата-«манами куренными и товариствомъ покорный «рапортъ». А подписывалъ: напр. «Бугогардо-«вый Полковникъ N. N. съ старшиною и това-«риствомъ».

Въ заключеніе предлагаемъ здѣсь еще два любопытные документа объ участіи всей общины во всѣхъ дѣлахъ войска. 1) Когда послѣ увольненія отъ должности кошеваго Филиппа Федорова, войско призвало въ это званіе Петра Калнишевскаго и вмѣстѣ просило быть его ходатаемъ въ Петербургѣ, то актъ избранія и полномочія былъ слѣдующаго содержанія: «Мы всѣхъ куреней «атаманы, со всѣмъ куреннымъ товариствомъ, «съ *стариками* и молодыми добросовѣстными ко-«заками, и старшина, и все войско, выбравъ Петра «Ивановича Калнишевскаго — атамана, паки къ «командованію надъ войскомъ Запорожскимъ, «упросили его» и проч. Столь любопытный до-«кументъ такъ ратификованъ: «во увѣреніе твер-«дости, въ заключеніе вышеписаннаго, всѣ вообще «атаманы и все товариство, такожь *старики* и «старшины войсковые, на семъ, при *общемъ кру-«говомъ собраніи,* подписуемся». 2) Кошевый въ

1766 году будучи въ Петербургѣ, имѣлъ нужду занять для войсковыхъ надобностей 1,000 руб. Росписка, имъ данная, подписана всѣми его товарищами и скрѣплена рукою писаря, положившаго подпись атамана кошеваго, и немедленно отослана въ Кошъ для ратификаціи.

До сихъ поръ сохранившаяся пословица «терпи козакъ, атаманомъ будешь» доказываетъ, что по правамъ товариства, всякій козакъ могъ быть избранъ старшиною и атаманомъ; но власть сего послѣдняго прекращалась немедленно, какъ скоро другое лицо было избрано на его мѣсто. Тогда кошевой, судья, куренный атаманъ дѣлался опять козакомъ — товарищемъ, исключая только, что долговременною службою достигнувшіе до старшинскихъ должностей (писаря, судьи, асаула, войсковыхъ), сохраняли титулъ «войсковыхъ старшинъ» и послѣ сдачи должности. «Въ войскѣ Запорожскомъ, говоритъ Кошъ въ докладѣ своемъ Сенату 30 Ноября 1767 года[1], служатъ и въ Сѣчи Запорожской жительство имѣютъ изъ шляхетства и гражданъ; *но все общество* войска «Запорож- «скаго, *равно* Е. И. В—у отправляютъ воинскую «службу, тѣмъ паче между онымъ раздѣленій на «особливыя каждаго состоянія нѣтъ». Эти про-

[1] Этотъ докладъ поданъ былъ въ Москвѣ во время участія Запорожскихъ депутатовъ въ трудахъ Коммиссіи для сочиненія Новаго Уложенія. См. главу IX-ую II-й части.

стыя слова суть лучшимъ историческимъ документомъ ихъ орденскаго равенства.

Въ разсказѣ Запорожца Коржа встрѣчаемъ одно обстоятельство, могущее служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ мнѣнія нашего о *товариствѣ*. Онъ говоритъ, что когда козакъ, путешествуя въ степи, заѣзжалъ по дорогѣ въ какой нибудь зимовникъ; то, въѣхавъ на дворъ и не сходя еще съ лошади, кричалъ: «пугу! пугу!» На то хозяинъ зимовника, если принадлежалъ къ козачеству, въ окошко спрашивалъ «пугу? пугу»? Гость немедля отвѣчалъ: «козакъ съ лугу». Тогда уже его приглашали въ избу, а лошадь посылали «*въ клуню*» подъ навѣсъ. Пріѣзжій козакъ, войдя въ хату, молился образа̀мъ и поклонившись хозяину, говорилъ: «Ота̀мане! товариство, наши головы»! Хозяинъ взаимно кланялся и отвѣчалъ: «ваши головы! прошу паны-молодци сидаты». Изъ этого разсказа мы заключаемъ, что козакъ подобнымъ условнымъ языкомъ (argot) давалъ знать, что онъ изъ Запорожской общины, и называлъ себя «*козакомъ съ Лугу*», ибо извѣстно, что *Великій-Лугъ* былъ, по преданіямъ, первымъ гнѣздомъ Запорожья и храбрѣйшихъ изъ нихъ называли въ шутку *Лугарями*. Въ одной пѣснѣ «объ измѣнникѣ Орликѣ», найденной нами у бандуриста Бобринецкаго уѣзда, на Гниломъ-Ташлыкѣ (Херс. губ.) замѣтили мы слѣдующую фразу:

«Ой, прибила фаля човныкъ.
Човныкъ лебедочку!
Ой, выскочивъ зъ него Орликъ
Тай начавъ бесѣдочку:

«Пугу, братци, пугу!» —
— «Пугу Запорожци!» —
— «Стоитъ Козакъ съ лугу»
Кажутъ ему хлопци, и проч.[1].

Быть можетъ эти выраженія употреблялись только гайдамаками, коихъ главное убѣжище было въ Буго-Гардовой паланкѣ, но тогда-бъ Коржъ, обитавшій за Днѣпромъ, не зналъ ихъ. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что слова: «Отаманe! товариство, ваши головы!» значатъ, что для безопасности въ глухой и безлюдной степи, подверженной наѣздамъ враговъ и грабежу гайдамакъ, козакъ пришлецъ требовалъ отъ собрата правъ *товариства* и поручалъ ему свою голову подъ защиту его гостепріимства.

Не можемъ не обратить вниманія читателей, на это слово *старики*, употребляемое въ грамматахъ Запорожскихъ, приведенныхъ выше, равное слову въ орденскихъ капитулахъ seniores «старшіе». Мы видѣли, что правленіе въ Запорожскомъ войскѣ было чисто демократическое и патріархальное вмѣстѣ; хотя власть кошеваго и старшины была велика, но сила ихъ, какъ чиновъ избира-

[1] Мы собрали много такихъ пѣсень, и хотя онѣ по формѣ не похожи на простонародныя, но такъ любопытны, что нѣкоторыя мы помѣщаемъ въ приличныхъ главахъ.

тельныхъ, зависѣла отъ воли и добраго къ нимъ расположенія *поспольства*, общины, т. е. толпы простыхъ и грубыхъ, а часто и весьма буйныхъ головъ козацкихъ. Не смотря на обстоятельства, требовавшія иногда строгой тайны, всѣ бумаги нужно было сообщать «въ слухъ» всему войску, на площади и требовать его воли, его рѣшенія. Кто-жъ могъ ручаться за добрыя распоряженія, за здравый смыслъ толпы бездомной, любящей всегда вольницу, насилія, неповиновеніе, а еще болѣе пьянство. Вся сила старшины и слѣдственно Коша лежала на *старикахъ*, которыхъ нравственное вліяніе на войско было удивительное. Во всѣхъ важнѣйшихъ бумагахъ, напр. всеподданнѣйшихъ челобитныхъ и рапортахъ, грамматахъ къ ханамъ Крымскимъ, наказахъ отъ всего войска и проч. послѣ слова «кошевой» и «войсковая старшина», помѣщалось въ титулѣ и въ подписи слово *старики*. Въ грамматѣ Епископа Иродіона, настоятеля Межигорскаго монастыря, въ 1735 году, говорится «о зичливости къ монастырю куренныхъ атамановъ и прочихъ *стариковъ*» и обѣщаютъ молиться «за пановъ атамановъ куренныхъ и *стариковъ* и за все товариство рыцарское Низоваго войска». При описаніи акта выборовъ, мы упоминали о собраніи *стариковъ, старыхъ, заслуженныхъ козаковъ*. Вотъ два любопытные о томъ документа. Въ 1765 году, кошевой изъ Петербурга писалъ къ войсковому судьѣ Павлу Флоровичу Головатому,

своему намѣстнику въ войскѣ: «Въ наступающій новый годъ, вы не сдѣлайте того, чтобы отъ правленія увольняться, ибо если захочете тое сдѣлать, то крайнее войску и намъ безславіе нанесете, ... и за бѣдныхъ сиротъ не на комъ Богъ не зъищетъ, какъ только на самихъ васъ. Чтобъ же войско вамъ перемѣну въ нынѣшнемъ плачевномъ времени не захотѣло дѣлать, — хотя я и не надѣюсь, — однакъ писалъ къ *старикамъ*. Дабыжь панове атаманы сего не захотѣли сдѣлать, объявите сію мою карту панамъ атаманамъ всѣмъ на *сходкѣ*, чтобы они о семъ вѣдая и чувствуя нынѣшнюю войска нужду и крайне чрезъ нѣсколько лѣтъ разореніе . . . въ перемѣнѣ вамъ, себѣ и прочимъ удержались до моего пріѣзда. А если кто сего не послушаетъ и зачнетъ дѣлать какое помѣшательство, то не только предъ Богомъ, но и предъ войскомъ судиться будетъ». (18 Октября 1765 года). На этомъ письмѣ нашли мы слѣдующую помѣту судьи (сдѣланную рукою войсковаго подписарія): «Сія карта получена отъ пана 6-го Декабря и на другой день объявлена на сходкѣ атаманамъ въ присутствіи *стариковъ*. *Затверждено:* со всѣмъ посему исполнить». Другой примѣръ есть слѣдующій: въ 1774 году, Потемкинъ, искавшій всѣхъ случаевъ къ уничтоженію Запорожья, получивъ на него жалобу Новороссійскаго начальства, сказалъ о томъ войсковому депутату Антону Головатому и прибавилъ: «пошлется грам-

«мата въ Кошъ, чтобы самъ кошевой съ писа- «ремъ пріѣхалъ въ Москву для отвѣту»; — Запорожецъ отвѣчалъ могучему вельможѣ: «Кошевой «и старшины тому не причиною, а дѣлается сіе «*отъ общества*; кошевому и старшинамъ кучатъ «*старики*, атаманы и войско». Кто жъ были эти старики, когда успѣхъ дѣлъ, порядокъ въ войскѣ и самый выборъ старшины отъ нихъ морально зависѣли. Отвѣтъ на сіе будетъ не нашъ, а самихъ Запорожцевъ, приведенный нами выше какъ примѣръ секретной *сходки*. Въ 1765 году судья на тайную сходку созвалъ стариковъ: *Алексѣя Бѣлицкаго* (бывш. кошеваго), *Филиппа Федорова* (тоже), *Павла и Ратька Старыхъ* (бывшихъ нѣсколько разъ кур. атаманами), *Николая Тимофѣева* (бывшаго судьею), *Андрея Ляха* (бывшаго войск. асауломъ) и пр. Слѣдственно ясно, что *старики* были заслуженные и преклонныхъ лѣтъ козаки, *войсковые старшины*, а не простые козаки. Они такъ любили войско, что уже слились съ нимъ въ одно нераздѣльное тѣло, и неудивительно: Николай Тимофѣевъ Касапъ, напр., началъ служить въ Запорожьи съ 1734 года, будучи уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, а въ 1774 году былъ еще судьею войсковымъ, слѣдственно 40 лѣтъ сряду былъ въ козачествѣ; а Филиппъ Федоровъ, съ младенчества еще вступившій въ войско въ 1690 году и проживя въ немъ 70 лѣтъ, — въ 1764 году писалъ къ гетману Разумовскому между прочимъ: «что

«онъ за свои службы по старости и крайнему «ослабленію, искать себѣ въ Малой-Россіи, какъ «давнихъ годовъ бывшіе войска Запорожскаго ко-«мандиры, болѣе ничего не намѣренъ и не же-«лаетъ». Такіе Запорожцы, которые изъ своего отечества никакихъ воспоминаній не могли принести будучи завезены въ войско въ дѣтствѣ, и по козачьему воспитаны, міръ свой считали въ Кошѣ и все, что было внѣ онаго, казалось имъ чуждо и даже непріязненно. Это были истинныя опоры войска, а иногда виновники его бѣдствій.

Это насъ заставляетъ упомянуть еще объ одной точкѣ сходства Запорожской общины съ орденскими регулами — это объ *молодикахъ*. Изъ многихъ примѣровъ мы видимъ, что при кошевомъ, при главныхъ старшинахъ въ Сѣчи и въ походахъ, находились всегда отъ 30 до 50 *молодиковъ*, т. е. весьма молодыхъ, въ куренѣ записанныхъ козаковъ, которые исправляли при нихъ должность *хлопцевъ* (пажей) и готовились такимъ образомъ въ козачье званіе. Обыкновенно избирались они изъ того куреня, изъ котораго происходили кошевой или старшины [1]. Кромѣ того не только при старшинѣ, но и при всякомъ старомъ козакѣ былъ молодикъ (часто ихъ дѣти и племянники съ ними, или къ нимъ на Запорожье пришедшіе), которые

[1] Такіе «*молодики* при пану кошевомъ» изъ Кущевскаго куреня показаны въ строевыхъ реэстрахъ, во время войны 1769 года.

выслуживали свои годы, а послѣ поступали въ *куренные*, т. е. настоящее товариство. По сравненію, всѣхъ *наймитовъ* молодыхъ по паланкамъ называли *молодиками*, для различія отъ просто-рабочихъ, поденщиковъ, которые назывались *аргатами* (аргатъ, поденщикъ). Не есть-ли это явное подражаніе монастырскому *искусу* (noviciat, tirocinium отъ *tiro* мальчикъ, ученикъ).

Но хотя Запорожцы охотно принимали всякаго въ свое общество и, испытавъ его удальство или усердіе, приписывали къ куренямъ въ товариство, однакожь крѣпко смотрѣли, чтобъ они были люди вольные: дворяне, поповичи, Татаре или козаки, все равно, но поселянъ не принимали, — развѣ чрезъ злоупотребленіе тѣхъ, которые ихъ въ товариство предлагали и были за нихъ *поруко*ю, (тоже что parrains въ рыцарствѣ). Равнымъ же образомъ, всякій козакъ безъ затрудненія увольнялся изъ онаго, чтобы тѣмъ доказать козачью вольность. Мы имѣемъ даже любопытные примѣры увольненія. Въ 1760 году Смилянскій губернаторъ *Юрій Добржанскій* писалъ въ Кошъ, что Запорожцы, будучи въ Украинѣ по торговлѣ, «подманили» (уговорили) съ собою итти на Запорожьѣ малолѣтняго сына Польскаго дворянина *Игнатія Босовскаго*, который жилъ у него въ гостяхъ; потому онъ проситъ уволнить его изъ войска, ибо родители мальчика позвали его какъ опекуна за то въ судъ. Кошъ немедленно уволнилъ молодаго

«Ляшка», какъ немогущаго еще изъявить своей воли. Другой примѣръ случился въ 1768 году. Во время извѣстнаго Уманскаго мятежа, Запорожцы спасли отъ смерти сиротку дворянина *Юрія Хржановскаго*, котораго отца и братьевъ убили поселяне с. Камянной-Крыницы, въ которомъ это несчастное семейство искало спасенія отъ гибели. Запорожцы окрестили мальчика въ православную вѣру и передали Буго-Гардовому полковнику, а сей послѣдній отослалъ его въ Сѣчь для причисленія къ молодикамъ. Въ 1770 году *Яковъ Квяткевичъ,* пограничный губернаторъ Торговицкій, по просьбѣ родственниковъ Хржановскаго просилъ Кошъ, уволнить мальчика изъ войска, — что немедленно и исполнено.

Товариство оставляло Запорожье или по *женитьбѣ*, или для службы въ Малороссіи, гдѣ ихъ жаловали чинами и землями, какъ мы этого имѣемъ многіе примѣры [1]. Многіе оставались вѣрными друзьями войска до послѣднихъ дней, какъ напр. *Иванъ Чугуевецъ*, бывшій войсковой писарь, а послѣ пограничный коммисаръ; отецъ *Кириллъ Тарловскій*, священникъ лейбъ-компаніи, поселившійся подъ старость лѣтъ на земляхъ Самарской паланки и много другихъ. Самымъ любопытнымъ документомъ этой постоянной любви къ войску, отысканнымъ

[1] Примѣры аттестатовъ увольненныхъ по обоимъ случаямъ Козаковъ, предлагаемъ въ приложеніяхъ.

нами въ архивѣ Запорожскомъ, можетъ служить письмо командовавшаго надворною хоругвью гетмановъ Малороссійскихъ полковаго асаула *Петра Чернявскаго* и войсковаго товарища *Алексѣя Петруши*, бывшихъ Запорожцевъ[1] къ кошевому *Якиму Игнатовичу* 12-го Марта 1752 года. Они, извѣщая войско о намѣреніяхъ гетманскаго правленія «къ полку Полтавскому такъ товщи Самарской вѣчистой пущи (лѣсу), яко и степу опограничить» говорятъ, что они это пишутъ потому «яко сердца «и утробы наши, — по природной сыновской на«шей къ войску Запорожскому Низовому должно«сти, за такія превысокія и знаменитыя отъ войска «напредь сего благодѣянія, —умолчать не могутъ».

Наконецъ нѣкоторое понятіе о «товариствѣ» распространилось и внѣ предѣловъ войска Запорожскаго, ибо въ послѣдніе годы его существованія встрѣчаемъ факты достойные упоминанія исторіи. Между 1763 и 1774 годами, между Русскими, особенно военными, которые или бывали сами въ Сѣчи (астрономъ Эйлеръ, генералы Исаковъ и Бибиковъ), или знали Запорожцевъ въ Петербургѣ (какъ графъ Браницкій) или вмѣстѣ съ Запорожцами дѣлали походъ Турецкій и Крымскій, — явилась охота, мода или прихоть вступать въ Запорожское товариство (разумѣется номиналь-

[1] *Алексѣй Петруша* въ 1745 году былъ писаремъ Кальміуской паланки, а въ 1746 г. *войсковымъ* старшиною и *писаремъ*.

но) и записываться по куренямъ. До сихъ поръ не можемъ иначе объяснить этотъ феноменъ, какъ считая его преддверіемъ или послѣдствіемъ знаменитаго *Греческаго прожекта*, когда въ Россіи все мечтало о войнѣ съ Турками для возстановленія Греческихъ классическихъ республикъ. Быть можетъ въ эту эпоху виновники проэкта считали Запорожье передовымъ постомъ, вѣчно вооруженномъ, хранимомъ Русскими витязами, врагами исламизма. Какъ бы то ни было, вотъ первый примѣръ такого поступленія въ Запорожское войско, отысканный нами въ его архивѣ.

«**АТТЕСТАТЪ**».

«Его Высокопревосходительства г. Генералъ-Аншефа и Кіев. Генералъ-Губернатора Ивана Глѣбова, сынъ, артиллеріи поручикъ *Иванъ Глѣбовъ*, по его желанію въ войско Запорожское Низовое въ курень Дядьковскій, въ число тамошняго товариства принятъ и въ войсковые и куренные реестры, для всегдашняго его г. поручика, при войскѣ, въ показанномъ куренѣ счисленія, вписанъ: для чего ему г поручику сей аттестатъ зъ Коша войска Запорожскаго, при подписи нашей и при войсковой печати, выданъ 1763 года Сентября 8 дня».

Такимъ же образомъ «по собственному ихъ желанію приняты были въ товариство съ 1763 по 1774 годъ:

Ст. Сов. *Петръ Веселицкій*, бывшій послѣ резидентомъ при Ханѣ Крымскомъ, съ двумя сыновьями.

Малороссійскій генеральный Подкоморій и Бунчуковый товарищъ *Павелъ Кочубей* (отецъ канцлера князя В. П. Кочубея).

Астрономической Экспедиціи начальникъ *Христофоръ Эйлеръ*.

Генералъ-Аншефъ *Графъ Петръ Панинъ*.

Генералъ-Аншефъ *Иванъ Глѣбовъ*.

Генералъ-Аншефъ *Графъ Петръ Девіеръ*, командовавшій Украинскою линіею.

Генералъ-Поручикъ *Графъ Остерманъ*.

Генералъ-Маіоръ *Григорій Потемкинъ*, (послѣ знаменитый князь Таврическій).

Генералъ-Маіоръ Князь А. А. *Прозоровскій*, умершій Генералъ-Фельдмаршаломъ.

Польскій Коронный Гетманъ *Графъ Ксаверій Браницкій* и др. [1].

Забавно, среди столь знаменитыхъ и могущественныхъ въ свое время сановниковъ и вельможъ, искренно благодарившихъ «за сдѣланную имъ честь» принятіемъ въ «славное войско Запорожское,» — найти примѣръ гордаго отказа на приглашеніе Коша записаться въ войско. Этотъ отказъ сдѣланъ Богуславскимъ губернаторомъ *Михаиломъ Клечковскимъ*. Такіе Польскіе пограничные губернаторы были ничто иное, какъ наши управители имѣній съ тою разницею, что имѣли въ командѣ своей козачьи милиціи для защиты своей и имѣнія отъ гайдамакъ или Ногайцевъ.

[1] Списокъ лицъ, записанныхъ въ товариство, помѣщенъ въ приложеніяхъ.

Этотъ важный сановникъ писалъ кошевому Якиму Игнатовичу: «Что же вашмосць панъ изволите «въ листѣ своемъ насъ въ Запорожскую службу «запрашиваты, — отписую: если бы я былъ воръ, «албо разбойникъ, или якій гультай (негодяй), «альбо драпѣжца (грабитель); если бы я похотѣлъ «оныхъ рыцерствъ степовыхъ, по за комышами «доказывати (отличаться), и не только худобы «(имущества), але и житія людемъ отбѣрати, то «бы можетъ, на службу вашую и удався (udaćsię «пойти). А понеже я подъ знакомъ коронным «и безъ того *товарищемъ* зостою (нахожусь), оной «вашей службы не желаю». (2 Сентября 1752 г).

Это номинальное причисленіе въ Запорожское войско вельможей, сановниковъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ иные не только не видали Запорожья, но даже едва знали о его существованіи, невольно заставляетъ насъ сравнить его съ бытомъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго въ концѣ XVIII столѣтія. Половина Европейскаго дворянства къ нему принадлежала, украшалась его крестомъ и мантіею, а не было 1,000 рыцарей и 20 галеръ для защиты своего ордена (Коша) на островѣ Мальтѣ, когда Наполеонъ овладѣлъ имъ отъ имени Французской республики. Не то-ли до сихъ поръ происходитъ въ Испаніи съ орденами: Калатравы, Алькантары и Сань-яго-ди-Компостелла?

ГЛАВА IV.

СТЕПЬ, СТЕПНАЯ ВОЙНА, «РАДУТЫ» И «ФИГУРЫ».

Новороссійскія степи еще не имѣли историка, хотя вполнѣ достойны пера столь-же благороднаго, столь-же искуснаго какъ перо Купера, поэта и лѣтописца степей (des prairies) Американскихъ. Видъ степей нашихъ производитъ на человѣка, въ первый разъ ихъ увидѣвшаго, столь сильное впечатлѣніе, что оно неизгладимо остается въ памяти. Ихъ образъ подъ вечеръ или въ знойное лѣто, своею великостью и безмѣрностью, тишиною и пустынностью, столь-же глубоко дѣйствуетъ на воображеніе, какъ видъ океана безбрежнаго и независимаго на пловца, еще не свыкшагося съ бурями. И теперь еще, приближаясь отъ Днѣстра или Кодымы къ Новороссійскому краю, — степи, не смотря на сотни тысячъ своихъ жителей, многія села и близость Одессы, все еще кажутся глухи и пустынны. Сѣверный или западный житель

Россіи съ грустью глядитъ на нихъ, полагая, что уже на всегда разстался съ обитаемымъ міромъ. Но что были степи за два вѣка предъ нами, даже въ половинѣ прошедшаго столѣтія, когда онѣ были владѣніемъ Запорожцевъ и именовались «*дикимъ* полемъ» у сосѣдей, и «пустынями» за границею (les deserts Zaporoziens, solitudo)»? — Весьма было-бы любопытно читать исторію или хотя описаніе степи и степнаго быта Запорожья въ тѣ отдаленныя эпохи, когда, кромѣ вооруженныхъ Запорожскихъ командъ, укрытой въ тёрнахъ рушницы гайдамаковъ, безчисленныхъ стадъ и табуновъ и кой-гдѣ бѣлѣющейся *хаты* зимовника, ничего не встрѣчалъ смѣлый путешественникъ. Дорогъ не было [1], кромѣ *одвѣчныхъ шляховъ*, по которымъ шли караваны за солью въ Крымъ, за рыбою на Донъ и въ Запорожье, съ хлѣбомъ и товарами къ Очакову. Эту дорогу именовали въ Польшѣ *Чернымъ-Шляхомъ* по причинѣ опасностей, сопровождавшихъ путешественниковъ или промышленниковъ, а въ простонародьи называли ее *Шпаковымъ*, по имени перваго атамана путеводителя (и бывшаго гайдамакомъ) Шпака, умѣвшаго водить чумацкіе караваны по прекраснымъ долинамъ и близь воды, не заходя въ

[1] Дороги, упоминаемыя въ Запорожскомъ архивѣ, суть: большая дорога на р. *Солоную*, нынѣшняя изъ Вознесенска на Никополь и Крымъ; старая *Новороссійская дорога* изъ Кременчуга въ Новый-Кодакъ или на Донъ, и др.

села и не подвергая чумаковъ опасности въ балкахъ и пустыняхъ[1]. Она проходила почти по той же стезѣ, что и нынѣшній торговый трактъ изъ западныхъ губерній въ Одессу; начинаясь на Волыни, доходитъ до Умани, а оттуда по тайнымъ тропинкамъ, по глубокимъ оврагамъ и по берегу степныхъ рѣчекъ доходила сперва до Балты, послѣ до Ольвіополя, а наконецъ до Никитиной переправы на Днѣпрѣ. Другой торговый путь въ степяхъ назывался «*Муравскою дорогою*»[2] и съ тою-жъ цѣлью, что и первая, проведенная изъ глубины Малой-Россіи, чрезъ восточныя степи Запорожья; пробравшись по вершинамъ Ворсклы до вершинъ рѣчки Берестоватой, впадающей въ Самару, идетъ онъ къ югу чрезъ всѣ почти Запорожскія паланки до границы или р. «Конскія-Воды» и тутъ уже переходитъ «на Крымскую сторону». Какъ-бы любопытенъ былъ совѣстливый журналъ такого путешествія въ степяхъ, подверженнаго безчисленнымъ опасностямъ, лишеніямъ

[1] *Шпаковый-Шляхъ, Черный-Шляхъ*, можно видѣть на картѣ Риччи-Занони. Онъ называется по Турецки: *Керванъ-Іоли* «Караванный-путь», а по Польски написано: «droga niedòjrzana», т. е. «невидимый, незамѣтный путь», и далѣе къ сѣверо-западу zły krok», т. е. дурной шагъ. По мнѣнію Польскихъ писателей Шпаковъ-Шляхъ названъ по имени ватажка Ивана Богуславца, по прозванію Шпака, подвизавшагося на Подолѣ въ 1733 году.

[2] Такъ она названа на картѣ Боплана, приложенной Бантышъ-Каменскимъ къ его исторіи Малороссіи, изд. 1842 года; *Муравскою* отъ *Муравы*, травы, т. е. степи.

и трудамъ. Степь Запорожская не походила на степь Ногайскую или Уральскую. Въ Запорожьи чумакъ или Польскій торговецъ находилъ защиту отъ гайдамакъ, пристанище у бѣлой хаты зимовника, обыкновенно стоявшей на берегу глубокой рѣчки, въ уединенной балкѣ или у вырытаго колодца, обложеннаго камнемъ, съ привѣшеннымъ ведерцемъ, деревяннымъ корчакомъ и жолобомъ для напоенія людей и рабочаго скота. Хозяинъ зимовника, Запорожскій козакъ обыкновенно былъ и *шинкаремъ* (трактирщикомъ) — слѣдственно безопасность ватагъ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли; онъ хорошо зналъ, что слава добраго зимовника распространяется скоро, не только въ Украинѣ, но и «за границею». Къ тому-жъ, исключая рѣдкихъ разбойничьихъ нападеній гайдамацства, и то ночью, на одинокихъ ватажанъ или неосторожныхъ молодиковъ, стрегущихъ скотину, — караваны могли быть спокойны въ Запорожьи, какъ дома Въ случаѣ обиды, всякій зналъ, что или панъ-полковникъ пограничный, или разъѣздныя команды или даже и войсковая старшина жестоко накажетъ «кіями» шалуна или грабителя. Но перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина-Перевоза, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности отъ чумы и гадины; заряжалъ рушницу, добывалъ изъ воза пику, а на груди, на ремешкѣ вѣшалъ *гаманъ* (лядунку), въ которомъ

хранилъ «печатный» билетъ съ «казенною печатью» и подписью Русскаго пограничнаго чиновника съ Турецкимъ переводомъ этого ярлыка. Въ Ногайской степи уже ни селъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если «трава уродила» и вода въ «полевыхъ рѣчкахъ» не повысыхала; а то уже нѐ у кого достать ни корму, ни водопоя. Отъ Запорожской границы до самой Перекопской *башты*, не увидятъ они уже ничего, кромѣ табуновъ или стадъ Татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, также дикими какъ ихъ лошади, всегда вооруженными бердышемъ и ножемъ за поясомъ. Хорошо еще, если въ какомъ нибудь аулѣ, ага или мурзы имѣли жительство — Русскій ярлыкъ охранялъ чумаковъ отъ всякаго притѣсненія. Но въ голой степи, вдали отъ аула, Ногайцы не боялись никого и для нихъ зарѣзать двухъ-трехъ ватажа̀нъ, отнять скотину или хлѣбъ, считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько обидъ *въ баштѣ* отъ всякаго рода дыздарей, имановъ и каймакановъ.

Но кто рѣшался совершить, кто могъ или желалъ описывать съ вѣрностью и хладнокровіемъ такія путешествія? Какой странникъ не украситъ разсказа своего, напуганный опасностью или подстрекаемый самолюбіемъ? Да и много-ли было такихъ, которые видѣли Сѣчь или степь Запорож-

скую? Запорожцы сочиняли однѣ пѣсни, а чумаки знали только гдѣ зимовникъ, гдѣ « добрая трава », « гдѣ лобода » въ недостаткѣ травы; гдѣ могила, у которой должно свернуть на право, или на лѣво, — или на какой рѣчкѣ бродъ безопаснѣе для его воловъ. Поляки часто пріѣзжали въ Сѣчь съ письмами отъ губернаторовъ, или для торговли, но то были люди не дальновидные и не помышляли о мнѣніи и пользѣ потомства. Изъ Русскихъ ученыхъ и чиновниковъ, сколько намъ извѣстно, только астрономъ *Эйлеръ*, генералъ *Исаковъ* губернаторъ Новой-Россіи, эсаулъ Енеральной артиллеріи Малороссійской *Кологривый* (1768) нѣсколько другихъ офицеровъ и рейтаровъ, пріѣзжали по службѣ или съ депешами, и генералъ-поручикъ *Бибиковъ* (1760) ѣздившій для разграниченія Польши отъ Запорожья, были въ Сѣчи и проѣзжали во всю ширину Запорожья. Ихъ замѣтки и записки былибы самымъ безцѣннымъ матеріяломъ для исторіи этой общины. Но кто писалъ ихъ? Если-жъ и писалъ, то гдѣ эти записки, кто наслѣдовалъ бумаги этихъ гостей Запорожья? и наслѣдники умѣли-ль цѣнить свѣдѣнія о такомъ дѣлѣ, которое считали маловажнымъ? Одинъ только исторіографъ *Миллеръ* писалъ хорошо о козакахъ: онъ искалъ его исторіи въ архивахъ; сами Запорожцы хвалили это сочиненіе, изъ котораго «выписки», т. е. переводъ, какъ драгоцѣнность посылали ихъ депутаты изъ Пе-

тербурга въ Кошъ [1]. Но Миллера исторія хранится въ архивахъ и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатана; а достойный сочинитель «Исторіи Малой-Россіи» Д. И. Бантышъ-Каменскій, имѣвшій возможность видѣть твореніе Миллера и говорящій съ должнымъ уваженіемъ и безпристрастіемъ объ Украинщинѣ — о первообразахъ, *типахъ* козачества, т. е. Запорожцахъ, сообщилъ многія клеветы, разсѣянныя врагами ихъ въ концѣ XVIII столѣтія. И такъ, мы должны опять прибѣгнуть къ Сѣчевому архиву и искать въ немъ свѣдѣній о состояніи степи въ прошедшемъ столѣтіи.

Вотъ одинъ изъ лучшихъ документовъ, изображающихъ наши степи въ половинѣ XVIII столѣтія: это — описаніе границъ одной части Запорожья въ 1764 году, составленное войсковымъ старшиною *Андреемъ Порохнею* съ избранными стариками [2], по изустнымъ показаніямъ и урочищамъ, однимъ Запорожцамъ извѣстнымъ. Здѣсь встрѣтимъ картину степнаго быта во всякой строкѣ документа: «Отъ устья рѣчки Орели (сказано въ этомъ актѣ) *Лысой горки*, по *Коммисареву Шуялковскаго* могилу, которая потому называется «Шуялковскаго», что на оной коммисара Шуялковскаго Запорожскими козаками, въ то время, когда

[1] Смотри въ III-й части главу XV-ую.

[2] Въ приложеніяхъ № 16.

Ляховъ Запорожцы зъ Самары гнали, убито (1635); отъ *Рясскихъ* могилокъ по *Громовую* могилу, а нынѣ прозываемую *Майданецъ*, которая по той причинѣ «Громовою» называется, что козака на оной (вѣроятно стоявшаго на пикетѣ) громъ убилъ съ конемъ. Отъ той-же могилы до могилокъ *Три-Браты* прозываемыхъ, которыя потому называются «Три-Браты», что при оныхъ давними временами три брата отъ нападенія Татарскаго отбивались, зъ коихъ одного убито, а двухъ живцемъ взято отъ «Хрящоватой» могилы до *Дунаевскаго байрака* (мѣлкаго лѣска) въ урочищѣ *Березъ*, въ которомъ урочищѣ въ байраку сидѣлъ зимовникомъ козакъ Левушковского куреня *Сидоръ Дунай*, давними временами, и тамо его набѣгши, орда порубила, а потому называется «Дунаевъ-Байракъ» Между Быкомъ и Добровками могила *разроблена* (т. е. вскопана). Отъ тѣхъ же урочищъ на вершинѣ *Гришиной* балки, могила разроблена и тамо козакъ куреня Донскаго *Гриша* давними временами Татарами пострѣлянъ, потому и балка называется «Гришиной» и т. д.

Въ этомъ документѣ образъ всего быта Запорожскаго какъ въ зеркалѣ отражается. Для означенія границъ взяты не села или дороги, но живые урочища, курганы, балки и рѣки. Имена этихъ урочищъ, это ихъ лѣтописи: война съ Татарами и ихъ наѣзды, борьба съ Поляками, —

жизнь по зимовникамъ, и пограничная (*бекетная*) служба.

На этихъ-то безмѣрныхъ и тучныхъ пустыняхъ подвизались Русскіе витязи Запорожскаго ордена, съ начала XVI по конецъ XVIII столѣтія, «да и прежде». Любовь козака къ степи была безпредѣльна. Сколько безвѣстныхъ для исторіи битвъ, наѣздовъ, побѣдъ и пораженій, произошло на этихъ безмолвныхъ для насъ равнинахъ! Сколько героевъ пустыни легло въ могилу, незнаемыхъ остальною частью братняго Русскаго міра; сколько славныхъ дѣлъ, любви къ родинѣ, храбрости, вѣрности своему знамени и вѣрѣ, происходило здѣсь! — и никто ихъ не знаетъ; — некому было передать ихъ нашему поколѣнію.

Не упоминая о весьма драгоцѣнныхъ разсказахъ *Боплана* [1] въ его *описаніи Украины*, ему близко извѣстной, гдѣ такъ живо и быть можетъ справедливо описалъ онъ бытъ козачества, его борьбу съ Ногайцами и Поляками, мы приведемъ два только отрывка изъ другихъ сочиненій. Въ одной неизданной еще лѣтописи, впрочемъ извѣстной и Бантышу-Каменскому [2], такъ говорится о

[1] *Description d'Ucraine*, etc. p. le Sieur de *Beauplan*. Rouen, 1660, 4°. По-русски очень хорошъ переводъ *Устрялова*, СПб. 1832. 8°.

[2] Экземпляръ этой лѣтописи, въ Одессѣ, принадлежитъ чиновнику Филиповичу и имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Краткое описаніе «Малой Россіи, какъ она послѣ самодержавія Великаго Князя Влади-«міра была подъ Польскимъ владѣніемъ и какъ не скоро послѣ того,

степныхъ войнахъ Запорожскаго товариства: «Въ 1690 годахъ многіе, прибравши къ себѣ охотныхъ козаковъ-Запорожцевъ или городовыхъ и подѣлавшися ватагами, безъ указу, своею охотою ради защищенія христіянъ отъ нападенія бѣсурманскаго и для обороны границъ, по дикихъ степахъ на обоихъ сторонахъ Днѣпра Татаръ съ людьми въ Польщѣ и Россіи набранными поворочаючихъ разбивали, отбивая коней и оружіе себѣ, а христіянъ плѣненныхъ въ землю ихъ и въ отечество отпущали и проводили. Ѣздючи же «на тѣхъ пу«стоширокихъ степяхъ, гдѣ неимѣлось ни единой «стежки (тропинки), ни слѣду, какъ на морѣ, «однако помянутыя ватаги, добре знаючи про«ходы, якобы по извѣстныхъ дорогахъ, зъ вели«кимъ опасеніемъ, дабы не было гдѣ отъ Татаръ «изслѣдованія, — ѣздили; не имѣя же себѣ чрезъ «одинъ и другой мѣсяцъ огня, единожды въ сутки «весьма скудной пищи, толокна (пшена) и сухарей «толченныхъ кушали и конямъ ржати не допус«кая, будто дики звѣры; по тернамъ и камышамъ «крылись и съ великимъ обереженіемъ пути своя «розно разъѣзжая тернами и паки сходилися; «познавали же на тѣхъ степяхъ дикихъ путь свой,

«по изгнаніи изъ оной Ляховъ, гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмѣль«ницкимъ, приведена подъ высокодержавную руку блаженныя и вѣч«нодостойныя памяти Великаго Государя Царя и В. К. Алексѣя Ми«хайловича, Самодержца Всероссійскаго; какіе потомъ были козацкіе «гетманы и дѣйства Украинскіе почекшіеся з'року отъ Р. Х. 1340».

«въ день по солнцу и кряжахъ высокихъ земныхъ «и по могиламъ, ночь же по звѣздахъ и вѣтрахъ и «рѣчкахъ и тако Татаръ высмотрѣвши, нечаянно «нападали и малымъ людямъ (народамъ), великія «ихъ купы разбивали, и плѣнныхъ въ Москву «или въ Польщу, кому куды способнѣе, отводили, «получая за то милость Монаршую».

Но стоя на стражѣ противъ Мусульманской передовой стражи, Запорожцы имѣли дѣло съ равными себѣ сынами степи: Крымцами и Ногайцами, потомками страшныхъ завоевателей за-Волжскихъ. Оттого и хитрость и осторожность съ обѣихъ сторонъ были равны; въ полѣ равная храбрость, равная быстрота въ наѣздѣ, а въ случаѣ нужды, равная скорость и искуство въ бѣгствѣ отъ враговъ. Только два преимущества имѣли козаки предъ Татарами, это: лучшее оружіе, ибо равно умѣли владѣть и ружьемъ и саблею и пикою — и знаніе правильнаго военнаго дѣла, которому выучились еще отъ Польскихъ дворянъ, своихъ гетмановъ, которое строго сохранялось въ войскѣ. Отъ того весьма вѣроятно описаніе, сдѣланное Коржемъ, наѣздовъ Татарскихъ на Запорожье и тѣхъ предосторожностей, которыя въ его время принимали козаки противу вѣчныхъ враговъ своихъ: «Дикіе Ногайцы, говоритъ онъ, подобны были тогда хищнымъ дикимъ птицамъ, высоко въ гору взлетаючимъ — для того, чтобы скорѣе увидѣть свою добычу и захватить ее. Такъ

и они, дабы наполнить свои кровожаждущіе руки грабежемъ и убійствомъ, всегда по своему обычаю, выѣзжали на высокія могилы, или курганы, по шести и по десяти человѣкъ вмѣстѣ, и осматривали гдѣ пасутся стада и гдѣ люди на работѣ; тогда уже нападали на нихъ, брали въ плѣнъ и грабили скотъ. Сіи набѣги весьма были часты, въ толпѣ грабителей бывало не болѣе какъ до 20 чел. на отборныхъ и испытанныхъ лошадяхъ; при томъ-же они вкрадывались малыми шайками для того, чтобы можно было удобнѣе уйти въ случаѣ неудачи. Равнымъ образомъ и Запорожскіе *бекетовые*, т. е. разъѣзжіе козаки, для предосторожности также выѣзжали на курганы наблюдать: не покажутся-ли гдѣ непріятельскія Ногайскія шайки. Но по всѣмъ *редутамъ* отдаваемы были приказы, чтобы изъ числа разъѣздныхъ бекетовыхъ козаковъ, всегда одинъ только въѣзжалъ на курганъ, а не два или три или кучею, дабы народъ Запорожскій, находившійся на степяхъ, могъ отличать непріятелей отъ своихъ козаковъ. О томъ же было обвѣщено по всему Запорожью по всѣмъ паланкамъ, слободамъ и зимовникамъ: чѣмъ легко было предупредить наѣзды, ибо Запорожцы увидя непріятеля, всегда имѣли осторожность собираться въ кучи; по даннымъ знакамъ, дѣлали таборы изъ возовъ и соединенными силами поражали непріятеля изъ ружей, а часто и въ плѣнъ захватывали; ибо всякій

поселянинъ, ѣдучи въ степь, имѣлъ для запаса въ возѣ *рушницу* (ружье). Ногайцы же стрѣляли только изъ луковъ; ружей у нихъ не было и когда бывало выкидаютъ свои стрѣлы, тогда остаются наши».

Немного труднѣе было Запорожцамъ бороться съ *подъѣздами* Польскаго дворянства, которое, соскучась миромъ, ежегодно отправлялось въ Запорожскія степи подъ предлогомъ преслѣдованія гайдамакъ и своихъ дезертировъ; но объ нихъ скажемъ подробнѣе въ главѣ о гайдамакахъ. Объ одномъ путешествіи конфедератовъ Польскихъ въ XVIII столѣтіи по нашимъ степямъ будетъ сказано ниже.

Самыя даже урочища, упоминаемыя въ ярлыкахъ Ханскихъ, письмахъ Ногайскихъ и Очаковскихъ сераскировъ, наконецъ въ бумагахъ Польской канцеляріи, краснорѣчиво напоминаютъ о Запорожской степи и вѣчно въ ней кипящей войнѣ. Такъ близъ Очакова, одно урочище на Бугскомъ лиманѣ называлось *Урусъ-Гечиди*, т. е. *Русскій бродъ*, потому что на эту точку козаки и Русскія войска на Очаковъ ходили войною. Не далеко отъ нынѣшняго Ольвіополя была отмѣль на Бугѣ, которая называлась *Русскою-Косою*. Устье рѣки Синюхи или «Синей-Воды», было мѣстомъ откуда начинался *Черный-Шляхъ*, или граница Татарская такъ названа въ народѣ, ибо съ нимъ *черное* горе приходило: убійства, грабежъ, пожары

и даже черная смерть т. е. чума, а на Виси, Тясьминѣ, Тыкичу и др. рѣчкамъ найдете непремѣнно по одному урочищу, которыя народъ именуетъ *Татарскою дорогою*, «гдѣ Татаре Ногайскіе переправляются». Спросите у Поляковъ XVII и XVIII столѣтія, что значитъ «чамбуловать» (czambułować) и во всей западной Украинѣ скажутъ вамъ, что это значитъ *истреблять*, *жечь* и *грабить*, т. е. дѣйствовать по Джамбуйлуцски (какъ орда Джамбуйлуцкая). Вотъ видите къ концу дня, въ степи, скорою рысью бѣгущій отрядъ Запорожцевъ, съ пиками въ рукахъ, съ ухомъ и глазомъ на чуткой стражѣ; въ авангардѣ какой нибудь испытанный ватажекъ съ двумя или тремя всадниками, оглядываясь, скачетъ взадъ и впередъ по полямъ, курганамъ и вершинамъ балокъ. Впереди отряда хорунжій съ краснымъ значкомъ, за нимъ полковникъ съ перначемъ въ рукѣ; отрядъ измученъ, лошади покрыты пылью и пòтомъ, бѣгутъ въ тишинѣ — куда спѣшатъ эти степные витязи? ужъ не гайдамаки ли? Нѣтъ, ватага *харцизовъ* (воровъ) не поѣдетъ толпою въ 100 человѣкъ съ значкомъ впереди, — это полковникъ или войсковый асаулъ съ *объѣздомъ*; еще ночью зарево горящей фигуры дало знать, что враги пробрались въ Запорожскіе предѣлы. Запорожцы съ самаго утра завидѣли *тясму* (слѣдъ) Ногайскую и видно большой толпы; трава по многимъ мѣстамъ утоптана и старые опытные козаки догадались, что

изъ за-Днѣпра Едичкулы, или изъ за-Буга Едисанцы пробрались въ степь и захватили какой нибудь табунъ лошадей. Вотъ по дорогѣ лежатъ полуоглоданныя кости убитой лошади — это Ногайцы обѣдали конемъ негоднымъ для ѣзды, а вотъ и слѣды крови на другой *тесмѣ*. Асаулъ, *старикъ* куреня, слѣзаетъ съ лошади, глядитъ внимательно, узнаетъ, что это кровь человѣческая, идетъ по этой новой *тесмѣ* и находитъ въ оврагѣ трупы двухъ зарѣзанныхъ пастуховъ Запорожскихъ, берегшихъ стада съ сосѣднихъ зимовниковъ. Объѣздка останавливается. Начинаются распросы: знаютъ ли козаки убитыхъ? — знаютъ. Давно ли видѣли ихъ живыми? — «3-го дня утромъ еще были въ степу на Черталѣ, когда я ходилъ съ возомъ за комышемъ для зимовника» — отвѣчаетъ козакъ. — «И такъ, разсуждаетъ полковникъ, и люде побиты и кони отогнаны вчера или хотя позавчера. Наши лошади хотя и поморены, но еще добѣгутъ до рѣки къ утру. «Нуте, братчики, поѣдемъ». Команда скачетъ усердно, лошади какъ бы ожили новыми силами и заря еще не занималась, какъ они уже добѣжали до рѣки, но увы! пріѣхали поздно. Татаре уже были на другой сторонѣ; остальныхъ коней связанныхъ хвостами вмѣстѣ, полунагій Ногаецъ перегонялъ чрезъ воду; къ счастію зоркіе глаза козаковъ узнали похитителей, и полковникъ надѣется чрезъ Кошъ возвратить потерю».

Такія или похожія на то сцены возобновлялись безпрестанно, и мы повторяемъ здѣсь только содержаніе какого нибудь полковаго рапорта, или показанія избѣгшаго отъ смерти и плѣну чабана. Но въ разсказѣ Коржа и въ нашемъ мы упомянули о *бекетахъ*, о *радутахъ* и *фигурахъ*, и слѣдственно должны объяснить ихъ назначеніе. Пусть Коржъ, ихъ очевидецъ, будетъ нашимъ повѣствователемъ.

« *Радуты* и *фигуры* устроены были, говоритъ онъ, по лѣвую сторону Днѣпра, отъ сѣверо-восточной гетманской стороны, начиная отъ устья рѣки Орели, по самую Конку рѣку (т. е. р. «Конскія-Воды» на Крымской границѣ). Скрозь по-надъ самымъ Днѣпромъ, около воды построены были родъ заѣздныхъ дворовъ и назывались *радутами* (редутъ, шанецъ), такъ что одна радута отъ другой была на 10, 20 или 30 верстъ, смотря по положенію открытыхъ и закрытыхъ мѣстъ, дабы одна другую могла видѣть. Всякая радута была строеніе пространное, широкое, подобное казармамъ или Сѣчевымъ куренямъ, безъ чулановъ и перегородокъ, съ сѣнями и одною чрезъ сѣни каморкою для поклажи. Покрыты были обыкновеннымъ тесомъ, а индѣ камышемъ и обведены пространнымъ дворомъ и деревяннымъ заборомъ, въ срединѣ съ конюшнями для пріѣзжихъ лошадей. Въ каждой радутѣ было по 50 чел., которые перемѣнялись погодно. Сіи козаки устроены были для *бекетовъ* (пикетовъ) и разъѣздовъ, на

случай непріятеля[1]. Около каждаго изъ вышеписанныхъ радутовъ построены были *фигуры* чуднымъ и удивительнымъ образомъ, разстояніемъ отъ радута въ полъ или четверть версты не болѣе, — въ осторожность отъ огня. Каждую фигуру строили они изъ 20 бочекъ смоленыхъ, такимъ образомъ: съ самаго начала дѣлали основу или фундаментъ фигуры на 6-ти бочкахъ, кои переворотивъ на *сторчь*, ставили на землѣ, циркулярно, плотно одну подлѣ другой, родомъ *кучки гетманской*[2] коего обгораживаютъ деревьями на шляхахъ, или на подобіе самаго большаго винокуреннаго чана, такъ чтобы въ срединѣ онаго кружка изъ бочекъ было пустое мѣсто, и связывали этотъ кружокъ крѣпко смоляными канатами. Должно замѣтить, что всѣ бочки имѣли только нижнее дно. На вершинѣ круга ставили новый сводъ изъ 5 бочекъ, такимъ же образомъ связанный и устроенный какъ и первый. Третій рядъ бочекъ былъ только изъ 3-хъ, а четвертый изъ двухъ бочекъ; на самомъ же верху вмѣсто маковки, ставили одну бочку, не имѣвшую ни верхняго, ни нижняго дна — и эта уже оканчивала фигуру. Въ этой фигурѣ на самомъ верху, въ бездонной бочкѣ сдѣлана была перекладина, думать надобно желѣзная, съ блокомъ, и повѣшенъ былъ на оную *шнуръ* (веревка) такъ длин-

[1] Мы убѣдились что Коржъ говоритъ о тѣхъ постахъ, которые, подобно *Старо-Самарскому*, *Камянскому*, *Биркутскому*, *Никитскому*, (у Никитина-Перевоза), и *Сокольскому* редутамъ; аванпостамъ въ *Княжихъ* и *Волчьихъ-буеракахъ* и у *Мигеи*, были устроены на Запорожской землѣ, но содержались не отъ войска, а регулярными или Малороссійскими полками, о снятіи которыхъ Кошъ усердно хлопоталъ въ 1765—1767 годахъ.

[2] *Кучками гетманскими* назывались ограды вокругъ деревьевъ, посаженныхъ по обѣимъ сторонамъ почтовыхъ дорогъ въ Малороссіи.

ный, чтобы оба его конца лежали на землѣ. Одинъ конецъ висѣлъ на дворѣ — спущенъ по фигурѣ свободно, а другой былъ проведенъ внутрь фигуры; къ сему послѣднему прикрѣпленъ былъ желѣзный дротъ (проволока) съ великимъ пучкомъ *мочули* (пакли), вываренной въ селитрѣ.

«Надобно еще сказать, что во всякомъ радутѣ, надъ Гетманскими и Запорожскими козаками поставленъ былъ начальникомъ асаулъ [1], который командовалъ или распоряжалъ, чтобы у фигуры безсмѣнно были часовые по 2 или по 3 человѣка, а изъ прочихъ козаковъ назначались бекеты и отряды для разъѣздовъ. Козаки обмундированы были самою лучшею аммуниціею, при полномъ вооруженіи, какъ то мушкетѣ, ратищѣ, саблѣ и 4-хъ пистолетахъ. Отряды составлялись изъ 5 до 10 и болѣе козаковъ, которые разъѣзжали на верховыхъ уборныхъ лошадяхъ отъ радута до радута, всякій по своимъ *станціямъ* (постамъ), а также и на степяхъ, гдѣ жатвы и токи бывали; а иные проѣзжали до самой границы и высматривали непріятеля, съ которой стороны покажется Бывало, только наши отряды и бекеты увидятъ гдѣ нибудь «Орду», приближающуюся къ предѣламъ Запорожскимъ или Гетманскимъ, тотчасъ козаки скачутъ къ ближайшимъ радутамъ и дѣлаютъ тревогу, что непріятель близко. Тогда уже асаулъ скачетъ съ козаками къ фигурѣ и зажигаетъ ее посредствомъ веревки, прежде сего описанной. Когда фигура разгорится, то и прочимъ радутамъ даютъ

[1] Это явная ошибка; по радутамъ Запорожцевъ не было, а командирами были Малороссійскіе сотники или асаулы отъ Полтавскаго или Миргородскаго полковъ.

чрезъ сіе знать. И такъ въ одно время и въ одинъ почти день всѣ фигуры по радутамъ загорятся, и всѣ жители окрестныхъ мѣстъ, въ степяхъ, лѣсахъ и по плавнямъ, занимавшіеся разными работами, могли уходить со скотомъ своимъ въ слободы и спасать жизнь свою; а потомъ уже и всѣ полки (отряды изъ паланокъ) Запорожскіе, стоявшіе по паланкамъ для запасу, собирались въ одно мѣсто, сражались съ непріятелемъ, побѣждали и выгоняли его изъ своихъ предѣловъ»[1].

Такъ просто, но живописно о степномъ бытѣ своей братіи повѣтствуетъ Коржъ, Запорожецъ и очевидецъ. Съ нашей стороны сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній. Кому неизвѣстно то несмѣтное количество *кургановъ*, которые народъ Украинскій называетъ «*могилами*», иногда *майданами*, и которыми покрыты степи Волыни, Украины, Подолья и въ особенности Новороссійскія и Бессарабскія степи, на всемъ пространствѣ отъ Кременчуга до береговъ Дуная, Чернаго и Азовскаго морей[2]. Теперь съ умноженіемъ народонаселенія

[1] Объ этихъ фигурахъ упоминаетъ даже баронъ де Томъ въ своихъ *Memoires sur les Turcs et les Tatares* см. ниже въ главѣ 1.— III части книги нашей. Удивительно что мы не нашли въ Запорожскомъ архивѣ никакого упоминанія ни о *фигурахъ*, ни о содержаніи козаками редутовъ. Упоминаются только «*чаты*» которыя можно назвать *пикетами*. Это вѣроятно потому, что намъ досталась только частица Сѣчеваго архива.

[2] Давно уже ищутъ значенія слова *курганъ*, этого миѳа Новороссійской исторіи. Одинъ козакъ сказывалъ мнѣ, что курганъ слово Русское т. е. *круганъ*, испорченное въ просторѣчіи; быть можетъ это случилось въ то время, когда прежнюю форму *кр҃ганъ* замѣнили на новую, а происходитъ отъ своей *круглой* формы. Онъ именуется «моги-

и хлѣбопашества, съ постройкою новыхъ городовъ и селъ, число кургановъ значительно уменьшилось. Но должно себѣ представить степь въ дни юности Запорожскаго разскащика, т. е. между 1730 и 1750 годами, и тѣмъ болѣе въ XVI или XVII столѣтіяхъ, чтобы вполнѣ вообразить себѣ степь во всей ея суровой красотѣ, съ разставленными кое-гдѣ «радутами» пикетами на курганахъ и *фигурами*. Быть можетъ и другіе народы, предшествовавшіе здѣсь Запорожцамъ и Татарамъ, — которыхъ едва имена дошли до насъ, съ тою же цѣлью воздвигли эти курганы, чтобы среди ихъ въ безопасности ставить или снимать свое кочевье. Еще не давно, на высокихъ могилахъ встрѣчались чудные, грубо изваянные истуканы, именуемые въ народѣ *бабами*; это быть можетъ нимѳы степи, неизвѣстныя еще знатокамъ древней миѳологіи; или божества — охранители границъ народнаго логовища, или наконецъ жертвы (vota), принесенныя этими народами духамъ, защитникамъ ихъ безопасности. Во всякомъ случаѣ мы весьма благодарны столѣтнему старцу, сохранившему въ своей памяти и передавшему намъ это оригинальное описаніе храненія границъ Запорожья. И въ самомъ дѣлѣ, какъ жи-

лою» (т. е. гробницею) когда цѣлъ, а *майданомъ*, *площадью*, когда «*разробленъ*», вскопанъ въ срединѣ, вѣроятно для пребыванія въ немъ стражи или убѣжища гайдамакъ. Въ Подол. губер. я видѣлъ два или три такихъ «майданцевъ» — и народъ называлъ ихъ *кутоловами*.

вописна картина этихъ редутовъ, вѣчно стоявшихъ на стражѣ, въ краѣ пустомъ, открытомъ, беззащитномъ отъ природы; — этихъ фигуръ, внезапно воспламенявшихся въ минуту опасности, несущихъ вѣсть земледѣльцамъ, что пора искать убѣжища въ паланкахъ, или только имъ извѣстныхъ убѣжищахъ: а козакамъ садиться на коней, вооружаться пикой или рушницей, чтобы состязаться съ равными себѣ наѣздниками, героями степи! Жаль, что подобныхъ изустныхъ повѣстей осталось уже немного и что они не идутъ далеко въ прошедшее; а какую прекрасную исторію можно было бы составить изъ однихъ преданій!

Въ заключеніе этого краткаго очерка степнаго быта Запорожской общины, должно еще сказать намъ о *бекетахъ* (пикетахъ), занимаемыхъ войсками для сохраненія границъ, и намекнуть о зимовникахъ.

О постахъ или *пикетахъ* имѣемъ много оффиціяльныхъ актовъ, изъ которыхъ одинъ предлагаемъ здѣсь—это росписаніе ихъ, сдѣланное по приказанію графа Панина для наблюденія за непріятелемъ во время зимы (28 Ноября 1767).

« 1) При рѣчкѣ Каменкѣ; отъ сего поста команды съѣзжаться будутъ, въ правую руку въ Саксаганѣ при « великихъ тернахъ », а въ лѣвую руку по Днѣпру до урочища *Скалозубова;*

2) Въ низу до рѣки Днѣпра невдаль рѣчки Камянки, которая на самой границѣ находится;

3. Противъ Сѣчи Запорожской отъ Татарскаго степу за версту, въ урочищѣ *Темномъ*.

4. Надъ р. Днѣпромъ въ урочищѣ *Лысой-Горкѣ*.

5. Въ урочищѣ *Городищѣ* надъ Днѣпромъ.

6. Въ уроч. *Голой-Пристани* надъ Днѣпромъ.

7. Въ уроч. *Тарасовскомъ*, надъ Днѣпромъ.

8. Въ уроч. *Бѣленкой*, надъ Днѣнромъ.

9. При *Хортицкомъ островѣ*, на Днѣпрѣ.

10. Въ *Дубовомъ островѣ*, на Днѣпрѣ.

11. Въ Кодацкой паланкѣ.

12. На той сторонѣ Днѣпра, въ *Самарѣ*, певдаль отъ *Старосамарскаго ретраншамента* верстъ за 6.

13. По той сторонѣ Самары въ ур. *Садкахъ*.

14. При уроч. *Вольномъ* и *Займахъ* на той стор. Самары, на бекетѣ при р. *Нижней-Терси*.

15. При урочищѣ *Лучинѣ*, на той стор. р. Самары.

16. Тамъ же въ уроч. *Жуковскомъ*.

17. При Самарѣ въ уроч. *Богдановомъ*.

18. Между Самарью и Орелью (до самой Линіи Украинской).

19. При Протовчанской паланкѣ.

20. При Самарской паланкѣ».

А всего на 20 постахъ:

Войсковый старшина.	1.
Полковниковъ	20.
Полковыхъ старшинъ	43.
Козаковъ пароконныхъ	2,844.
» пѣшихъ	800.
Всего . . .	3,708 старшинъ

и ряд. козак., т. е. 4-я часть всей вооруженной общины.

Обратите теперь вниманіе на названіе постовъ: однѣ дикія урочища и рѣчки, только 3 паланки и Ново-Сѣченскій ретраншаментъ напоминаютъ о жилищахъ человѣческихъ; все прочее явно говоритъ о степи безграничной, размежеванной только рѣками или другими живыми урочищами.

Мы уже сказали выше (глава II), что *зимовники* могли имѣть одно только товариство, отъ кошеваго до простаго куреннаго козака, равнымъ образомъ. Видно, что нѣкоторые зимовники находились въ огромномъ разстояніи одинъ отъ другаго —когда въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ въ 1767 году графомъ Чернышевымъ, — на *пункты*, поданные въ сенатъ депутатами Запорожскими, сказано: «у «Запорожцевъ по малолюдству ихъ большая часть «хлѣбородной земли и сѣнокосовъ безъ употреб-«ленія; и есть такіе зимовники что верстъ отъ «15 до 20 землею владѣютъ». Собственность зимовниковъ т. е право владѣнія доставшимися по жребію: степью и рѣчками было такъ свято, что даже войсковая старшина и самъ Кошъ на общественныя надобности, не только что на частныя нужды, не могъ ни сѣна косить ни рыбы ловить. Весьма сожалѣемъ, что не можемъ представить за какой нибудь годъ *полнаго* обозрѣнія зимовниковъ; имѣемъ только таблицу 1755 г., когда еще небыло ни Орельской ни Протовчанской паланокъ. Въ Прогноинской и Перевѣзской же паланкѣ и сидѣть

зимовниками было запрещено, слѣдственно въ остальныхъ 4-хъ по оффиціяльному Коша изчисленію показано:

1. Въ Самарской, на 51 урочищѣ	253	зимовн.	
2. » Кодацкой, на 5 уроч. . . .	88	»	
3. » Калміуской, на 9 уроч. . .	61	»	
4. » Бугогардовской, на 6 уроч.	29	»	
	431	зимовн.	

Слѣдственно всѣхъ бы было только 431 зимовникъ, но это не вѣроятно; — и мы должны замѣтить, что эти цифры взяты изъ оффиціяльныхъ рапортовъ, представляемыхъ гетману, слѣдственно вѣрить имъ трудно. Внутреннее состояніе, число и бытъ войска, по обычаямъ общины, никому не должно было открывать; это составляло число «секретовъ Кожа Запорожскаго» и вотъ причина тѣхъ невѣроятностей и сказокъ, которыя, до отысканія настоящаго нашего архива, сообщались и сообщаются еще читающей Россіи [1].

Здѣсь должны мы упомянуть о тѣхъ нелѣпостяхъ, которыя находятся на упомянутой картѣ *Риччи-Занони*. Онѣ могутъ служить мѣриломъ географическихъ понятій того времени о краѣ нашемъ. Географу Риччи и другимъ ученымъ извѣстна была только западная часть Запорожья,

[1] Въ первомъ изданіи нашей книги мы помѣстили въ настоящей главѣ одну пѣснь, считая ее простонародною, но убѣдясь что она сочиненія современнаго поэта *Падуры*, теперь сочли ее излишнею.

т. е. Херсонская губ. и та часть Екатеринославской, которая находится на правомъ берегу Днѣпра. Вся же восточная половина «вольностей Запорожскихъ», лучшія села и зимовники паланокъ: Самарской, Протовчанской и Орельской, не говоря уже о Калміусскихъ степяхъ, вовсе не были имъ извѣстны. Но и о западной половинѣ сообщались ученому свѣту слѣдующія наименованія мѣстъ и урочищъ: I. По всей границѣ проведенной послѣ Бѣлградскаго мира, въ силу *инструмента* заключеннаго на *Великомъ-Ингулѣ* (1740 Ноября 4) обозначены слѣдующія крѣпости, — начиная отъ устья Сухаго Ташлыка въ Бугъ: 1) *Ташлыкъ*, 2) *Михайловская*, 3) *Степановская*, 4) *Героможлеевская* (на устьѣ Громоклеи) 5) *Ени* (новая) *Сербія*; 6) *Никольская*, 7) *Васильковская*, 8) *Петровская*, 9) *Андреевская*, 10) *Ингульская* (на Ингулѣ), 11) *Димитровская*, 12) *Алексѣевская*, 13) *Антоновская* и 14) *Ивановская*, на концѣ границы у самаго Днѣпра близъ устья рѣчки Каменки. На самомъ же дѣлѣ всѣ эти крѣпости никогда не существовали и даже какъ проэкты не упоминаются въ архивахъ. II. Вся степь раздѣлялась по картѣ Риччи на 4 главныя части: Степь Мертвыхъ (Step umarłych), «Степь Бугская», «Степь Ингульская» и «Песчаные бугры», (Pagórki piaszczyste), которымъ мѣсто назначено: первой между Чернымъ Ташлыкомъ и р. Мертвыя воды, (т. Бобринецкомъ, Херсонскомъ и части

Ананьевскаго уѣзд. Херс. губ) — послѣднимъ въ нынѣшнемъ Екатеринославскомъ уѣздѣ, который кромѣ того весь покрытъ небывалыми никогда лѣсами. Теперь вотъ названія мѣстъ и живыхъ урочищъ, неслыханныхъ и невиданныхъ въ Запорожьѣ: «Дорога невидимая» (droga niedojrzana), часть которой называется *дурной шагъ*, (zły krok), а другая уже въ Ново-Сербіи, именуется «Чернымъ-Шляхомъ»; *пустынники* (Pustelnicy): Пустыни: Св. Самуила, Св. Захарія, Св. Иліи, Св. Іеремія, Св. Василія, Св. Павла, Св. Иларіона, Св. Григорія, озеро Св Константина и «Божій домъ» имена очень благочествыя, напоминающія о пустынной жизни въ Египтѣ въ III и IV вѣкѣ христіанства, но жаль что объ нихъ ни Запорожцы т. е. хозяева, ни мы, т. е. ихъ лѣтописцы и географы ничего не знаемъ. Далѣе находятся: «Богухвала», «Чистый источникъ» «Мертвое-озеро», «Бѣлое-Озеро или *Юга*, «Прекрасный источникъ» (piękne źródło); но этого мало, вотъ еще названія: *борода*, *нисъ* (носъ) «Дикій долъ» «Великій-дворъ» «Прекрасное мѣсто» (вѣрно *Веселый-кутъ*), «гробъ Павлюка», Запогостье», «Темная долина», Прекрасный-Лугъ», «Бельведеръ», «Прекрасная гора», «Мазепинъ-цепъ», «Долина-воровъ» наконецъ «Скачекъ (skok) бѣлаго коня», «Скачекъ пѣтуха», «Скачекъ овечій», «Скачекъ волчій» и т. п. Естественно является вопросъ, неужели всѣ эти имена знаме-

нитый географъ, издавшій отличнѣйшія карты Польши и Турціи выдумалъ, чтобы дополнить карты неизвѣстныхъ ему странъ и земель. Не думаемъ, — но полагаемъ, что въ XVIII столѣтіи еще такъ мало людей посѣщало Запорожскія степи, да и тѣ больше думали о своей безопасности нежели о географіи проходимыхъ мѣстъ, что не удивительно незнаніе ученаго Риччи. Къ тому-жь и Запорожцы не рады были говорить о пространствѣ, народонаселеніи и мѣстности своихъ «вольностей», какъ это видно изъ многихъ оставшихся бумагъ, писанныхъ въ отвѣтъ на запросы Малороссійскихъ и Великороссійскихъ начальствъ[1]. Вѣроятно Риччи довольствовался «сказкою» т. е. показаніемъ Запорожскихъ козаковъ, посѣщавшихъ Польшу по дѣламъ торговли, а хитрая «кравчина» сочла своимъ долгомъ порядочно налгать Ляшкамъ, чтобы не дуже «цѣкавились» (любопытствовали) въ Запорожскихъ владѣніяхъ, до которыхъ имъ «дѣла нѣтъ, да и быть не должно».

[1] На вопросъ напр. Кіевской Митрополіи, сколько въ Запорожьи церквей, духовенства и доходовъ церковныхъ имѣется, Кошъ отвѣчалъ: «что церквей *достаточное* число имѣется; что духовенства бываетъ *не равно*, разъ больше, когда остаются на мѣстѣ, меньше когда въ командировкѣ. Доходы же зависятъ отъ ласки войсковой» и пр.

ГЛАВА V.

ЦЕРКОВНОЕ УСТРОЙСТВО ВЪ ЗАПОРОЖЬИ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣмъ читателямъ, особенно Русскимъ, извѣстна та особенная приверженность, которую питало козачество Запорожское къ святой православной вѣрѣ нашей; которую сохранило столь неизмѣнно, что никогда ни одинъ расколъ не закрался въ ея исповѣданіе, на всемъ пространствѣ Украины и Западной Россіи, а тѣмъ болѣе Запорожскаго войска. Кровавая брань за Унію и самое отпаденіе козачества отъ Польши въ XVII столѣтіи, суть неоспоримыя тому доказательства. Краснорѣчивый сочинитель «*Исторіи Россійской церкви*» (изд. II, 1840. стр. 193), говоритъ объ этомъ слѣдующее: «явились и другіе защитники (православія), вооруженные мечемъ вмѣсто закона, вольные козаки Сѣчи Запорожской. Король Стефанъ Баторій далъ имъ привиллегіи законныя, признавъ ихъ атамана; опасность въ свободномъ исповѣданіи вѣры православной, *быв-*

шей необходимымъ условіемъ Сѣчи, возмутила ихъ противъ Сигизмунда (III) и даже на время лишила всѣхъ привиллегій коронныхъ, когда храбрый атаманъ Наливайко, нанесшій столько уроновъ войскамъ Польскимъ, самъ наконецъ былъ разбитъ и сожженъ гетманомъ Жолкѣвскимъ»[1]. Кромѣ его, атаманы всей Украины: *Перевязка*, *Павлюкъ* и *Остраница*, пали жертвою любви къ вѣрѣ и враждѣ къ Уніи. Но мы будемъ говорить только о Запорожьи; оно, какъ вѣрное дитя Руси и первообразъ Малороссійскаго козачества, было вѣрнѣйшимъ сыномъ православія. Представимъ на то положительныя доказательства.

Мы уже сказали выше, что Запорожская община главнѣйшимъ условіемъ пріема въ свое товариство, требовала: крещенія, если не-христіанинъ, и обращенія, если иновѣрецъ, въ православную вѣру. Кромѣ упомянутаго уже (въ главѣ) § 8 наказа 1767 г., можемъ еще привести отрывокъ изъ письма Кіевскаго митрополита *Тимофѣя Щербацкаго*, къ начальнику Сѣчевыхъ церквей іеромонаху *Макарію*, въ которомъ онъ пишетъ, что просьбу его и кошеваго Данилы Стефанова «о дачѣ «мура святаго, для помазанія новоприходящихъ «тамо, съ желаніемъ введенія въ православную

[1] Здѣсь говорится о постановленіи Сейма 1638 года, въ которомъ сказано: «Козаки Запорожскіе *pro rebellione* всѣ свои права, преимущества и старшину, и доходы и другіе *decora in perpetuum* потеряли и въ холоповъ обращены». Приложеніе № 3.

«вѣру, еретиковъ и разныхъ языковъ крещенія» — онъ исполнилъ. (1754 г. Февраля 9). Раскольниковъ Запорожцы такъ сильно не любили, что когда узнали о поселеніи ихъ близь кр. Св. Елисаветы, то въ наказѣ своемъ 1767 года, депутатамъ (§ 9) поручено было просить правительство объ ихъ удаленіи «понеже въ войску Запорож-«скому, по жительству ихъ при границахъ *уставъ* таковъ, чтобъ въ войскѣ Запорожскомъ и на принадлежащей ему землѣ, *иновѣрнымъ не быть и не жить*».

Слѣдственно церковь Запорожская была церковью Русскою, и не имѣла другой разницы отъ нашей, кромѣ ея особеннаго и можно сказать оригинальнаго управленія. Въ обрывкахъ найденнаго нами Сѣчеваго архива, удалось намъ отыскать нѣсколько документовъ, подлинниковъ и въ спискахъ, дающихъ понятіе и о самомъ устройствѣ Запорожской церкви. Онѣ столь любопытны и столь мало извѣстны, что мы рѣшились представить ихъ здѣсь со всевозможною подробностью [1].

[1] Часть изъ нихъ заимствована изъ собранія актовъ подъ заглавіемъ: «Списки или копіи: грамоты Святѣйшаго Московскаго и всея Руси и всѣхъ Сѣверныхъ странъ Патріарха Іоакима и другихъ Малороссійскихъ просвѣщенныхъ Архіереевъ писемъ. Также и отъ прежде бывшихъ ихъ милостей благородныхъ господъ славнаго войска Запорожскаго кошевыхъ, атамановъ и отъ всего тогожъ войска Запорожскаго товариства въ Кіево-Межигорскій монастырь присыланныхъ Универсаловъ и пр. вѣрно въ сію книгу внесены и съ подлинными своены, для всегдашней и незабвенной всякому памяти, знанія и вѣданія». —

Два главныя обстоятельства встрѣчаются въ самомъ началѣ обозрѣнія нашего: 1) Требованіе или притязаніе Коша Запорожскаго на независимость ихъ церкви и духовенства отъ общей Русской Іерархіи, или просто отъ Митрополита Кіевскаго и Малороссійскаго. Это служитъ новымъ доказательствомъ орденскаго его устройства; подобно орденамъ католическаго монашества, въ которомъ всякая *регула* (Св. Венедикта, Св. Франциска, Св. Бернарда и др.) имѣла своего особаго *Генерала* (Generalis) или духовнаго начальника, изъ братьевъ тогоже ордена избираемаго, безъ воли котораго и повелѣнія самой главы ихъ церкви, Папы, въ орденѣ не исполнялись. Въ рыцарскихъ же орденахъ великій магистръ былъ вмѣсто его генераломъ духовнымъ. 2) Особенное уваженіе къ Кіевскимъ обителямъ, а преимущественно къ «великому Кіево-Межигорскому Свято-Преображенскому Монастырю» [1]. Мы обращаемъ на это послѣднее обстоятельство самое тщательное вниманіе, какъ служащее вѣрнѣйшимъ доказательствомъ предположенія нашего на счетъ происхожденія козачества отъ Руси, отъ Русскихъ южныхъ и юго-западныхъ княжествъ.

Въ *церковныхъ* дѣлахъ архива нашего находимъ нѣсколько «взаимныхъ писемъ», почти до-

[1] Зданіе этого древняго монастыря, послѣ бывшаго въ немъ пожара, (указомъ 10-го Апрѣля 1786 г. упраздненнаго), обращено на помѣщеніе Межигорской фаянсовой фабрики.

говоровъ, что Сѣчь Запорожская съ «своими владѣніями», съ древнѣйшихъ временъ принадлежала какъ *парафія* (приходъ) Кіево-Межигорскому монастырю, зависѣвшему только отъ Патріаршаго всея Руси престола. Кошъ Запорожскій, въ грамматахъ монастырскихъ, назывался его «*ктиторомъ*». Запорожье не иначе принимало себѣ въ духовные отцы священниковъ и монаховъ, какъ изъ иноковъ принадлежавшихъ къ этой обители, для служенія въ Сѣчи и въ Самарскомъ ими устроенномъ монастырѣ, а также, по рекомендаціи Коша, для посвященія Запорожскаго бѣлаго духовенства для церквей въ паланкахъ. Какъ это было въ первые годы Запорожской общины, не знаемъ, но въ концѣ XVII столѣтія находимъ уже подлинные о томъ документы. Такъ славный атаманъ кошевой Иванъ Дмитріевичъ (Сѣрко) писалъ въ 1676 году къ игумену Межигорской обители: «Повторное наше при челобитьи вносимъ прошеніе, за обрадою (съ совѣта) цѣлаго войска зъ ухвалою (съ приговоромъ), рачь (сдѣлай милость) намъ всечестность ваша нарадившися съ братіи прислать якую особу на правый крылосъ уставщика, гдыжъ (ибо) панове дьяки свѣцкіе едно до того неспособны, хочь якіе и есть, другое не умѣютъ соби коштоваты (цѣнить) ласки войсковой и хлѣба спокойно уживаты (употреблять). Овожь такъ все войско обрадило (опредѣлило): жебы оной доходъ на обитель святую ишелъ, гдѣ за все войско За-

порожское Бога милостиваго благаютъ (Błagają, молятъ), тамъ же и шпиталь войсковый. Ото повторне и по десяты разъ упрошаючи, молитвамъ вашимъ святымъ себѣ вручаемъ» («писанъ въ Сѣчи надъ Чертомлыкомъ 18 Мая 1676»). Черезъ семь лѣтъ послѣ, это подчиненіе Сѣчи Межигорскому монастырю сдѣлано слѣдующими «взаимными листами» или договорами:

«*Григорій Ивановичь* (или Иваника) атаманъ на тотъ часъ Кошовый, *Григорій Меченко* Судья Кошовый, *Леонтій Константіевичь* Писарь, *Матвѣй Цесарскій* асаулъ и мы Атаманы всѣхъ куренивъ, на имя *Василь Олексѣенко* Атаманъ куреня Крилевскаго, *Яковъ* Атаманъ куреня Иреклевскаго, *Иванъ Стягайло* Атаманъ куреня Коренивскаго, *Павло* Атаманъ куреня Конеловскаго, яко и вся Атаманья куренная, въ томъ року идучемъ, нижей описанномъ, такъ и все товариство куренное, Низовое войско Царскаго ихъ Пресвѣтлаго Величества Запорожское, — ознаймуемо симъ писаніемъ нашимъ теперь и на потомные незамѣроные часы (времена): ижь намъ всему войску Запорожскому били челомъ на письмѣ, наши духовные отцòве, честный господинъ отецъ *Феодосій Васьковскій*, игуменъ Межигорскій Кіевскій, со всѣмъ соборомъ своимъ, зъ братіею своею, же бысьмо на потомные часы и лѣта подтвердили писаніемъ нашимъ войсковымъ тое, щобъ теперь и завше (всегда) зъ ихъ монастыря общежительнаго Межигорскаго Кіевскаго, а не изъ иншой якой обители святой, — священницы служили зъ монастыря присланные, Божіѣ службы у Покрова Пре-

святой Богородицы, въ церквѣ Святой нашей Запорожской и всѣ духовныя правила спасенія войску надлежачія, отправовали и духовными отцами товариству были; жебы *парафія* наша Запорожска, въ держаніи ихъ была. А такъ мы все войско видячи чрезъ часъ не малый, отцовъ Межигорскихъ Кіевскихъ житіе иноческое пристойное, общежительное и чинъ ихъ монастырскій похвалы годный, ку спасенію людемъ полезный и привѣтный и страннолюбивый уважаючи; оныхъ прислуги немаліи у войску нашомъ и въ церкви нашой, и видячи церковный порядокъ у Святой Покровы статечный (постоянный) и отправу въ нихъ службъ Божихъ *по Монастырску* и изъ того всего тѣшачись, — теды мы войско все единостайне порадившися (poradziwszy się — посовѣтовавшись) зъ собою добре, тую челобитную отцовъ выше помененныхъ принялисьмо и до скарбницы войсковой сховали, и на ихъ желаніе позволисьмы тое абы церковь Святой Покровы наша Запорожская и вся парафія, при нихъ завше была, жебы на потомные часы, завше не отмѣнне зъ монастыря Межигорскаго общежительнаго Кіевскаго, при святой Покрови священнодѣйствовали, а войску Запорожскому богомольцами и отцами духовными были, тое еднакъ себѣ варуемо (warować, условливать), абы зъ монастыря на тое святое дѣло присылано людей способныхъ, статечныхъ: священниковъ двохъ, діакона и уставника; которое то наше зезволеніе войсковое согласное, симъ нашимъ войсковымъ писаніемъ при печати войсковой ствержаемо теперь и на потомные часы завше. И хочемо и просимо абы тоей волѣ нашей войсковой, которая за волѣю Божіею сталася, и на-

шего постановенья сего, никто теперь и на потомные часы некасовалъ (cassare, ломать, уничтожать) и не отмѣнялъ, жебы войсковое слово, звлаща (особенно) непротивное волѣ Божіей, овшемъ (напротивъ) славу Божію помножаючее, было завше поважно, статечно и якъ скала неподвижно». «Дѣялося на Кошѣ В. З Н. року 1683 Октобрія 4 дня».

Не смотря на столь явное желаніе всего войска и древніе обычаи Запорожцевъ, вѣроятно Кіевскому духовному начальству не хотѣлось уступить одной своей обители Запорожскую паству (славившуюся своею щедростью въ пользу церквей), ибо находимъ, что въ 1686 году Кіевскій митрополитъ Гедеонъ приказалъ: «церкви войска Низоваго подчинить его каѳедрѣ». Межигорскій монастырь послушался, вызвалъ чрезъ нарочно посыланнаго въ Сѣчь монаха *Тарасія*, находившуюся тамъ братію, а между тѣмъ отправилъ къ Всероссійскому патріарху жалобу чрезъ депутатовъ своихъ іеромонаха *Іродіона*, дьяка *Гавріила* и монаха *Филарета*.

Весьма не понравились Запорожцамъ такія распоряженія Митрополіи и кошевой *Федоръ Иваника* такъ отвѣчалъ игумену Межигорскаго монастыря *Феодосію* на его требованіе: «Немоглисьмо выдывиться таковой неласцѣ (немилости) и нелюбви привелѣбности твоей, же зостаючую (находящуюся) братію у насъ хотѣлъ превелѣбность твоя, чрезъ высланнаго отца Тарасія до обители святой общежительной зовсемъ забрати! Може наша любовь

къ общежительной обители Межигорской не есть вдячна (благодарна wdzięczna)? Божія и наша церковь межь кочевисками Агарянскими зостаючая, неподлежитъ власти Ясне Освѣцоного[1]. Княжати Митрополиты Кіевскаго, бо не въ Малороссійскомъ найдуется горизонтѣ, але за границею, въ поляхъ Татарскихъ, на помноженіе чести господней и на духовную войсковую потребу, яко православныхъ христіанъ; въ которой церкви и мы молячись Господу Богу; цѣлости отчизны нашей перестерегаемъ, кровь нашу проливаючи, яко вѣрніе отчизнѣ нашей и зичливые сыновe и знайдуемся, яко зъ вѣрнымъ подданствомъ великимъ Государемъ Ихъ Царскому Пресвѣтлому Величеству, такъ зъ належнымъ добродѣеви нашему ясневельможному Его милости Пану Гетману послушаніемъ, и будемъ великимъ Государемъ и Святѣйшему Патріярсѣ и его милости Пану Гетману добродѣеви нашему челобитные засылати, абы за покорною нашею просьбою, ласка и милостивое было жалованье: Межигорской обители святой и нашей церкви войсковой, до которой и прежде бывшіе святой памяти (покойные «Swiętej Pamięci») ясне въ Богу освященные метрополиты

[1] *Ясно-Освѣцоны* «Jaśnie Oświecony» былъ титулъ князей въ Польшѣ, равный нашему «сіятельству». Митрополита такъ величаетъ войско потому, что онъ происходилъ изъ рода князей Четвертинскихъ. Епископовъ нѣкоторыхъ, особенно: Гнѣзненскаго, Краковскаго, Виленскаго и Кіевскаго, кромѣ титула *xiędza* (т. е. отца) еще именовали въ Польшѣ *xiąże*, т. е. княземъ.

не интересовалися, теды и теперь не належитъ Я. О. Кнежати Метрополитѣ Кіевскому въ неналежное втручатися (вмѣшиваться, wtrącać się). Не будетъ церковь Божія и наша отлучена отъ монастыря общежительнаго Межигорскаго, пока въ Днѣпрѣ воды и нашего войска Запорожскаго будетъ» и пр. Въ концѣ универсала приписка слѣдующая: «Перемѣны прислати часу звычайнаго (обыкновеннаго) мѣсяца Септемврія, кого ласка будетъ». «Въ Сѣчи 29 Мая 1686 года».

Здѣсь должно замѣтить, что подобно всѣмъ другимъ званіямъ въ Кошѣ и духовныя лица могли занимать свою должность только одинъ годъ, и замѣнялись другими, или-же прежніе сохраняли свои должности по избранію и опредѣленію войска «зъ ласки войсковой». Это называлось *перемѣною звычайною*. Обыкновенно въ Сентябрѣ являлись изъ Межигорскаго монастыря иноки и оставались до осени будущаго года. Если прежнее духовенство нравилось Запорожцамъ, то его оставляли, въ противномъ случаѣ замѣняли новоприбывшими. Въ тоже время собирали для монастыря богатыя подаянія во всемъ войскѣ и нѣсколько возовъ нагруженныхъ рыбою, солью, мѣхами и виномъ въ жертву для братіи святой обители, иногда посылали рабочій скотъ и даже лошадей въ подарокъ.

Наконецъ самъ Московскій и всея Руси патріархъ Іоакимъ, постриженникъ, какъ говорятъ, Межигорскаго монастыря, принялъ Запорожскую

парафію подъ свое покровительство и особенною грамматою въ лѣто 7196 (1688) 5 Марта данною, на имя того-же игумена Межигорскаго монастыря *Феодосія*, повелѣваетъ: «Церковь Божію въ Сѣчи «Запорожской будучую, имѣющуюся въ полной «и непрерывной патріаршей власти» поручить единственному вѣденію Межигорскаго монастыря, съ утвержденіемъ древняго обычая, чтобы войско Низовое получало свое духовенство только изъ этой обители [1].

Такимъ образомъ Запорожье, до самаго бѣдственнаго паденія своего и перехода подъ Турецкое владычество въ 1709 году, имѣло свою отдѣльную церковь, подлежащую номинально Московскому патріаршему престолу, а на самомъ дѣлѣ Кошевому начальству. Когда въ Запорожьѣ завелись села и въ нихъ возводились церкви, то бѣлое духовенство постригалъ или начальникъ Кошевыхъ церквей, или приходило изъ другихъ мѣстъ и принеся присягу Кошу, получало отъ него приходы по паланкамъ.

Въ 1734 году, лишь только Запорожцы получили прощеніе отъ Императрицы Анны Іоанновны, и новымъ Кошемъ близь древней своей Сѣчи основались, то опять обратились «въ святый градъ Кіевъ» за благословеніемъ. Только тутъ

[1] Патріаршая граммата помѣщена во всей обширности въ Приложеніи № 6.

уже явилось близкое вліяніе на дѣла Запорожья Русскаго военнаго начальства; Кіевскій военный губернаторъ графъ фонъ-Вейсбахъ былъ посредникомъ между Кіевскою каѳедрою и Запорожскимъ войскомъ. Да и старшина Запорожская заговорила языкомъ больше послушнымъ церковной іерархіи. Чрезъ этого генерала Кіевскій митрополитъ *Рафаилъ* прислалъ свое пастырское благословеніе «на основаніе Коша», т. е. Новой-Сѣчи на р. Подпольной, и постройку въ ней по древнему обычаю новой *Покровской* церкви (1734 года 3 Апрѣля). Узнавъ объ этомъ бывшій Межигорскій игуменъ, а послѣ епископъ Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій *Іродіонъ Жураховскій* писалъ къ кошевому *Ивану Малашевичу*, прося съ братіею своей обители «абы ведлугъ давнего «обыкновенія войско вспять ихъ за духовныхъ « себѣ настоятелей приняло». На то кошевой 23 Декабря 1734 года отвѣчалъ епископу и просилъ: «благоволите Межигорскимъ законникамъ объя- «вить, ижбы они изволили въ надѣи пребывать, «же мы ихъ, по совѣту всѣхъ нашихъ войсковыхъ «куренныхъ атамановъ и прочихъ стариковъ, не- «чуждаемся и благоволимо за настоятелей духов- «ныхъ себѣ принять, токмо намъ до весны по- «чекаютъ, за кимъ на семъ нашемъ нынѣшнемъ «новопоселеніи подъ Е. И. В. много мощною «державою Кошемъ утвердимся».

Такимъ образомъ Межигорскій монастырь

вступилъ въ свои права и постоянно всякій годъ посылалъ по прежнему къ «рыцерскому войску Запорожскому своимъ древнимъ добродѣямъ» монаховъ для Сѣчевыхъ церквей и для возобновленнаго въ то-же время Пустынно-Николаевскаго монастыря, основаннаго издревле Запорожцами на р. Самарѣ. Первымъ начальникомъ церквей въ Новой-Сѣчи присланъ былъ отъ епископа Іродіона іеромонахъ *Павелъ Маркевичъ* съ самою лестною для войска утвердительною грамматою [1].

Но повторяемъ, что не смотря на глубокое уваженіе козачества къ святымъ Кіевскимъ обителямъ и вообще духовенству, Кошевое начальство считало только себя главою войсковой церкви и даже своему духовному наставнику Кіево-Межигорскому монастырю по этому предмету ни въ чемъ не повиновалось. Вотъ примѣры того и другаго. Въ 1769 году, не смотря на приказаніе Румянцова, Кошъ не хотѣлъ согласиться, чтобы бывшіе въ походѣ при войскѣ три іеромонаха были подчинены оберъ-священнику дѣйствовавшей арміи. Равнымъ образомъ, когда Кіевскій митрополитъ Гавріилъ требовалъ въ 1774 году отъ начальника Сѣчевыхъ церквей іеромонаха *Владиміра* доставленія въ консисторію свѣдѣній о числѣ Запорожскихъ церквей, духовенствѣ, доходахъ онаго, грамматахъ и т. п. — кошевой

[1] См. въ Приложеніяхъ N° 13.

самъ отъ имени войска отвѣчалъ: что такъ какъ церкви Запорожскія «искони древнихъ временъ ведущимся порядкомъ построены войскомъ, содержатся отъ онаго и въ главномъ и совершенномъ вѣдомѣ войска находятся» — то и не считаетъ нужнымъ занимать этимъ предметомъ Митрополію. Вотъ письмо въ этомъ же родѣ кошеваго Калнишевскаго къ правящему въ Кошѣ судьѣ *Николаю Тимофѣевичу* (1773 г. 5 Іюня): «Получили мы увѣдомленіе, что изъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря присланы іеромонахи, такъ въ Сѣчь яко и въ Самарскій монастырь, гдѣ іеромонахъ *Германъ* оставленъ; а онъ столь хорошаго ученія, что можетъ и проповѣди говорить. Въ таковыхъже проповѣдникахъ не безъ надобности состоитъ въ Сѣчевой церквѣ, такъ отцу начальнику Сѣчевыхъ церквей Владиміру извольте сказать, чтобы его Германа оттоль въ Сѣчь для бытія прислано, а туда въ Самарь изъ Сѣчи какого іеромонаха отправленобъ. Какъ же по извѣстію въ Самарскій монастырь присланъ іеромонахъ *Кошманъ*, то что уже онъ въ Сѣчи былъ и при поступкахъ нечинныхъ, отъѣздъ въ Кіевъ такъ непорядочно сдѣлалъ[1], что по тому и другимъ такимъ же причинамъ, не заслуживаетъ нигдѣ быть въ Запорожскихъ предѣлахъ; для того извольте отцу начальнику объявить, чтобы его Кошмана велѣлъ: не

[1] То есть уѣхалъ безъ позволенія Коша.

задерживая въ Самарѣ и нигдѣ въ Запорожскихъ предѣлахъ ни мало, заразъ въ Кіевъ въ Межигорскій монастырь отправить».

За то набожность Запорожцевъ была удивительная, и мы смѣло можемъ представить многочисленные тому примѣры.

Запорожцы слывшіе доселѣ (благодаря пристрастію историковъ), или гайдамаками или дикими воинами въ родѣ Ногайцевъ, — имѣли однакожь 14 церквей постоянныхъ и 2 походныя (ежегодно возводимыя), на весьма скудное народонаселеніе. О литургіи и духовномъ наставленіи войска, Кошевое начальство такъ заботилось, что даже при отправленіи на границу временныхъ паланокъ: Ингульской и Бугогардовой, отправлялись вмѣстѣ съ ними походныя церкви. Уже о Бугогардовой сказали мы нѣсколько словъ выше; теперь присовокупимъ, что для ея содержанія отдѣлялась часть паланочнаго дохода, а именно: сборъ съ перевоза и рыбной добычи, равно и добычи, пріобрѣтенной на полѣ битвы. Такъ въ 1772 году имѣемъ двѣ росписки ктиторовъ этой церкви въ полученіи имъ въ первый разъ: «Маія 20 зъ Гардовой добычи на церковь получено девятдесятъ рублей и 40 коп.». Въ другой разъ: «Іюня 1 изъ добычи полученной подъ Очаковомъ отдано ктитору Алексѣю Верменкѣ 73 рубли, 46 левовъ, паръ 80». Вотъ любопытная жалоба *Лисичниковъ* и *базарниковъ* со

всѣмъ товариствомъ, на Бугогардоваго полковника въ 1758 году: «Вельможности Вашей доносимъ на полковника: что подавали козаки на Гардовую церковь, перве дали жемчугу зеренъ 14 и проданъ той жемчугъ за 15 руб; вдруге дали козаки кѣлиховъ (чашъ) сребныхъ позлочуванныхъ 3, изъ нихъ еденъ съ покрышкою и крестомъ, и матеріи на ризы штофу разного цвѣтнаго и грошей (денегъ) три копы и не знать гдѣ онъ то подѣлъ. И Вашу М-ть покорнѣйше просимъ, чтобы изъ вашей команды кого наставите, то того мы будемъ слухать, а писарь и асаулъ намъ угодны будутъ. А мы васъ всенайпокорнѣйше просимъ, чтобы намъ вы прислали полковникомъ *Трофима* Щербиновскаго, а тотъ полковникъ нехай прійдетъ войску «благодарить», и въ насъ кто станетъ полковникомъ, то нехай сему полковнику не дасть ничего, пока счету зъ себѣ не здасть. Онъ Трофимъ ненакупается (непросится въ должность). Но войско Бугогардовое его проситъ, а В-у В-ть покорне просимъ, чтобы Трофимъ намъ былъ паномъ не отмѣнно». Церковь въ Гарду часто была разоряема Поляками и Татарами, но не смотря на то, множество монаховъ, особенно изъ за границы (т е. изъ православныхъ монастырей южной Польши и Молдавіи), приходили туды за милостынею. По этому случаю кошевой писалъ однажды тамошнему полковнику *Сухинъ:* «Мы извѣстились, что безъ пашпортовъ

шатающіеся іеромонахи, монахи и прочее духовенство, гробы печатаютъ и проповѣдаютъ и другіе требы исправляютъ, безъ позволенія (Коша). Чего имъ чинить не принадлежитъ. Такъ и предлагаемъ Вамъ таковыхъ заразъ брать и до того не допускать, а велѣть безпашпортнымъ отходить въ ихъ монастыри. Что наблюдать имѣетъ начальникъ Бугогардовый іеромонахъ отецъ *Никонъ*, которому, по его объявленію, и вспомоществованіе чинить». (1772).

Коржъ упоминаетъ только о 9-ти церквахъ Запорожскихъ: въ Сѣчи, въ Самарскомъ монастырѣ, въ Новоселицѣ, въ Новомъ и Старомъ Кодакѣ, и въ селахъ: Карнауховѣ, Романовомъ и Могилевѣ. Мы можемъ присоединить къ нимъ: 1) церковь въ Камянкѣ (на самой границѣ «гдѣ Сѣчь была»), о которой находимъ замѣчаніе кошеваго: «пока «церковь (въ Камянкѣ) постройкою не окончится, «Козаки могутъ спасаться въ Кодаку и по остро«вамъ»; 2) въ Калміуской паланкѣ, о которой находимъ свѣдѣніе, что въ 1754 полковникъ Андрей Порохня (послѣ войсковой асаулъ), по причинѣ обветшанія старой церкви, проситъ Кошъ приказать изготовить нужный лѣсъ въ Самарской товщѣ и переправить оный до паланки т. е. къ устью Берды. Для той же церкви и въ томъ же году, *Тимоѳѣй* Щербацкій, митрополитъ Кіевскій, послалъ походный антимансъ и благословительную граммату на ея освященіе. Кошъ, отправляя все

это съ начальникомъ Самарскаго монастыря «въ «Калміусъ», поручилъ ему взять въ Сѣчи хранившуюся тамъ древнюю (отъ Крымскаго пребыванія) церковь, везти ее въ Калміускую паланку, и тамъ поставить для литургіи, пока новая не будетъ построена; 3) въ Никитинѣ, гдѣ въ 1835 году видѣлъ я самъ ея остатки: колокольню и церковныя украшенія, теперь въ новой церкви находящіяся[1]; 4) въ 1774 году построена еще церковь въ С. Котовкѣ; 5) въ м. Лычковкѣ; 6) походныя же церкви устроивались, въ Гарду; 7) въ Ингульской паланкѣ при урочищѣ *Перевѣзскомъ* и даже въ походахъ: на Крымской степи; 8) у Шингирійскаго ретраншамента, когда полковникъ Запорожскій, храбрый *Афанасій Колпакъ*, дѣйствовалъ тамъ съ отрядомъ козаковъ противу Татаръ и Турокъ[2].

[1] Въ 1835 году посѣтилъ я Никополь, бывшій Никитино, и видѣлъ въ новой Покровской церкви, перенесенныя изъ прежней здѣсь бывшей Запорожской церкви: древній перламутовый съ черепаховыми украшеніями налой, подарокъ Іерусалимскаго Патріарха какому-то Кошевому, частицу истиннаго Креста въ богатой иконѣ и другія. Подлѣ церкви стоитъ до сихъ поръ ветхая почернѣвшая отъ времени колокольня, принадлежавшая къ прежней церкви.

[2] Мы находимъ еще слѣды, что въ Запорожскихъ усадьбахъ или зимовникахъ, гдѣ церквей не было, строились такъ называемыя *божницы*, т. е. маленькія деревянныя часовни, гдѣ ставились одна или нѣсколько иконъ и теплились лампады. Такъ въ жалобахъ Перевѣзскаго полковника *Дмитрія Стягайлы* находимъ показаніе, что въ зимовнику Козака *Гордѣя Полоза*, при рѣкѣ Ингульцѣ, Татары взяли «слесарной работы «божницю» и образъ на полотнѣ малеванный Спасителя Господа нашего Іисуса Христа порвали и потоптавши ногами, на землю бросили». (1754, Мая 11).

Щедрость Запорожцевъ для украшенія храмовъ Господнихъ и обогащенія монастырей была вездѣ извѣстна. Кошевой Петръ Калнишевскій ѣздившій съ писаремъ Глобою на поклоненіе въ Кіевъ, на собственный счетъ построилъ каменную церковь въ Межигорскомъ монастырѣ во имя св. Петра и Павла, и деревянную въ г. Ромнѣ, на Украинѣ. Кромѣ того помогъ къ отстройкѣ соборной церкви св. Николая въ г. Лохвицѣ, которой войсковой судья *Николай Тимофѣевичь* (Косапъ) былъ пожизненнымъ ктиторомъ.

Въ 1768 году въ Сѣчь и Запорожье такое множество прибыло монаховъ за милостынею для православныхъ монастырей: Кіевскихъ, Великороссійскихъ, Украинскихъ и Греческихъ, что Кошъ принужденъ былъ на два года запретить сборъ подаяній, чтобы свои церкви можно было исправить и украсить. Этой щедрости въ подаяніяхъ приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1768 году митрополитъ Кіевскій *Арсеній*, благодаря Кошъ за его усердіе къ церкви, проситъ по прежнимъ примѣрамъ дозволить посланному отъ него каѳедральному монаху собирать милостыню на великій Кіевскій храмъ св. Софіи. Въ томъ же году Петръ Калнишевскій писалъ къ *Ефрему* «Святѣйшему Патріарху Св. града Іерусалима и Палестины:» По моему обѣщанію въ церковь до гроба Божія, посылаю потиръ, дискосовъ три, ложицу и звѣзду серебренныя вызолоченные, которые покор-

нѣйше прошу принявъ и на оныхъ священно-служеніе отправлять». Іеромонахъ *Григорій* со святой Аѳонской горы пишетъ въ Кошъ, благодаря его за многія милости и увѣдомляетъ, что онъ на святую гору прибылъ и въ построенномъ имъ «Русскомъ скиту съ братіею обрѣтается и о здравіи войска молится». (1767) въ Маіѣ). *Константинъ* Архимандритъ «Царской и Патріаршей» Греческой обители, благодаритъ войско за присылку монастырю: «кромѣ церковныхъ апаратъ (ризъ) и прочихъ церковныхъ утварей, деньгами 2,500 руб. «Это довольно большая сумма по тогдашней цѣнѣ денегъ, и судя потому, что все войско не болѣе 6,000 руб. въ годъ получало изъ Царской казны жалованья. Въ 1770 году строитель церкви Св. Великомученика Пантелеймона, вновь построенной въ Кіевѣ на Подолѣ въ *Межигорскомъ дворцѣ*, пишетъ что эта церковь построена и зависитъ отъ вкладовъ Судьи войсковаго Николая Тимоѳѣевича и всего войска. Но слѣдующее письмо строителя Молдавовлахійскія обители Драгомирны [1] іеромонаха *Паисія*, писанное въ Кошъ 2-го Іюня 1768 года столь любопытно что мы, помѣстивъ его вполнѣ въ приложеніяхъ здѣсь сообщаемъ только весьма замѣчательный отрывокъ: «Монастырь общежительный нашъ зовомый *Драгомирну* пришедшимъ намъ съ 50 бра-

[1] Кажется это метохъ (малый монастырокъ или подворье) *Драганешты* въ Валахіи, въ Телеорманскомъ уѣздѣ.

тьями отъ Св. Аѳонскія горы, выдѣленъ отъ благочестиваго господаря Молдавовлахійскаго и преосвященнаго митрополита въ совершенное владѣніе, съ принадлежащими къ тому монастырю добрами (имѣніями). Братія жь наши, якоже пришедшіе съ святыя Аѳонскія горы, такожде и здѣ къ намъ пріобщившіеся, коихъ всѣхъ нынѣ является число 150 быти, живутъ мирно, безмятежно, повинующеся заповѣдемъ Христовымъ, зъ коихъ *большая часть* находится отъ Россійскаго роду, *найпаче же* отъ православноименитыя страны Запорожскія».

Иногда и духовныя власти оказывали свое благосклонное вниманіе къ Запорожской старшинѣ. Такъ въ 1756 году во время пребыванія въ Петербургѣ кошеваго Данилы Стефановича (Гладкаго) и другихъ депутатовъ, Святѣйшій Сѵнодъ пожаловалъ для Сѣчевой Покровской церкви Библію новаго перевода, чѣмъ привелъ войско въ неимовѣрный восторгъ. Въ 1772 году Гавріилъ митрополитъ Кіевскій, отправляя въ войско за милостынею двухъ монаховъ, посылаетъ войску Запорожскому свое пастырское благословеніе, а судьѣ войсковому «въ знакъ благодарности» за пособіе къ отстройкѣ Пантелеймоновской церкви, святую икону.

Запорожцы особенно любили украшать свои храмы и содержать свое духовенство самымъ

приличнымъ образомъ. Кромѣ обыкновенныхъ пожертвованій, войско при раздѣлѣ жалованья, провіанта, доходовъ съ питейныхъ домовъ, лавокъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель, даже воинской добычи, одну часть, обычаемъ узаконенную, отдавало на *церковь*, а другую на *школу*, которая была при церкви. Монастырь же Самарскій имѣлъ свои земли, поселянъ, хутора и мѣльницы. Козаки какъ люди холостые, умирая, хотя и отдавали свое имущество роднымъ или куреннымъ братьямъ, но часть непремѣнно отказывали въ пользу церкви и духовенства. Какъ бы ни былъ бѣденъ козакъ, а требовалъ непремѣнно чтобы его хоронили «честно» и на то предоставлялъ частицу своего достоянія [1]. Въ 1755 году посыланному за жало–

[1] Вотъ одинъ примѣръ. Въ 1772 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, находившійся въ слободѣ Терновкѣ (въ Ново-Сербіи) для излеченія болѣзни, Запорожскій козакъ Кущевскаго куреня *Григорій Покотило* умеръ, и роздавъ по завѣщанію все свое имущество, наличныя 9 руб. назначилъ на погребеніе. Эта сумма была употреблена слѣдующимъ образомъ: 1) на поминки: горѣлки на 3 р. 50 к., хлѣба на 36 коп., рыбы на 25 к., гороху за 10 к., огурцовъ за 15 к.; 2) на позвонное дано 25 к.; 3) на оббивку домовины за *намитку* (родъ грубой кисеи) дано 30 к.; 4) за *ставникъ* (паникадило), да двѣ *корки* (т. е. двѣ части сгорѣвшей восковой свѣчи) и за сукно 17 коп.; 5) за 10 Евангелій, что читали 1 р.; 6) Дьячкамъ за похороны 10 к., за Евангеліе дьячкамъ 20 к., пономарю за похороны 15 к., священнику за похороны 50 к. Остальныя 1 р. той бабѣ, у которой козакъ жилъ и которая его пользовала, а его служителю 80 к., которыя онъ употребилъ на панихиду и на обѣдъ нищимъ. Изъ двухъ своихъ лошадей, одну «съ кульбакою доброю и всѣмъ уборомъ» онъ завѣщалъ на церковь Чудотворца Николая, а другую священнику.

ваньемъ полковнику поручено было заказать въ Москвѣ серебренное паникадило въ 5 пудъ и два аршина вышиною. Не успѣвъ устроить этого заказа въ столицѣ, козаки поручили его въ Глуховѣ мастеру Кеппену (Carl Gustav Köppen) за 3,000 рублей. Въ 1774 году, по просьбѣ войска и ходатайству Потемкина, Императрица пожаловала начальника Сѣчевыхъ церквей *Владимiра Сокальскаго*, въ архимандриты. Кошъ, кромѣ покупки для него въ Москвѣ богатаго наперстнаго креста и митры, назначилъ на общей войсковой радѣ 300 рублей жалованья, т. е. сумму для нихъ очень важную. Въ 1775 году кошевой Калнишевскiй писалъ къ Архимандриту Кiево-Печерской Лавры *Зосимѣ*: что «войско имѣетъ желанiе дабы въ Сѣчевой, Покрова Богоматери церкви были золотые священническiе сосуды, таковые, какiе самой искуснѣйшей и великолѣпнѣйшей работы есть въ Кiево-Печерской Лаврѣ и для того оные по сему манеру сдѣлать вознамѣрились весьма. Почему чрезъ господъ старшинъ, которые нынѣ за жалованьемъ въ столицу отправляются, въ Кiевъ и золото пришлется». Онъ просилъ дать наставленiе кому это дѣло поручить и какъ его исполнить. Этотъ документъ набожности Запорожцевъ былъ писанъ 1-го Мая 1775 года т. е. за нѣсколько дней до паденiя самаго Коша, о близкомъ разрушенiи котораго «славное войско Запорожское» никогда и не помышляло.

Вотъ еще документъ глубокаго уваженія Запорожцевъ къ святынѣ, Въ 1768 году войсковый асаулъ *Сидоръ Бѣлый*, по должности своей объѣзжая паланки, заѣхалъ въ Новоселицу (гдѣ было обыкновенное пребываніе Самарской старшины) и отсюда написалъ въ Кошъ: «Извѣстился я, что выѣхавшій изъ Іерусалимскихъ краевъ монастыря Іоанна Богослова іеромонахъ *Неофитъ*, имѣя при себѣ святыя мощи, въ Новоселицѣ, въ испрошеніи отъ доброхотныхъ дателей милостыни уже болѣе 2-хъ лѣтъ проживаетъ и небывая какъ его долгъ велитъ въ церквѣ, себе въ безпрестанномъ великомъ пьянствѣ, а святыя мощи въ небреженіи держитъ. Почему я самъ персонально усмотрѣвши, что подлинно такъ есть, его іеромонаха, покамѣсть вытрезвится подъ присмотръ: а святыя мощи въ Новоселицкую церковь велѣлъ взять». Послѣ, этого монаха со всѣмъ его имуществомъ, а святыя мощи въ особомъ на то изготовленномъ ковчежцѣ отправилъ въ Сѣчь. Кошъ увидя, что монахъ имѣлъ паспортъ отъ святѣйшаго *Серафима* патріарха Константинопольскаго и отъ Русскаго фельдмаршала графа Бутурлина, а также отъ войска на сборъ подаяній въ 1766 году формальное позволеніе или *листъ*, на сходкѣ опредѣлилъ: отпустить его домой, выдавъ на дорогу 40 рублей.

Коржъ въ своихъ разсказахъ упоминаетъ также и о церкви Запорожской. Выписываемъ нѣ-

сколько словъ изъ его любопытной повѣсти. «Между Запорожскими обычаями были и благочестывые обряды, относящіеся до христіанскаго закона и добродѣтелей, ибо между козаками много было набожныхъ, страннолюбивыхъ и любящихъ благолѣпіе церковное, а особливо изъ престарѣлыхъ, кои ходили въ церковь почти ежедневно, украшали церковныя иконы, *справляли* (т. е. сооружали, покупали) богатые хоругви и кресты, обогащали различныя утвари и церковные св. сосуды драгоцѣнными каменьями и великолѣпными мануфактурами, такъ что во всей Россіи едва ли гдѣ была ризница превосходнѣе сей Запорожской ризницы, особенно на счетъ достатка церковнаго, т. е. денежной казны, по той причинѣ, что Запорожцы были холостые, имѣли многія тысячи денегъ и многочисленное скотоводство по зимовникамъ. На случай смерти козака все такое имущество отписывалось на церковь Сѣчевую и на монастырь. Церкви монастырскія и Сѣчевая были деревянныя безъ ограды. При послѣдней находилась большая и высокая колокольня съ 4-ми окнами, въ которыхъ стояли пушки, какъ для защиты противъ враговъ, такъ и для стрѣльбы въ большія церковныя торжества, особенно въ день Пасхи, Богоявленія, храмовый (1-го Октября) и другіе праздники. Во время водоосвященія (6-го Января), козаки со всѣхъ куреней и отъ ближайшихъ паланокъ и зимовниковъ, кон-

ные и пѣшіе, во всемъ своемъ вооруженіи, въ лучшихъ своихъ платьяхъ, по-куренно собирались вокругъ церкви, съ своими знаменами на лошадяхъ, живо (яркими красками) и богатыми красками украшенныхъ. Артиллерія козачья была тутъ же. Когда соберутся къ церкви, то такое великое множество народа бываетъ, что занимаетъ не только все пространство около церкви, но и всю городскую обширную площадь. И стоитъ все войско, какъ конница, такъ и пѣхота, чинными и стройными рядами, безъ шапокъ дотоли, пока окончится литургія. По окончаніи оной, настоятель какъ главное лице, выходитъ изъ церкви съ крестомъ, за нимъ всѣ монахи и священники по-парно, съ иконами и свѣчами, шли къ Днѣпру *на Іорданъ.* Все Запорожское войско, тихимъ шагомъ, покуренно, слѣдовало за ними и располагалось на берегу рѣки. Когда настоятель погружалъ крестъ въ воду, то всѣ пушки и всѣ вооруженные ружьями козаки палили три краты, а по окончаніи церемоніи еще палили долго, сколько кому угодно, и тогда возвращались во свояси».

Еще должно сказать слова два объ одномъ благочестивомъ обычаѣ Запорожскомъ, это о поминовеніи умершихъ и убитыхъ на сраженіи. Вѣроятно въ Покровской Сѣчевой церкви была особая на то таблица, ибо находимъ два раза о

томъ упоминаніи въ архивѣ [1]. Въ 1770 году изъ походнаго Коша присланъ былъ списокъ убитыхъ на сраженіи подъ Очаковомъ «за вѣру и отечество» козаковъ, съ приказаніемъ помѣстить ихъ въ поминальный списокъ и «отслуживать въ Сѣчевой церкви панихиду соборне и сорокоустъ годовой отправлять, и такія же панихиды служить во всѣхъ Запорожскихъ церквяхъ». Послѣ по всѣмъ командамъ посланы были приказанія, чтобы о всѣхъ убитыхъ козакахъ, такія же и съ тою же цѣлію именные списки присылались въ Сѣчь. Въ 1773 году начальникъ Сѣчевыхъ церквей *Владиміръ* писалъ къ войсковому писарю *Ивану Глобѣ*: «за покойнаго *Іоанна Бурноса* (бывшаго войсков. судьи и умершаго въ походѣ) панихиды отправлены и звонили и псалтирь читали школьники, и въ «таблицу» на годовое поминовеніе его имя вписано».

Здѣсь мѣсто упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое очень живо изображаетъ глубокое уваженіе Запорожцевъ къ церковному чину и ту страсть, которую они имѣли къ великолѣпію храмовъ и священнослуженія. Въ 1759 году прибылъ въ Сѣчь изъ Кіева, съ Высочайшаго дозволенія, *Анатолій* Епископъ Милитійскій, пребывавшій въ С. Петербургѣ и оттуда отпущенный. Войсковая старшина, а тѣмъ болѣе товари-

[1] Мы ее искали въ этой церкви въ 1845 году, но ни священникъ, ни старосты церковные ничего объ этомъ не знали.

ство, никогда не видавшее архіерейскаго служенія, такъ восхитилось онымъ, что пригласило епископа на всегда остаться въ Сѣчи, принявъ въ свое управленіе Низовую паству, и для того изготовило богатыя ризы и все нужное для богослуженія. Вѣсть объ этомъ скоро дошла до Кіева и до Петербурга. Святѣйшій Сѵнодъ чрезъ гетмана Разумовскаго далъ немедленно знать Кошу, что хотя епископу Анатолію, по нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ, и дозволено было пребываніе въ Сѣчи, до извѣстнаго времени, но что ему, какъ отлученному отъ Русской церкви, не только архіерейское, но и всякое священнодѣйствіе запрещено. Войско крайне огорчилось такимъ повелѣніемъ, но немедленно Анатолія отпустило изъ Сѣчи, обременивъ его гостинцами и письмами, — и донося объ его отъѣздѣ Гетману, не могло не изложить чувствъ всей общины и замѣтить, что зрѣлищемъ архіерейскаго служенія «все простонародное Запорожское Низовое войско весьма довольствовалось. По пограничности жь сего городу (Сѣчи), яко пріѣзжихъ и иностраннаго народа довольно было, въ прославленіи Божіемъ, въ похваленіи, знатная польза пріобрѣтена была». (Рапортъ кошеваго Алексѣя Бѣлицкаго къ гетману 24 Декабря 1759 году).

Въ заключеніе нельзя не упомянуть здѣсь о той страсти, которую Запорожцы имѣли къ церковному пѣнію. По происхожденію своему отъ

Русской крови, они вообще любили пѣсни «кобзарей» и «лирниковъ» при звукѣ бандуры или «цимбаловъ», но церковное пѣніе составляло у нихъ верховное наслажденіе. Мы увидимъ примѣръ въ описаніи судебныхъ обычаевъ Запорожья, что когда кошевой съ старшиною, находясь (въ 1771 г.) въ Кодакѣ, былъ приглашенъ въ гости къ одному священнику, то сочинитель походнаго журнала замѣтилъ въ описаніи угощеній, сдѣланныхъ кошевому и старшинѣ, что «Е. В-ть и пѣвчими былъ позабавленъ». Въ Сѣчи, при Св. Покровской церкви «на монастырскомъ подворьѣ», была *школа*, т. е. училище, гдѣ охотниковъ, особенно-же дѣтей молодиковъ учили грамотѣ. Въ ней было особое отдѣленіе для пѣвчихъ, управляемое духовенствомъ. По сказанію очевидцевъ считалось тамъ всегда до 30-ти взрослыхъ козаковъ, предназначавшихъ себя въ *духовчое* званіе, т. е. пономарей, дьяковъ, а за успѣхъ и въ діаконы, и 50 *школьниковъ*, имѣвшихъ свое особенное куренное управленіе, т. е. своего атамана и своего *кухаря*. Вѣроятно туда поступали дѣти козаковъ, назначавшіеся въ войско и тѣ несчастные малютки, которыхъ гайдамаки, по древнему обычаю, похищали у католиковъ и Евреевъ, чтобы изъ *еретиковъ* обращать ихъ въ православныхъ козаковъ. Между прочими преимуществами, они имѣли исключительное право *колядовать* (kolędować), т. е. въ святки пѣть священные гимны, подъ окнами

Сѣчеваго товариства, поздравлять хлѣбомъ на новый годъ [1] и яйцомъ въ свѣтлое воскресенье, звонить въ колокола и читать псалтирь по умершимъ и убитымъ въ сраженіи, продавать ладонъ и т. п. за что получали множество съѣстныхъ припасовъ и денежную плату, которая составляла общую *школьную* сумму, въ вѣденіи атамана. Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они воспитывались на военную ногу, какъ видимъ изъ ежегоднаго раздѣла царскаго жалованья, при которомъ они получали вмѣстѣ съ другими казенный свинецъ и порохъ, то могли дѣлаться и настоящимъ товариствомъ, особенно писарями.

Преосвященный *Гавріилъ*, нынѣшній архіепископъ Херсонскій и Таврическій, въ своей запискѣ: *О Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ* (Одесса, 1838), излагаетъ подробно его начало, перемѣны и подробную исторію. Онъ говоритъ, что въ этой обители при настоятелѣ іеромонахѣ Ѳеофанѣ имѣли пребываніе престарѣлые Запорожскіе старшины: бывшій кошевой *Филиппъ Федоровъ*, бывшій войсковый толмачъ *Иванъ Швыдкій* и др. Въ 1755 году тамъ-же жилъ

[1] Этотъ обычай состоитъ въ томъ, что дѣти вмѣсто поздравленія посыпаютъ въ домѣ землю зерновымъ хлѣбомъ, приговаривая: «на счастье, на здоровье, на новый годъ, роди Боже жито, пшеницу и всякую пашницю». Это остатокъ вѣроятно глубокой Славянской древности.

и умеръ войсковый писарь *Дмитрій Романовскій* [1], и похоронены судья *Мойсей Сухій* и много другихъ старшинъ.

[1] Мы не можемъ не сдѣлать одного замѣчанія: куда дѣвались эти церковныя богатства послѣ занятія и уничтоженія Сѣчи, которая взята была подъ предводительствомъ православныхъ начальниковъ, Русскими регулярными войсками? Мы видѣли описаніе бывшей всегда при Потемкинѣ ризницы, взятой въ Сѣчи. Это обломки такіе убогіе, что намъ, послѣ сказаннаго выше, трудно узнать въ нихъ жертвы Богу, столь щедраго къ церквамъ православнаго войска Запорожскаго.

ГЛАВА VI.

СУДОПРОИЗВОДСТВО, СУДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ ЗАПОРОЖСКІЕ [1].

Не смѣлою рукою беремся за предметъ столь занимательный, какъ судопроизводство Запорожскаго войска, хотя имѣемъ предъ глазами большое количество судебныхъ актовъ, составленныхъ или полученныхъ въ Кошѣ его, — но всѣ почти они касаются или дѣлъ уголовныхъ вообще, или пограничныхъ распрей, которыя суть болѣе перепискою политическою, нежели касающеюся до суда и расправы. Въ уголовныхъ находимъ только три отдѣленія: наѣздъ на сосѣдей, гайдамацкія и чисто уголовныя. О двухъ первыхъ мы ска-

[1] Послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія моей книги я пріобрѣлъ болѣе 10 связокъ или *дѣлъ* Запорожскихъ, заключающихъ въ себѣ если не дѣлопроизводство, то по крайней мѣрѣ допросы, слѣдствія и приговоры по дѣламъ ихъ уголовнымъ и даже гражданскимъ. Сіи послѣднія вообще въ маломъ числѣ и вѣроятно или погибли отъ времени или не существовали иначе, какъ на словесномъ разбирательствѣ, переданномъ намъ въ разсказахъ Коржа.

жемъ въ особыхъ главахъ, какъ предметахъ, требующихъ особеннаго вниманія и разсмотрѣнія, — о послѣднемъ упомянемъ здѣсь. Но дѣлъ, чисто гражданскихъ, т. е. касающихся личныхъ правъ, собственности, убытковъ, долговыхъ претензій и т. п. имѣемъ весьма немного примѣровъ и то не древнихъ, хотя и носящихъ на себѣ печать особенной оригинальности. Лучшимъ документомъ доселѣ извѣстнымъ были разсказы Коржа, которые, какъ драгоцѣнный актъ, сообщаются здѣсь вполнѣ, хотя его достовѣрности мы не можемъ поддержать никакими другими современными письменными доказательствами. Довольно вспомнить сказанное нами о составѣ войска, его духѣ, происхожденіи и дѣятельности гражданской, чтобы понять отсутствіе судебныхъ расправъ въ его архивахъ, касательно правъ личности или состояній (status). Никто у Запорожцевъ не требовалъ актовъ о его рожденіи, крещеніи или смерти; никто не приносилъ и не пріобрѣталъ недвижимой собственности. Не было межевыхъ споровъ внутри Коша, ибо зимовниками «сидѣли» на рѣчкахъ и обще владѣли безмѣрными полями и лугами. Дѣла: торговыя, долговыя, о заграбленіи имущества, т. е. стадъ или прибытка рыболовнаго и звѣроловнаго или торговаго, существовали, но они разбирались и рѣшались вѣроятно просто и словесно, какъ мы увидимъ ниже изъ собранныхъ нами и здѣсь предлагаемыхъ примѣровъ.

Первый и самый замѣчательный актъ, найденный нами въ этомъ родѣ, есть такъ называемый «походный журналъ», веденный походною канцеляріею, во время объѣзда кошеваго и старшины Кодацкой и Самарской паланокъ, гдѣ было *все добро войсковое*, т. е. важнѣйшіе зимовники, лѣса и перевозы на Днѣпрѣ и Самарѣ. Въ этомъ журналѣ записаны всѣ дѣла походнымъ кошемъ произведенныя, рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, споровъ, раздача *байраковъ*, хуторовъ, уравненіе повинностей и освобожденіе отъ оныхъ, хозяйственныя и пограничныя паланокъ распоряженія и т. п. Любопытнѣе всего самое начало журнала или исторія путешествія: «Пана кошеваго и старшинъ въ Кодакъ» въ 1772 году. Долгомъ считаемъ помѣстить его во всей цѣлости, какъ образчикъ домашняго быта Запорожской старшины.

«Его Вельможность Атаманъ Кошевый *Петръ Ивановичь Калнишевскій*, Панъ Судья Войсковый *Николай Тимофѣевичь*, Панъ Писарь войсковый *Иванъ Яковлевичь Глоба*, бывшій Войсковый Судья *Андрей Артемовичь Носакъ* и Начальникъ Отецъ *Владиміръ Сокальскій* съ дьякономъ и войсковая Канцелярія походная, Февраля 23 числа 1772 года, въ Четвертокъ, до всходу солнца (изъ Сѣчи) выѣхали. И ѣхали чрезъ весь день и ночи до полчаса на зимовникъ бывшаго старшины Войсковаго Асаула *Василія Андреевича Пишмича*. Но по темности ночи, не доѣзжая сего Пишмичева зимовника, подъ сѣномъ стали, и заночевавъ чрезъ всю ночь,

онымъ сѣномъ лошадей кормили. 24 числа Февраля взяли дальшій путь; въ какомъ пути поспѣли уже въ обѣдное время въ зимовникъ Пишмичевъ [1]. Коимъ встрѣчею будучи принятые весьма хорошо, Пановъ и при Панахъ бывшихъ принимано, какъ то: обѣдъ достаточный становилъ и горилкою не скудно подчивалъ. За се ему отблагодаривши поѣхали и ѣхали до Кодаку чрезъ весь день поспѣшно, куда въ Кодакъ уже при захожденіи солнца наспѣли. Но прежде въѣзда встрѣчены были въ «*Попасныхъ буеракахъ*» козаками Ново-Кодацкими, въ достаточномъ числѣ, хорошо одѣтыми съ прапоремъ. А какъ стали подуспѣвать и къ Кодацкому городу, тогда во первыхъ два изъ пушекъ сигнала дано, а потомъ разъ по разъ, изъ всѣхъ имѣющихся около городу раскатовъ стрѣльбу пушечную произведено. И были приготовленные въ священническое одѣяніе всѣ Священники со Діаконы, при башнѣ, что отъ Войсковаго Дворца, для встрѣчи со Крестомъ; но что не въ сію, а въ другую поѣхали башню, для того Священники уже разобравшись (раздѣвшись) съ священнаго одѣянія, съ поклономъ на квартиру въ Войсковый дворецъ къ Пану Кошевому приходили и хорошо принятые будучи, отойшли. Гдѣ въ войсковомъ дворцѣ Панъ Кошевой съ Паномъ Пысаремъ, Панъ Судья же съ Андреемъ Артемовичемъ у *Кондрата Сѣверскаго*, а Отецъ Начальникъ съ Дьякономъ у Священника *Василія Алексѣева* квартирами стали. И ходили 25 числа въ Субботу въ церковь на утреню и на

[1] Замѣчательно, что на р. Комышеватой, гдѣ былъ этотъ зимовникъ, есть до сихъ поръ селеніе, именуемое *Письмичевка*.

службу. Прежде службы былъ акафистъ, а по акафистѣ пѣто умиленную пѣснь: «О всепѣтая Маты!» и другія. А когда акафистъ совсѣмъ совершился, начата отцемъ Федоромъ Фомичемъ (Кодацкимъ Настоятелемъ) и служба Божія А по службѣ Панъ Кошевой всѣхъ пановъ и священниковъ, въ томъ числѣ чрезъ ночь зъ Самары въ Кодакъ поспѣвшаго и Намѣстника (протоіерея, старшаго въ Духовномъ Правленіи) *Григорія Порохню* звалъ и по нѣскольку чарокъ горѣлки трактовалъ. И ходили всѣ по просьбѣ къ *Полтавцу* кушать, коимъ весьма хорошо, какъ сказываютъ, будучи принятые, воротились по квартирамъ. А на своей Панъ Кошевой опочивши ходилъ до вечерни; а по вечерни никуда нейдя, у себя вечерялъ и спать легъ и спалъ до утренняго звона, а въ то время въ церковь на утренюю ходилъ, также и на службу, которая соборомъ отправуема была отцемъ Начальникомъ. А по службѣ всѣ вообще званы кушать къ Пану Судьѣ. Пообѣдавшижъ, въ домъ идучи, заходили въ квартиру Іерея *Феодора*, гдѣ побывъ малое время, разойшлись по квартирамъ. И Панъ Кошевой въ своей до вечерняго звона былъ, а тогда въ церковь на вечерню. По вечернижъ къ Іерею Василію вечерять и въ гости до Іерея *Артема* ходилъ, у коего и пѣвчими былъ позабавленъ; а оттуда нейдя уже никуда, разойшлись по домамъ. И отъ 27 Февраля за пощеніе принялись. Въ субботу сообщались (пріобщались Св. Тайнамъ) всѣ Паны. Отъ субботы до вовторника въ Кодакѣ живя, всякіе порядки обществу тамошнему полезные учреждали. И по учрежденіи у вовторникъ 6 числа Марта о полдень взялись въ обратный маршъ: Панъ Кошевой,

Панъ Судья и Отецъ Начальникъ, кои коль скоро съ квартиры выѣхали, заразъ разъ по разъ выстрѣлено изъ 3 пушекъ, и Козаки съ прапоромъ до *Попасныхъ* (буераковъ) провожали, а отъ Попасныхъ повернулись. Мы же противу 7 числа Марта невдаль *Стефана Васильевича* зимовника, что въ Сурѣ, а противъ 8 числа марта въ Каммяноватой, ночевали. Авось либо и въ Сѣчь поспѣемъ».

Вотъ второй, гораздо короче, *походный протоколъ 1774 года*:

«Его Вельможность Атаманъ Кошевый П. И. Калнишевскій, господа войсковый Старшина Андрей Носакъ, писарь войсковый И. Я. Глоба, Владиміръ Архимандритъ Сѣчевыхъ церквей Начальникъ, Іеродіаконы Меркурій и Палладій, также канцелярія войсковая походная и церковные Сѣчевой церкви служители, выѣхали зъ Сѣчи въ четвертокъ 27 дня Ноября, и ночевали у Пишмичева зимовника. А оттоль рано двигнувшись въ Кодакъ Новый 28 дня Ноября въ Пятокъ, при захожденіи солнца и стали квартирами Панъ Кошевый и Панъ Писарь войсковый въ войсковомъ Дворцѣ, а Андрей Артемовичъ Носакъ у Священника Кондрата Сѣверскаго, отецъ же Архимандритъ у вдовы попадьи *Василихи*, а канцелярія у обывателя Ново-Кодацкаго *Телюка*. При въѣздѣ жъ въ Кодакъ оттоль встрѣчены козачею командою въ Попасныхъ, а духовенствомъ въ предградіи и выстрѣлено 15 разъ съ пушекъ». По окончаніи списка дѣлъ, въ этой паланкѣ производившихся, протоколъ такъ заключается: «12 Декабря рано зъ Кодаку поѣхали, и опровожденные до Попас-

ныхъ командою козачею подъ управленіемъ полковника *Святого* зъ старшиною, при чемъ стрѣляно изъ батарейныхъ пушекъ. Ночевали слѣдовавшую тогда ночь въ зимовникѣ Пишмичевомъ, а о полночь выѣхали и поспѣли въ Сѣчь предъ вечернею 13 Декабря».

Дѣлались ли такіе объѣзды и съ такими церемоніями прежде 1770 годовъ, мы сказать не можемъ, не имѣя ни одного на то письменнаго акта, но вѣроятно было что нибудь похожее, иначе Кошъ не могъ-бы сдѣлать столь многихъ нововведеній, не возбудивъ общаго въ войскѣ ропота. Что же это были за дѣла и «порядки, полезные для общества», упомянутые въ протоколѣ, сей часъ увидимъ. Большею частію это были хозяйственныя распоряженія и единственныя дѣла гражданскаго суда и расправы, нами въ архивѣ найденныя; объ нихъ-то скажемъ здѣсь нѣсколько словъ, упомянувъ прежде объ одномъ случаѣ немного древнѣе, для полноты этого предмета.

I. Судопроизводство гражданское.

1). *Дѣло по неправильной денежной претензіи.* Оно началось въ 1745 году. Бывшій войсковый писарь, а послѣ Малороссійскій помѣщикъ и войсковый товарищъ[1] *Алексѣй Петруша*, будучи

[1] Что значили войсковые, бунчуковые и значковые товарищи, объяснилъ *Бантышъ-Каменскій* въ своей прекрасной исторіи Малороссіи, т, III. стр. 204, 205, 208.

еще полковымъ старшиною и писаремъ Калміуской паланки, въ наказаніе за какой-то проступокъ забралъ у козака Минскаго куреня *Стефана Чорнаго*, сидѣвшаго зимовникомъ на р. Еланчику, скотъ и другое его имущество. Козакъ прибылъ въ паланку съ жалобою, но писаря уже не засталъ за отбытіемъ его на раду въ Кошъ, а потому, по обычаю, онъ взаимно въ его жилищѣ взялъ тоже скотъ, 1 р. 50 к. денегъ, бурку и другія вещи. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда Петруша оставилъ войско и поселился въ Малороссіи, разныя бѣдствія его разорили, и онъ оскудѣвъ въ своемъ состояніи, вздумалъ чрезъ гетманское правленіе требовать удовлетворенія съ козака Чорнаго, который тогда уже женился, и, какъ посполитый, жилъ въ Самарской паланкѣ, въ с. Чернечомъ. Призванный въ Кошъ, Чорный объяснилъ дѣло, признанъ *невиннымъ* и отпущенъ, но по приказанію кошеваго Григорія Федорова, по уваженію, что Петруша «въ крайнемъ недостаткѣ и скудости» находится, по «добровольной и плачевной его просьбѣ», далъ ему 40 руб. и въ томъ взялъ отъ него собственноручную росписку Іюля 2-го, 1756 года. Въ ней сказано: «По принесенной отъ Степана Чорнаго повинной, отъ господина Кошеваго приказано, со всей моей претензіи 146 р. и 80 к., уплотить мнѣ (Петрушѣ) только 40 руб. ровно. И что вышеписанное число 40 р. деньги я отъ него принялъ и на него Чор-

наго нигдѣ ни въ какомъ судѣ и правѣ не челобитчикъ, въ паланкѣ Самарской при полковнику *Петру Шабельнику* зъ старшиною, сію росписку мою далъ и на оной подписался». Казалось, дѣло было кончено. Но упрямый Украинецъ не удовольствовался 40 р., и чрезъ Малороссійскую войсковую канцелярію опять требовалъ не только остальныхъ денегъ, но и наказанія Стефану Чорному. Кошъ вторично вытребовалъ истца подъ карауломъ въ Сѣчь и содержалъ его въ тюрьмѣ или на порукахъ въ селѣ Чернечомъ лѣтъ нѣсколько; наконецъ видя явную со стороны Петруши ябеду, сдѣлалъ слѣдующій приговоръ:

«1764 года Іюля 22, по жалобѣ войсковаго товарища Алексѣя Петруши, козакъ и житель Самарскій Степанъ Чорный зысканъ былъ чрезъ ордеръ за конвоемъ въ Кошъ и кромѣ сего тоже его зыскивано подъ карауломъ разовъ нѣсколько, который предъ судомъ войсковымъ былъ, и по объявленію бывшаго Атамана Кошеваго Григорія Федорова, что они прежде между собою совсѣмъ погодились (помирились, *pogodzilisię*), съ тѣмъ, чтобы уже къ Чорному, по принятіи Петрушею 40 р. ничего не искать росписался, но что онъ Петруша, тѣмъ не удовольствуясь, и не устоявъ на словѣ и данной роспискѣ, его Чорнаго турбуетъ (turbare, безпокоить) напрасно и Кошъ утруждаетъ по пустому, безъ и малѣйшей причины. Для того, дабы впредь, если искать Петруша будетъ, за нимъ Чорнымъ не посылалось и отказывано Петрушѣ вовсе было, — сіе для пріобщенія на всегдашнее время до

дѣла ихъ записано и подписано: году, мѣсяца и числа вышеписанныхъ». Слѣдуетъ подпись войсковаго писаря: «Съ повелѣнія Господина Кошеваго Атамана «Филиппа Федорова и вышереченнаго бывшаго Кошеваго Атамана Григорія Федорова войсковый писарь «*Иванъ Глоба*».

2). *Рѣшеніе долговаго дѣла*. «Приказъ Коша, Самарскому полковнику *Карпу Гуртовому* съ старшиною»: «Козака и жителя Самарскаго *Грицька Бѣлого* заведенное (о неуплатѣ) дѣло съ жителями Самарскими *Харькомъ Порожнимъ* и *Иваномъ Сычкомъ*, нами разсматривано. И по разсмотрѣніи явились: оные Харько Порожній и Иванъ Сычокъ должными заплатить ему Бѣлому денегъ 46 руб. 67 коп. Якіе деньги Харько Порожній заразъ 23 р. 33 коп. съ денежкою заплатить долженъ, а Сычокъ за поворотомъ съ Крыма въ домъ свой таковуюжъ часть, безъ всякаго отлагательства заплатить ему Бѣлому имѣетъ. О чемъ къ Вамъ ко исполненію предлагаемъ». 1772 года Декабря 7.

3). *О сдѣланіи слѣдствія*. «Ордеръ Коша войсковому Асаулу *Федору Завезіону*». «По жалобѣ козака и жителя вѣдомства Протовчанской паланки с. Байбаковки *Якова Глухого*, на бывшаго атамана тамошняго *Прокопа Самарскаго*, имѣете вы зъ полученіемъ сего съѣхать въ означенную слободу Байбаковку заразъ, и въ жалобѣ его Глухого съ отвѣтною стороною сдѣлать по самой справедливости, *зрѣлымъ окомъ*, разборъ.

И кто явится виновнымъ, тому безъ всего приказать обидимую сторону удовлетворить такъ, чтобы больше о семъ жалобы не заходило къ намъ». 1772 года, Декабря 8.

4). *О давности владѣнія* (praescriptio) Ордеръ войсковому старшинѣ *Андрею Парохнѣ*: «Изъ Самары вдова *Ганка Силиха* жалутеся, что ея мужъ имѣвши надобность въ огородѣ, ради онаго занялъ мѣсто въ Панчовомъ, гдѣ прикохалъ (т. е. взлелѣялъ[1]) черное и родючее (фруктовое) дерево, владѣя тѣмъ чрезъ 13 лѣтъ свободно. Теперь же отъ того вы ее отдаляете, и егда дойдетъ до того, что отдалите, то весьма обидимою будетъ, поелику остается вдовою и безпомощною. Какъ же съ сего представленія является, что ея мужъ съ нею, *тѣмъ чрезъ 13 лѣтъ владѣлъ, обзаведши своимъ трудомъ*; то и рекомендуемъ вамъ, дабы вы жалующейся Силихѣ во владѣніи ею тѣмъ (огородомъ) препятствіи не дѣлали и возвратили безъ всего. Еслижъ въ такомъ мѣстѣ надобность имѣете, такъ можете избрать тамъ, гдѣ должно и согласно порядку». 1774 года Декабря 10.

5). *О договорахъ*. Приказъ Войсковому Старшинѣ *Лукьяну Великому* (сокращено): «Вдова попадья Ново-Кодацкая Акулина жалуется въ Кошъ,

[1] *Kochać*, любить, здѣсь говорится о *земскомъ владѣніи*; но это не козакомъ, а женщиною, принадлежащею не къ войску, а подданству Запорожья.

что она должные вамъ 500 рублей сполна отдала, въ чемъ и росписку на бумагѣ получила отъ васъ. Не смотря на то, вы требуете еще какихъ-то процентовъ и за то взяли ея скотъ и лошади. Она представивъ вашу росписку обьясняетъ: что вы идучи въ походъ дали ей 2,000 руб. съ тѣмъ, чтобъ людямъ въ займы давать, а о процентахъ уговора не было. Она отдавала въ заемъ изъ вашихъ денегъ 500 руб. и получила только 200 а 300 пропало, почему она своими эту потерю вашу пополнила и проситъ, чтобы Кошъ приказалъ ея скотину возвратить, иначе она разорена будетъ. Мы разсмотрѣвъ жалобу ея и росписку вашу въ подлинникѣ, въ которой написано: «1774 года Апрѣля 27-го я нижеподписавшійся «далъ сію росписку жительцѣ Новокодацкой Аку-«линѣ отца Василія покойнаго попадьѣ, въ томъ, «что она мнѣ виновата была 500 руб. Тоже она «мнѣ уже всѣ сполна отдала вышеписанная Аку-«лина. Въ чемъ и подписуюсь собственноручно «крестомъ. Козакъ куреня Дядьковаго *Лукьянъ* «*Великій*», — находимъ: что оная попадья не состоитъ вамъ должною, а потому скотъ и кони удерживаете не надлежаще, — то и повелѣваемъ вамъ, чтобы вы не принося во извиненіе никакихъ отговорокъ, съ полученія сего заразъ вами удерживаемое ей попадьѣ Акулинѣ возвратили» 1774 года Декабря 8-го.

6). *О неровномъ раздѣлѣ взысканія*: «Приказъ

Волосской слободы [1] начальнику»: «Волошинъ *Афанасъ* жаловался, что у сего бывшій въ Кодакѣ Полковникъ *Поповичъ* взялъ денегъ 16 руб. за то, что послѣдовало въ байракѣ рощѣ шкода отъ козъ. А козы были не одного его, но еще и другихъ Волоховъ *Ивана*, *Дмитра*, *Евстафія* да *Василія* и просилъ, чтобы и сіи Волохи были помощниками въ возвратѣ ему жалобливому Афанасу, въ то число денегъ, сколько изъ нихъ на всякаго и Афанаса достанется по раскладкѣ; — и такъ приказываемъ: чтобы съ жалобливаго и обжалованные претендуемые деньги 16 руб. до равномѣрной части распредѣливши взыскать и отдать жалобливому за роспискою, — егда есть только такъ, какъ представляетъ». 1774 Декабря 3.

Теперь сдѣлаемъ изъ представленныхъ примѣровъ нѣсколько выводовъ. 1. Мы видимъ ясно, какъ изъ 6-ти упомянутыхъ дѣлъ, такъ и изъ сотни другихъ, что судъ Коша былъ окончательный и безъ апелляціи. Почти всегда за приговоромъ слѣдовали донесенія паланки или асаула войсковаго, что приказъ Коша исполненъ. 2. Войсковый асаулъ былъ такъ сказать министръ юсти-

[1] *Волосская слобода* составлена была изъ поселенныхъ на Запорожской землѣ Волоховъ и Молдаванъ, взятыхъ было въ плѣнъ Татарами и отбитыхъ въ 1733 году начальникомъ Запорожской флотиліи *Даниломъ Третьякомъ*. Она существуетъ доселѣ подъ именемъ *Волосскихъ хуторовъ* у «*Рябой Могилы*» въ 21 верстѣ отъ Екатеринослава.

ціи и полиціи въ войскѣ; безпрестанно находимъ данныя ему порученія: или сдѣлать разсмотрѣніе на мѣстѣ жалобы, или исполнить приговоры рады, или преслѣдовать вооруженною рукою воровъ, гайдамакъ и грабителей. И тогда въ помощь давался ему войсковый довбышъ, очень похожій своимъ званіемъ на бывшаго въ западной Европѣ *Prevôt*, пристава при экзекуціяхъ, а иногда два три старшины изъ куренныхъ атамановъ. 3. Но является естественный вопросъ: на чемъ основывалось сужденіе и рѣшеніе въ Кошѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что только на обычаѣ и простомъ здравомъ смыслѣ. Нигдѣ не упоминается о законахъ: Польскихъ или Русскихъ. Кошъ говоритъ просто: «мы разсмотрѣли и рѣшили». Этотъ «обычай» было дѣло столь положительное и освященное временемъ, что даже въ актахъ Русское Правительство ссылалось на оный. Такъ Румянцевъ въ воззваніи къ войску по случаю гайдамацкихъ набѣговъ въ 1768 году и сама даже Императрица въ указѣ своемъ отъ 12 Іюля 1768 года, повелѣвала поступать «по всей строгости Запорожскихъ обрядовъ». 4. Письменныя доказательства въ дѣлахъ очень уважались Кошемъ, какъ это видимъ изъ примѣровъ въ 1-й и 5-й статьяхъ. 5. Извѣстна была давность владѣнія (praescriptio) и право перваго обладанія, (jus primi occupantis). 6. Справедливостъ рѣшенія удивительная. Мы нарочно приводили дѣла низшаго сословія Козаковъ съ

верховною старшиною, и Кошъ всегда рѣшалъ въ пользу первыхъ. 7. Наконецъ, хотя мы видимъ, что въ канцелярскомъ языкѣ употребляется языкъ Русскій и судебный, но элементъ закона и суда остается свой, патріархальный. Мы нашли одинъ только слѣдъ Польскаго вліянія на ихъ судопроизводство, это слова: «жалобливый» (żałobliwy) и «обжалованный» (obżałowany), вмѣсто истецъ и отвѣтчикъ, но это употреблялось во всей Малороссіи, послѣ введенія тамъ въ XV столѣтіи Литовскаго статута. Какую же роль игралъ здѣсь первый сановникъ въ Запорожьи послѣ кошеваго, войсковый судья? по всему видно, что онъ разбиралъ дѣло, объяснялъ оное и *совѣтовалъ*; рѣшалъ дѣла кошевой, а исполнялъ асаулъ. Все это мы сказали о дѣлахъ гражданскихъ. Теперь перейдемъ къ уголовнымъ, слѣдуя томуже порядку.

II. Судопроизводство уголовное.

Вотъ примѣры суда по уголовнымъ дѣламъ:

1). *Объ обидѣ. Приказъ Самарскому Полковнику*: «Самарчицкая жителька *Анна Перехристка*, какъ намъ представляете, козакомъ куреня Каневскаго Федоромъ Маляромъ опорочена не по пристойности; «а какъ сей порокъ не толь къ ней «Перехристкѣ, но къ обезславленію и всего войска «Запорожскаго простирается», а вы его сослали до повороту нашего съ Кодаку, для того вамъ господинъ Полковникъ съ старшиною повелѣваемъ

онаго Маляра сыскать, а дабы и другіе таковыхъ непристойныхъ худостей дѣлать не отваживались, въ страхъ прочимъ, публично на базарѣ кіями наказать и намъ репортовать по исполненіи». 1772 года Декабря 7.

2). *Объ увѣщаніи преступниковъ.* (Отрывокъ изъ судебнаго показанія и допроса, сдѣланнаго Стефану Чорному). «Онъ Стефанъ Чорный совокупился въ 1745 году съ ватагомъ гайдамацкимъ Левушковскимъ куреннымъ уже умершимъ *Охтирою* и съ нимъ бывшими 13 чел. товарищами, съ ними не малое время прожилъ, довольствуясь только угономъ скота отъ Татарскихъ чабановъ; какъ присланные отъ Коша въ упомянутому ватагу съ товарищи его, (по многимъ ихъ въ великихъ и заграничныхъ степахъ партіями войсковыми поискахъ и непоимкахъ),—нарочные: «чтобъ «по степу перестали шататься и Татарамъ чинить «обидъ, но ишлибъ на покаяніе добровольное въ «Сѣчь безъ сумнѣнія (безъ опасенія) и въ томъ, «что шататься и воровать небудутъ, въ Сѣчевой «церкви выконали бы присягу, почему и будутъ «отъ Коша всѣ прощены». То онъ съ ватагомъ и прочими товарищи заразъ поѣхали въ Сѣчь, и за пріѣздомъ по довольному тогда бывшаго атамана кошеваго *Василія Григорьева Сича* и всѣхъ атамановъ и старшинъ *словесному изтязанію:* въ церкви, въ недѣланіи уже напредки (впредь) никакихъ самовольствъ, присягли... отъ всѣхъ въ

Кошѣ правящихъ и обществомъ войсковымъ за всѣ ихъ преступленія, за самовольное покаяніе, прощены . . . онъ же Чорный началъ жить въ Самарѣ (т. е. м. Новоселицѣ) въ р. Кильчени зимовникомъ честно, а какъ оженился, то въ Чернечомъ селѣ» и проч. (1756 Іюня 2).

3). *О дерзости противъ пограничнаго Начальства.* Въ 1763 году вытребованы были и отправлены въ кр. св. Елисаветы три Запорожскіе старшины, для опредѣленія границъ и рѣшенія могущихъ встрѣтиться межевыхъ споровъ. Одинъ изъ нихъ полковый старшина и писарь *Андрей Семеновъ*, а по прозванію *Товстикъ*, замѣтивъ многія злоупотребленія при межеваніи, противныя смыслу Высочайшихъ повелѣній Императрицы, протестовалъ безъ спросу своихъ старшихъ товарищей и въ присутствіи генералъ-поручика Мельгунова, сказалъ: «развѣ здѣсь такое мѣсто, что всѣхъ насильно грабятъ». Обиженный генералъ, не желая быть самъ судьею виновнаго, отослалъ его въ Кошъ. Старшина войсковая, чтобы доказать непричастность свою къ такимъ неприличнымъ поступкамъ, приговорила Товстика: «при собраніи всего Коша «жестоко быть избранену, и по *обычаю*, держиму «на базарѣ публично на пушкѣ цѣлую недѣлю».

4). *О наказаніяхъ:* а) *лишеніемъ членовъ.* Шатавшійся по Запорожью *наймитъ* (т. е. поденщикъ, работникъ) *Грицько Капустенко*, 25 лѣтъ отъ роду, находясь на рыбныхъ ловляхъ въ Калміусской

паланкѣ, служилъ при заводѣ Запорожскаго козака Корсунскаго куреня *Демка Кумпана.* 24 числа Марта вечеромъ напился пьянъ и поссорившись за трубку табаку съ Запорожцемъ *Никитою Тараномъ*, ударилъ его ножемъ; «увидя же, что его крѣпко ранилъ, испугался, сталъ бѣжать, но за ночною темнотою не могъ никуда убѣжать. Прибѣжавши въ рыбный заводъ, отъ страху скрылся было въ чуланѣ; но на (гвалтъ) крикъ Тарана, сбѣжались другіе козаки, и узнавъ о происшествіи, начали поискъ чинить, а сыскавши въ чуланѣ его обыскали и нашли въ платьѣ ножъ весь окровавленный; взяли его и держали всю ночь подъ карауломъ, а между тѣмъ дали знать его хозяину Кумпану, который его представилъ немедленно въ Калміускую паланку» и пр. *Приговоръ:* «1767 года Августа 8 наказанъ на сходкѣ уломленіемъ одной ноги». b) *Кіями.* «Козакъ Платниревскаго куреня *Иванъ Пастрида* служилъ по зимовникамъ и на рыбной ловлѣ въ Гарду честно по 25 Апрѣля 1767 года; ѣхавши-жь въ Новороссійскія слободы, остановился въ зимовнику на р. Чорномъ-Ташлыку, у Запорожскаго козака же ночевати. Тутъ съ другимъ напившись пьянъ, потерялъ всю память и служителя того зимовника, подошедшаго къ его возу, кулаками и дугою такъ сильно билъ, что тотъ на третій день умеръ». *Приговоръ*: «1767 г. «Августа 8 на сходкѣ наказанъ жестоко кіями «и пущенъ на покаяніе».

5). *Уменьшеніе наказанія.* Одинъ житель Запорожскаго селенія Лебедивки (Протовчанской паланки), будучи обвиненъ какою-то женщиною въ грѣхѣ, который больше всего наказывался въ Запорожьи, подвергся тяжкому взысканію; изъ мщенія не только ее убилъ, но даже тирански ножемъ изрѣзалъ и въ томъ преступленіи въ паланкѣ сознался. Взятый подъ арестъ и отправленный въ Сѣчь преданъ былъ суду. Вотъ приговоръ Коша, сообщенный войсковому старшинѣ Порохнѣ, командовавшему въ за-Днѣпровскихъ паланкахъ: «Присланный при вашемъ рапортѣ въ Кошъ, вѣдомства Протовчанскаго с. Лебедивки житель *Василь Баркутъ*, хотя за его въ убійствѣ чужой женщины винность, подлежалъ смертной казни . . . но что онъ имѣетъ у себя малолѣтнихъ дѣтей и жену, и чтобы оные не оставались безъ воскормленія, по разсужденіи Коша, вмѣсто таковой ему за то слѣдовавшей смертной казни, жестоко здѣсь наказанъ кіями и отпущенъ на прежнее жительство на покаяніе» и проч. 1767 года, Августа 8. Замѣчательнѣе всего то, что когда еще приговоръ былъ не произнесенъ, Кошъ приказалъ войсковому асаулу поѣхать въ с. Лебедивку и взявъ скотъ убійцы, раздѣлить его, по обычаю, на три части: одну на Кошъ, одну на старшину войсковаго Порохню, какъ главнаго мѣстнаго начальника, третью-же часть скота и все движимое имущество виновнаго, слѣдовавшія главной стар-

шинѣ въ Сѣчи, отданы женѣ его на прокормленіе себя и дѣтей.

6). *Наказаніе подъ висѣлицею* и *порука*. Запорожскій козакъ куреня Полтавскаго *Максимъ Шульга* нѣсколько лѣтъ сряду гайдамачилъ, особенно же занимался воровствомъ лошадей въ Польшѣ и Буджакѣ; но въ одномъ шинку на р. Солонцѣ, гдѣ онъ скрывался, войсковымъ асауломъ взятъ и привезенъ въ Сѣчь. Вотъ его приговоръ: «По довольномъ *кіевомъ* наказаніи подъ висѣлицею, войскомъ и священниками испрошенъ и отпущенъ на поруки» 1759 г. Генваря 3. Тутъ-же и порука роднаго его брата и другихъ товарищей слѣдующаго содержанія: «что его Шульгу взяли на поруки и впредь воровать не будетъ, мы въ томъ обязуемся и повинны (должны) отвезти въ монастырь по его обѣщанію. Ежели жъ онъ Шульга впредь воровать станетъ и на него претензія зайдетъ, мы обидимыхъ довольствовать и его сыскивать къ поставкѣ въ Кошъ, имѣемъ».

7). *Наказаніе за Содомскій грѣхъ*. Приговоръ надъ козакомъ осквернившимся этимъ преступленіемъ, (который впрочемъ немедленно раскаялся и самъ въономъ обвинилъ себя), былъ слѣдующій: «На сходкѣ у стовба посаженъ и смертно кіями «посѣченъ». Іюля 16, 1758 года.

8). *Позорный столбъ*. Этотъ столбъ стоялъ у самой колокольни при Сѣчевой Покровской церкви,

и наказаніе онаго, въ присутствіи всего войска, было величайшимъ посрамленіемъ для козака. Вотъ примѣры этого наказанія: Въ 1758 г. 11 Іюня «Козакъ Герасимъ *Рябый*, за побои въ пьянствѣ причиненные, наказанъ у стовба кіями и тамо умеръ». Козакъ Пашковскаго куреня Федоръ *Литвинъ* «за отнятіе у другаго козака лошади у *столба въ Сѣчи былъ привязанъ*». Тоже наказаніе опредѣлено было дезертирамъ, которые во время войны самовольно отъ своихъ прапоровъ уходили въ степь, подъ предлогомъ полевыхъ работъ. Въ 1770 году кошевой писалъ войсковому судьѣ: «дезертировъ, ушедшихъ изъ экспедиціи отряда «подъ Очаковомъ и Хаджибеемъ, наказавъ на «базарѣ кіями, держать *у столба* до возвращенія «моего въ Сѣчь».

9). *Смертная казнь.* Уже въ главѣ о составѣ и управленіи войска, мы сказали, что кошевой былъ главный судья и верховный начальникъ войска, такъ что приговоры его, даже смертные, исполнялись въ Кошѣ безъ аппеляцій до гетмана Малороссійскаго, или до Высочайшей власти. Указъ 1749 года Марта 13, хотя строго воспрещалъ такіе приговоры, но онѣ до конца быта войска существовали. Мы нашли цѣлый списокъ, оффиціально представленный кошевымъ *Павломъ Козелецкимъ* въ пограничную коммисію, учрежденную въ Бахмутѣ для рѣшенія споровъ Донскаго и Запорожскаго войскъ (17 Ноября 1747 года), въ которомъ

показано: что 1) козакъ *Иванъ Покотило* въ 1744 г. при Сѣчи повѣшенъ; 2) козакъ *Сухій* за воровство кіями до смерти въ Самарѣ 1746 г. убитъ; 3) *Павло Щербина* въ томъ же году въ Самарской паланкѣ повѣшенъ и три другіе въ Сѣчи повѣшены. Въ 1770 годахъ, присутствіе арміи въ Запорожьи и строгое наблюденіе главнокомандующаго за войскомъ было причиною, что важные преступники отсылались *на Сибирь*, т. е. въ каторжную или крѣпостную работу, чрезъ пограничное Русское начальство. Что не смотря на то, смертная казнь до конца быта Запорожскаго войска продолжалась, мы дали примѣръ выше сего, подъ 1770 годомъ (стр. 88 пр).

10). *Любопытный приговоръ о порукахъ.* Въ числѣ уголовныхъ приговоровъ, нашли мы еще слѣдующій, весьма оригинальный документъ, который мы сочли достойнымъ помѣщенія вполнѣ: «1755 года Октября 29, отъ насъ нижеподписанныхъ атамана Кисляковскаго *Самойла Щербины* съ товарищи, дана сія въ Кошъ войска Запорожскаго Низоваго атаману кошевому Григорію Федорову росписка въ томъ, что приняли мы козака куреня нашего Кисляковскаго *Кирилла Письменнаго*, содержавшагося въ пушкарнѣ войсковой подъ карауломъ, за его по причинѣ гайдамачества винность, въ свое содержаніе на поруки, и что онъ до востребованія представленъ отъ насъ будетъ, а паче, что онъ впредь воро-

вать не пойдетъ и нигдѣ съ ворами сообщенія никакова имѣть не будетъ, въ томъ обовязуемся. Еслижь бы паче чаянія и отъ нашего надъ нимъ небреженія, въ какомъ подозрительствѣ явиться могъ бы, тогда мы нижеподписанные подлежатимемъ войсковому штрафу и за него *Письменнаго* отвѣту. Хотяй же бы за его винность долженствовало было подъ карауломъ въ пушкарнѣ войсковой съ прочими колодники содержать и по войсковому обычаю, штрафовать, какъ то старшиною войсковою и приговорено было, — однакъ яко онъ козакъ Письменный многимъ козакамъ и посторованнимъ людямъ на не малую сумму денегъ задолжался, то козаки Запорожскіе по обычаю своему, а паче по никоейсь злобѣ, ежели въ оную пушкарню отданъ будетъ, номѣреваются собравшись, его яко вора въ смерть убить. А егда убитъ будетъ, то куреню нашему платить за него денегъ на не малую сумму воспослѣдуетъ напрасно; и по крайнѣйшей таковой причинѣ, дабы ему таковымъ случаемъ смерти послѣдовать не могло, упросили мы его милость пана кошеваго Федорова и старшины войсковой, подъ вышеписаннымъ обовязательствомъ на поруки наши его козака *Письменнаго* отпустить, почему и отпущенно и по обыкности нашей, яко старшинѣ, помянутому г. кошевому Федорову, принявши отъ рукъ вышеписаннаго вора, я атаманъ съ товариствомъ, дали за утружденіе его, одного червонца, и причислили

оного дать не «зъ воровскаго», *но съ куреня*, и въ томъ еслибъ могла какова турбація произойти, мы сами отвѣтствовать должны». Слѣдуетъ подпись.

Вотъ самое небольшое число примѣровъ уголовнаго судопроизводства, взятыхъ на удачу, изъ сотни имѣющихся у насъ документовъ. Одинъ допросъ, для примѣра, т. е. снятое съ виновнаго показаніе или, какъ они называли, *добровольное показаніе*, приведенъ въ приложеніяхъ (ч. III). Теперь сдѣлаемъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній объ этомъ предметѣ.

Сколько судить можно по множеству дѣлъ уголовныхъ, допросовъ и приговоровъ, нами видѣнныхъ, заключать можно что судъ былъ простъ и очень краткій. Преступникъ содержался *въ пушкарнѣ* или тюрьмѣ и приводимъ былъ къ допросамъ, пока сознается въ преступленіи. Пушкарня была родъ погреба, гдѣ прикованный къ пушкѣ преступникъ считался *въ секвестрѣ* и ожидалъ горькой своей участи[1]. Если увѣщаніе не помогало, прибѣгали къ *пристрастному* суду или пыткѣ. Вотъ весьма любопытный примѣръ этого «*пристрастія*» и пользы отъ пытокъ вообще. Въ 1774 г. какой-то молодикъ *Никонъ* хвастался предъ

[1] Мы говоримъ «горькой участи» не безъ причины. Кромѣ почти всегдашняго наказанія за малѣйшія вины, арестанты переносили еще въ «секвестрѣ» т. е. въ сыромъ погребѣ и холодъ и голодъ, такъ что многіе «съ голода померли» какъ помѣчено на ихъ допросахъ.

козакомъ *Борисомъ Шевцемъ*, что онъ получилъ наслѣдство, за которое намѣренъ себѣ и ему лошадей купить, дабы въ кампанію быть готовымъ, ибо, присовокупилъ молодикъ «если въ походъ не пойдемъ, то какъ панывъ вибивать будутъ, чтобъ и намъ смертоубійства не случилось». Видно, подобное 1768 году возмущеніе опять готовилось въ Запорожьи. Козакъ Борисъ Швець напившись пьянъ въ Новомъ-Кодакѣ разсказалъ это въ корчмѣ; старшина взяла козака *въ секвестръ* къ простому, а послѣ и къ пристрастному допросу, и на его приговорѣ нашли мы слѣдующую отмѣтку: «Апрѣля 7 сего Шевця въ первый разъ какъ «допросили батожьемъ, то показалъ, какъ сказано «выше (т. е. повторилъ, что онъ отъ молодика «слыхалъ). Когда свели его на очную ставку съ «молодикомъ и «допросили», то несчастный не «смотря на «батожье» сказалъ «что я то, съ сво«его страху, такое показаніе сдѣлалъ, а въ самомъ «дѣлѣ ничего не было». Въ третій разъ подъ пристрастнымъ допросомъ повторилъ тоже, т. е. что ничего не знаетъ; «отъ которыхъ трехъ «*пристрастныхъ* допросовъ, онъ Швецъ дней чрезъ «4 и умре въ ямѣ» наивно замѣчаетъ приговоръ. Когда преступникъ сознавался въ винѣ, — старшина на сходкѣ произносила приговоръ, который войсковый писарь на самомъ допросѣ надписывалъ; такихъ письменныхъ приговоровъ мы выше сего привели довольное количество. Исполненіе сен-

тенцій производилъ войсковый довбышъ публично на базарѣ у висѣлицы, или у столба, или же партикулярно на сходкѣ, судя по важности преступленія.

Мы не можемъ пропустить безъ вниманія чтобы и здѣсь не указать на то уваженіе, которое Запорожцы питали къ святынѣ, праздникамъ и постамъ; вотъ тому примѣръ. Въ 1762 г. въ Кодацкой паланкѣ содержались два молодика, за убійство будьтобы одного тамошняго жителя. По этому случаю находимъ слѣдующій приказъ Коша, по вопросу полковника Кодацкаго какъ поступить съ арестантами: «А яко въ нынѣшніе постные дни наступившей первой седьмицы, о томъ убійствѣ изслѣдованія чинить не слѣдуетъ, и не можно до окончанія тѣхъ дней; содержащихся же отцы жительствующіе въ Кодакѣ суть люде осѣдлые, для того повелѣваемъ: обвиненныхъ, отцамъ ихъ до имѣющагося быть ихъ дѣлу разбора за роспискою отдать на поруки, съ тѣмъ, чтобы они, по востребованіи, оныхъ гдѣ слѣдовать будетъ представили». 1762 года 21 Февраля.

Мы бы могли войти еще въ большія подробности, но опасаемся слишкомъ утомить вниманіе читателей и полагаемъ, что и сказанное нами выше довольно ясно изображаетъ судебные обычаи Запорожской общины[1]. Въ заключеніе послу-

[1] Два любопытные факта о неповиновеніи Кошу и бунтахъ въ куреняхъ, мы представимъ въ другомъ мѣстѣ.

шаемъ разсказъ очевидца Леонтія Коржа о томъ же предметѣ:

«*Права* и законы Запорожскіе, говоритъ Коржъ, по которымъ они судили и рѣшали тяжебныя дѣла, суть слѣдующіе:

«Когда случалось, примѣрно сказать, что два козака промежь-собою поспорятъ или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству *шкоду* сдѣлаютъ, т. е. своимъ скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно, или другую какую нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою не могутъ примириться: то оба они, купивши на базарѣ по калачу, идутъ *позываться* въ паланку, къ которой принадлежатъ и положивши калачь на *сырно*, становятся возлѣ порога, кланяются низехонько судьямъ и говорятъ: «кланяемся панòве хлѣбомъ и силью». Судьи начинаютъ спрашивать: «яке ваше дило, панòве молодци»? Тогда обиженный говоритъ первый, указывая на своего товарища: «отъ, панòве, якè наше дило. Отъ-цей менè обидывъ, отъ-стилько-то шкоды мыни своимъ скотòмъ зробывъ и не хòче мыни уплатить и поповнить що слѣдуе за спашь сина и за выбой хлиба». Судьи обращаются къ обидчику: «ну братчику! говори, чи правда то, що товарищъ на тèбе кàже»? На что обидчикъ отвѣчаетъ: «то що же панòве, то все правда, що я шкоду сдилавъ моему сосиду и не отрекаюсь, но не могу его удовольствовать за тѣмъ, що винъ лйшне отъ мене требуе и шкоды не мàе стылько». Выслушавъ ихъ, паланка посылаетъ отъ себя козаковъ, для освидѣтельствованія шкоды. По возвращеніи ихъ, если жалоба оказывалась справедлива,

судьи говорили обидчику: ну щожь ты братчику, согласенъ ли заплатить шкоду своему сосѣду или нѣтъ»? Обидчикъ тогда опять кланяется судьямъ и возражаетъ: «да щожь панство, лишне винъ зъ мене требуе, я не согласенъ уплатить, въ воли вашей». Судьи долго обѣ стороны уговариваютъ примириться и если тяжущіеся согласны, то паланка сама дѣло ихъ рѣшаетъ и отпускаетъ по домамъ. Если же обидчикъ упрямится и не примирится въ паланкѣ, то ихъ отсылаютъ въ Сѣчь».

«Когда тяжущіеся пріѣдутъ въ Кошъ, то другъ у друга спрашиваютъ: «а въ чій-же курень по-переду хопидемъ». Обиженный обыкновенно отвѣчаетъ: «ходимъ брате, до нашего куриня».—«Ну добре, ходимъ и до вашего куриня», отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши въ курень, являются оба къ атаману (куренному) и говорятъ ему: «здоровъ батьку»! «Здоровы булы, паны молодци! — отвѣчаетъ атаманъ, сидайте». «Та ни, батьку, николы сидиты, мы дило до тебе маемъ». «Ну говорите, яке ваше дило»? спрашиваетъ атаманъ, и тогда обиженный разсказываетъ все происшествіе и свою обиду и какъ они судились въ паланкѣ. Атаманъ, выслушавши его, спрашиваетъ обидчика: якого онъ куреня? и узнавъ, закричитъ на хлопцивъ (прислужниковъ): «пидите лишь такого-то куреня атамана попросите до мене». Когда тотъ атаманъ явится и усядется, то первый атаманъ его спрашиваетъ: «чи це нашего куреня козакъ»? Второй атаманъ справившись о томъ у козака, получаетъ въ отвѣтъ: «такъ батьку, вашего куреня». Послѣ чего дѣло опять разсказывается и атаманы говорятъ другъ другу: «ну що, брате, будемо робыть съ сими козаками»? а второй атаманъ

обращается къ нимъ:» такъ васъ уже, братчики, и паланка судила»? «Судыла, батьку», отвѣчаютъ они и кланяются. Атаманы уговариваютъ тяжущихся: «помиритесь батеньки, удовольствуйте тутъ же одинъ другаго, да и не мордýйте (утомляйте) начальства». Когда же обидчикъ отвѣчаетъ: «та що-жъ, батьки, колы винъ лишне требуе» — то атаманы, видя его упрямство, говорятъ обоимъ козакамъ: «ну теперь же братчики, сходимъ всѣ четверо до судьи, що ще скáже судья»? «Добре», отвѣчаютъ козаки, — «обождите-жъ батьки, пидемъ мы на базаръ, да купымъ калачи». Такимъ образомъ, всѣ четверо отправляются къ судьѣ. Сперва входятъ атаманы и поклонившись, говорятъ: «здоровы булы, пáне добродію»! Судья отвѣчаетъ: «здоровы и вы панòве атаманы! прошу сидать». Потомъ являются тяжущіеся козаки, кланяются судьѣ, кладутъ калачи на сырно и говорятъ: «кланяемся вамъ добродію хлибòмъ и силью». «Спасибо паны-молодцы за хлибъ и за силь», отвѣчаетъ судья и обращаясь къ атаманамъ, спрашиваетъ: «що се у васъ за козаки? яке дило мають»? Одинъ изъ атамановъ разсказываетъ подробно все дѣло, рѣшеніе паланки и ихъ собственное Тогда судья обращается къ обидчику: «такъ якъ же ты братчику, ришився съ симъ козакомъ, когда уже васъ судыли и паланка и атаманы и я присуждаю обиженнаго подовольствовать, а ты не хочешь того зробыть зъ упрямства, даромъ що со всихъ сторонъ виноватъ». Но случается, что обидчикъ не согласенъ, стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ тоже, что и прежде: «та що-жъ добродію, колы винъ лишне требуе». «Такъ ты не согласенъ, братчику»? «Ни, добродію»! «Ну

теперь же вы панòве атаманы, идите съ ними до кошеваго, тамъ уже будетъ имъ конечный судъ — рѣшенiе; ступайте съ Богомъ, панове атаманы, а вы братци забирайте съ собою и свiй хлибъ съ сырна». «Да ни, добродiю, мы соби купимъ на базари». «Забирайте, забирайте», съ гнѣвомъ повторяетъ судья, — «и не держите атамановъ, бо имъ не одно дило ваше».

«Наконецъ, взявъ свои калачи, козаки съ атаманами идутъ въ курень кошеваго; всѣ кланяются, приговаривая: «здоровы булы, вельможный пàне»! Козаки положивъ калачи, присовокупляютъ: «кланяемся вельможный пане, хлибомъ и силью» — и остановясь у дверей, еще разъ низехонько кланяются; на что кошевой отвѣчаетъ: «здоровы паны атаманы! спасибо молодци за хлибъ, за силь, а що се панове атаманы, у васъ за козаки»? Атаманы опять разсказываютъ подробно все дѣло. Кошевой, помолчавъ немного, обращается къ обидчику и говоритъ ему: «Ну якъ же ты, братчику, думаешь рѣшиться съ симъ козакомъ? васъ рѣшала паланка, васъ рѣшали атаманы, васъ рѣшилъ и судья войсковый и теперь дило дошло и до мене. И я, разслухавшись, признаю, що паланка рѣшила ваше дило добре, которое и я утверждаю и нахожу тебе во всемъ виновнымъ. Такъ що-жъ ты мини скажешь? Согласенъ ты обиженнаго подовольствовать»? «Ни, вельможный пане, требуе лишне». Кошевой повторяетъ громко и съ гнѣвомъ: «такъ ты братчику не согласенъ»? — «Такъ, вельможный пане, не согласенъ, у воли вашей». «Ну, добре» вставъ и выходя изъ куреня, говоритъ кошевой; атаманы и козаки дѣлаютъ тоже и кланяясь, говорятъ ему: «Прощай, вельможный пане»! — Прощайте, паны

молодци, прощайте да и насъ не забывайте», говоритъ кошевой и вышедъ изъ куреня, сзываетъ свою дворню: «сторожа́, кіивъ»! Слуги бѣгутъ и несутъ кіи *оберемками* (связками). Тогда вельможный скажетъ: «ну лягай, братчику! ось мы тебе проучимъ, якъ правду робыты и панывъ шануваты»! «Помилуй, вельможный пане»! возопіетъ тогда козакъ не своимъ голосомъ. «Ни, братыку, нема уже помилованья, колы ты такій упрямый. Козаки! на рукахъ и на ногахъ сидайте, сторожа! быйте его добре кіями, щобъ знавъ *почёмъ кившъ лиха*». Когда *кіи начнутъ между собою разговаривать* по ту и по другую сторону, виновный козакъ все молчитъ, да слушаетъ, *що скажутъ*[1]. И когда виновнаго уже добре употчиваютъ, т. е. 50 или 100 кіивъ дадутъ, тогда кошевой крикнетъ: «годи»! (довольно). Сторожа поднявши кіи свои на плеча, стоятъ якъ солдаты съ ружьями на часахъ, но козаки еще придерживаютъ виновнаго, дожидаясь послѣдняго рѣшенія. Кошевой опять обращается къ виновному: «послухай братчику, якъ тебе паланка рѣшила, и сколько обиженный требуе, заплаты ему безпремѣнно, да сей-часъ заплаты, при моихъ очахъ»! Тогда виновный отвѣчаетъ: «чую вельможный пане, чую и готовъ все исполнить, що прикажешь»! Кошевой продолжаетъ: «а що це́ тебе выбили, то сноси здорово, щобъ ты не дуже мудровавъ и не упрямився. А може тоби еще прибавить кіивъ»? Но виновный съ крикомъ и воплемъ проситъ: «буде зъ мене

[1] Мы нарочно привели здѣсь эти пословицы Коржа, весьма характеристическія и даже живописныя, чтобы доказать тѣмъ, что въ разсказѣ повѣствователя Запорожскаго, мы дѣлали какъ можно меньше измѣненій.

и сего, до вику не буду противиться, буду шановаты панство»! Тогда наконецъ кошевой *угамуется* (умилосердится) и скажетъ козакамъ и сторожамъ: «ну буде, вставайте и козака на волю пускайте, а кіи подальше ховайте».

О казняхъ въ Запорожьи говоритъ онъ слѣдующее:

1) *Шибеница* (съ Польскаго szubienica) т. е висѣлица. Онѣ устроены были въ разныхъ мѣстахъ надъ большими *шляхами* (дорогами), почти во всякой паланкѣ. Преступнику, подвезши его верхомъ подъ висѣлицу, накидывали на шею сильцо (петлю) и ударивъ лошадь, прогоняли ее, а несчастный такимъ образомъ оставался на веревкѣ. Иногда вѣшали вверхъ ногами, иногда за ребро желѣзнымъ крюкомъ и висѣлъ такъ преступникъ, пока и кости его разсыплются, въ примѣръ и страхъ другимъ и никто его оттуда снять не смѣлъ, подъ смертною казнію.

«2) *Острая паля* (колъ). Это былъ высокій деревянный столбъ, вышиною въ 6 аршинъ и болѣе, съ желѣзнымъ острымъ шпилемъ въ 2 аршина. На этотъ шпиль насаживали осужденнаго такъ, чтобы острый конецъ на $^1/_2$ аршина выходилъ спиною; и сидѣлъ на томъ шпилѣ несчастный дотоль, пока не изсохнетъ и не *выкоренится* якъ вялая рыба, такъ что когда вѣтеръ повѣетъ, то онъ вертѣлся кругомъ и *торохтьли* всѣ его косточки». Эта казнь употреблялась очень рѣдко, но сказать правду не по причинѣ ея жестокости, а чтобы не имѣть сходства съ Польскими старостинскими судами, которые всѣхъ пойманныхъ гайдамакъ, а иногда просто бѣдныхъ Запорожцевъ на колъ сажали (na pal wbijali).

«3). Третья казнь *кіи*; они не очень толсты и похожи на бичи у цѣповъ, которыми хлѣбъ молотятъ, дубовые или изъ другаго крѣпкаго дерева. Преступника привязывали или приковывали къ столбу въ Сѣчи или въ паланкѣ на площади; вокругъ столба ставили разные напитки: водку, медъ, пиво и брагу, много калачей и тутъ же цѣлые связки *кіивъ*. Осужденнаго принуждали ѣсть и пить. Наконецъ всякій козакъ бралъ кій и выпивъ *корякъ* горѣлки или меду, долженъ былъ ударить преступника, приговаривая: «отъ тоби «вражій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ; мы «вси за тебе цѣлымъ куренемъ платили»; — и такимъ образомъ осужденнаго били, пока не убивали до смерти».

ГЛАВА VII.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО, ДОХОДЫ И ПОВИННОСТИ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО.

Запорожцы, члены военнаго и не женатаго братства, поселившіеся въ окрестностяхъ огромной рѣки, владѣя безмѣрными и тучными пастьбищами и плодородною землею, могли би вести жизнь въ довольствѣ и даже роскоши, естьлибъ умѣли пользоваться дарами страны имъ доставшейся и знали ихъ употребленіе. Но первые вѣки ихъ быта, занятые безпрестанною войною; но удаленіе отъ образованнаго міра, сосѣдство съ врагами непримиримыми, — наконецъ отсутствіе семейной жизни, — этого свѣтлого благотворного солнца въ моральномъ быту всякаго общества, положили на ихъ существованіе особенную печать дикости и простоты, хотя не чуждое занимательности и внутренняго достоинства, но удивляющее наружною своею грубостью. Этотъ отпечатокъ являлся вездѣ—въ войнѣ, мирѣ, хозяйствѣ, частномъ быту,

сношеніяхъ съ сосѣдями, правительствомъ и подчиненными. О многихъ уже точкахъ этого образа мы, по силамъ, представили имѣвшіеся у насъ факты, теперь предлагаемъ краткое, поверхностное быть можетъ свѣдѣніе, объ общественномъ и частномъ *хозяйствѣ* Запорожья, съ указаніемъ на его доходы, повинности и прочія части финансоваго распоряженія этого послѣдняго Коша. Но не никакихъ свѣдѣній прагматическихъ о состояніи имѣя этого войска за прежнее время, не желая ссылаться на извѣстныя всѣмъ Русскія или иностранныя книги, мы рѣшились довольствоваться тѣми данными, которыя почерпнуть можемъ изъ Сѣчеваго архива, безпристрастнаго судьи тѣхъ, кто его составляли и оставили здѣсь, — вѣроятно не думая, что онъ будетъ единственнымъ наставникомъ нашимъ, а быть можетъ, и многихъ другихъ труженниковъ на поприщѣ исторіи «славнаго Запорожья».

1). *Сельское хозяйство.* Обширныя и плодоносныя земли, принадлежавшія Запорожцамъ на пространствѣ многихъ тысячъ квадратныхъ верстъ, обитаемыя скуднымъ и не предпріимчивымъ народонаселеніемъ, не представляли вовсе картинъ образованнаго, или по крайней мѣрѣ дѣятельнаго земледѣльческаго хозяйства. Недостатокъ промышленнаго духа, свойственный въ то время вообще всѣмъ Славянскимъ народамъ, еще болѣе чувствуемъ былъ въ Запорожьи, гдѣ половина жителей

никогда не оставляла оружія, а другая половина предпочитала охоту, рыболовство или торговлю, труднымъ и постояннымъ работамъ поселянина. Отъ того Запорожскій край, составляющій теперь двѣ огромныя губерніи съ 1.500.000 жителей, представлялъ прекрасную, но глухую пустыню. Но какъ 50, а можетъ быть и 100,000 его обитателей, не могли жить безъ *собственнаго* хозяйства, и слѣдственно собственнаго земледѣлія, то и Запорожье имѣло его, сообразно съ своими понятіями и нуждами.

Земледѣліе, т. е. *хлѣбопашество* существовало съ древнѣйшихъ временъ въ Запорожьи, ибо самая община, происходя отъ Русской крови, была колоніею народа земледѣльческаго. Но всегда слабое хлѣбопашество, оказало не большіе успѣхи до первой половины XVIII столѣтія, когда, отъ разныхъ причинъ, наплывъ народонаселенія, большею частію рабочаго класса, не заселилъ степей Запорожскихъ по р. Орели и ниже р. Самары. Извѣстныя уже читателямъ паланки или вѣдомства въ отношеніи къ хозяйству, шли въ слѣдующей пропорціи: Самарская, Кодацкая, Орельская и Протовчанская. Тамъ было и хлѣбопашество и другія отрасли настоящаго хозяйства. Внутри степи отъ Ингульца до Бугогардовой паланки, зимовники назначены были только для скотоводства и *пасѣкъ*, т. е. пчеловодства; наконецъ по границамъ: въ степяхъ Калміуской, Перевѣзской и Бугогардовской паланкахъ, уже вовсе земледѣлія

не было, козаки жили для рыбной или звѣриной ловли и для соляныхъ промысловъ. Общій недостатокъ этого хозяйства состоялъ въ томъ, что только самая ничтожная часть земель назначалась подъ хлѣбопашество и недостатокъ въ хлѣбѣ былъ для козачества столь важенъ, что Кошъ считалъ весьма милостивымъ *жалованьемъ* отъ Царскихъ щедротъ: муку и крупу, которыя войско получало отъ казны, — и крайнею необходимостію, имѣть свободную торговлю хлѣбомъ съ Малороссіею и Польшею. Въ числѣ милостей, которыя войско испрашивало у Монаршаго престола чрезъ свои многочисленныя депутаціи, было всегда упоминаніе — о дозволеніи монахамъ Кіево-Межигорскаго монастыря, пребывающимъ въ Сѣчи, получать ежегодно хлѣбъ и крупу изъ своей обители, для ихъ собственнаго *продовольствія*. Быть можетъ, этому недостатку хлѣбопашества и самое правительство наше способствовало, имѣя возможность посредствомъ отпуска или отказа въ провіантѣ, держать буйную вольницу въ полной своей зависимости. Самая даже пища, Запорожцами употребляемая состояла преимущественно изъ каши, *кулеша*, т. е. гречневой, пшеничной или ячменной густой похлебки, до сихъ поръ употребляемой въ Малороссіи, молочныхъ припасовъ и рыбы, съ небольшимъ прибавленіемъ ржанаго хлѣба, пшеничныхъ *паляницъ* и *коржей* (лепешекъ), а весьма рѣдко мясной пищи. Въ военное время *толокно*,

т. е. круто сваренная пшенная каша и сухари составляли весь запасъ истиннаго козака. Отъ того по селамъ и зимовникамъ сѣяли мало ржи и пшеницы, а гораздо болѣе проса, овса, ячменя, гречихи и гороху. Изъ огородныхъ овощей сѣяли и разводили огурцы, капусту, арбузы, (кавуны), тыквы (*гарбузы*, *кабаки*). Соленые огурцы были важнымъ лакомствомъ для Запорожца, и мы нашли примѣръ, что войсковый судья посылалъ изъ Сѣчи въ дѣйствовавшій противъ Турокъ отрядъ, боченки съ огурцами «для стола пана кошеваго и старшины». Отъ Молдованъ переняли они употребленіе мамалыги или тѣста изъ кукурузы, и отъ того разводили ее по огородамъ, равно какъ лукъ и чеснокъ, которыми они дѣлились съ Татарами, покупавшими у нихъ и простой табакъ, добываемый въ Малороссіи. Вотъ все хозяйство Запорожцевъ. Ихъ сосѣди — Малороссіяне жили просто, но несравненно роскошнѣе; да и хозяйство ихъ было въ гораздо большихъ размѣрахъ. По причинѣ огромнаго своего народонаселенія, Малороссія сѣяла больше хлѣба и курила водку, которой удивительное количество отправлялось ежегодно въ Запорожье. Татаре, другіе сосѣди, исключая самаго полуострова, гдѣ были города и прекрасные сады, жили еще хуже нежели Козаки, а Ногайцы были ни чѣмъ не лучше самыхъ дикихъ Американцевъ, такъ поэтически описанныхъ Куперомъ. Наконецъ Поляки хотя были на выс-

шей точкѣ гражданственности, нежели Запорожцы и Украинцы, но тамъ дворянство въ вѣчной войнѣ съ козачествомъ, не давало ни какой возможности сближать богатыя села Кіевскія и Подольскія съ обителями «Дикаго Поля». Лучшимъ документомъ этой скудости хлѣбопашества есть ходатайство кошеваго Григорія Федорова, изложенное въ челобитной войска, поданной имъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1755 году, въ которомъ онъ проситъ прибавки Запорожцамъ хлѣбнаго жалованья, — ибо, по словамъ его, «войско Запорожское Низовое изъ давнихъ лѣтъ «и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ «мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ». И это сказано о Новороссійской степи, гдѣ теперь болѣе 6,000,000 четвертей хлѣба производится и болѣе 1,000,000 отсылается на прокормленіе Европы.

Несравненно важнѣйшую отрасль хозяйства представляетъ *скотоводство*, можно сказать главное богатство Запорожья. Всякій козакъ въ своемъ зимовникѣ, всякое селеніе старалось о разведеніи стада овецъ, скота и табуновъ лошадиныхъ и не было рѣчки, балки или вырытой *крыницы* (колодца), гдѣ бы въ высокой травѣ или на курганѣ не чернѣли пастушіе коши, похожіе на черные шатры Арабовъ. Но хотя природа на богатыхъ лугахъ и пажитяхъ дала имъ отличныя и можно сказать лучшія въ Россіи породы рогатаго скота и лошадей, къ улучшенію ихъ однакожь никогда

Запорожцы не прилагали никакого старанія, хотя получали отъ него всѣ свои прибыли. Породы овецъ оставались однѣ и тѣже въ теченіи многихъ столѣтій и знаемъ только, что *Волосскія* овцы, т. е. Цигайскія, теперь такъ рѣдкія, были у нихъ довольно обыкновенны. Рогатый скотъ былъ силенъ, рослый, но не тученъ. До сихъ поръ въ законахъ осталось наименованіе *Черкасскаго*, т. е. козачьяго даваемое хорошему скоту, назначенному на убой; — тогда всѣхъ козаковъ называли на сѣверѣ Черкасами. Сосѣдство съ Крымомъ дало бы вѣроятно Запорожцамъ охоту разводить или усвоивать овецъ съ сѣрыми смушками, которыя такъ страстно любили козаки и всѣ Украинцы, но Татаре чутко смотрѣли за тѣмъ, чтобы никто не вывозилъ живыхъ овецъ за границу Перекопской линіи[1]. Но вѣроятно лошади были отличной породы, когда находимъ слѣды большихъ на нихъ требованій купцами Русскими, Польскими и Крымскими. Въ 1735 году едва Запорожье усѣлось новымъ своимъ Кошемъ на р. Подпольной, а уже графъ Вейсбахъ поручалъ имъ собрать лошадей «годныхъ для цуга и кавалеріи». Изъ многочисленныхъ документовъ удостовѣряемся, что нельзя было лучшихъ гостинцевъ послать гетману или «панамъ

[1] Объ этомъ воспрещеніи и другихъ таможенныхъ законахъ Крыма, мы помѣстили нѣсколько свѣдѣній въ статейкѣ нашей, подъ заглавіемъ: *Занятіе Крымскаго Ханства въ 1783 году.* Она напечатана въ № 4. Журн. Минист. Народ. Просвѣщ. на 1841 годъ.

Петербургскимъ и Московскимъ», не говоря уже о Кіевскихъ и Глуховскихъ, какъ присылкою «гарного коня», который бы, по выраженію Потемкина, «козаковать годывся». Многократно посылали Запорожцы лошадей въ даръ важнѣйшимъ сановникамъ имперіи: Румянцову, Панину, Воронцову, Потемкину, Трубецкому и Шаховскому; духовникамъ Монархини, митрополитамъ, монастырямъ Московскимъ и Кіевскимъ. Даже нѣсколько разъ имѣли они честь представлять въ даръ своихъ коней наслѣднику Всероссійскаго Престола Павлу Петровичу. Запорожскіе депутаты, измученные медленнымъ ходомъ ихъ дѣлъ и напуганные дороговизною Петербургскою, по часту писывали въ Кошъ: «покорнѣйше просимъ вашу вельможность и войсковую старшину прислать г. N. N. пару цуговыхъ или одного верховаго огѣра (жеребца), авось либо они и наше дѣло до сенату шибче довезутъ». Были примѣры, что заграничные ремонтёры получали отъ двора позволеніе покупать лошадей для своей кавалеріи (въ 1768 г. Прусскій капитанъ Баронъ Линденеръ и др). Поляки страстно любившіе лошадей и имѣвшіе нѣкогда лучшіе въ Европѣ заводы, высоко цѣнили степныхъ лошадей Запорожскихъ. Одинъ поэтъ, основываясь на повѣрьи народномъ, сказалъ когда-то:

«Nad Niemieckie nie masz w świecie broni;
Nad Tatarskie nie masz koni».

т. е. нѣтъ лучше оружія Нѣмецкаго, а лошадей Татарскихъ. Мы увѣрены, что подъ Татарскими они разумѣли и козачьихъ. Знаемъ очень хорошо, что Татарскія или Ногайскія и Крымскія лошади (исключая горныхъ, выведенныхъ первоначально съ Кавказа) были одной или даже худшей крови, нежели Запорожскія. Крымцы считали за кладъ, за большое молодечество отнять съ оружіемъ въ рукахъ, или похитить жеребцовъ изъ козачьихъ табуновъ. Какъ огромны были эти заводы, можно судить изъ того, что въ началѣ войны 1769 г., когда отъ внезапнаго набѣга Татаръ, Запорожцы потеряли многіе тысячи головъ своего скота въ двухъ только своихъ паланкахъ. Вотъ подробности о частныхъ потеряхъ: кошевой лишился табуна въ 600 слишкомъ лошадей; храбрый полковникъ Колпакъ 1,200 овецъ, 127 лошадей и 300 головъ разнаго рогатаго скота; у козака Щербиновскаго куреня Олексы Дудника взято 250 лошадей и 70 воловъ; на р. Орели у козака Поповичевскаго куреня Федора Рудя 5,010 овецъ и 6 воловъ; на р. Быку у козака Каневскаго куреня Федора Горюхи 2,000 овецъ и 6 лошадей; тамъ-же у Величковскаго козака Обрама 200 лошадей и 50 воловъ; на р. *Малой Терновкѣ*, въ зимовникѣ войсковаго писаря Глобы 4,000 овецъ, 10 лошадей и 130 воловъ; что впрочемъ нимало не поколебало ихъ хозяйства. Въ одной *Коммисіи пограничной*, которыя ежегодно происходили въ Запорожьи, для

рѣшенія споровъ о взаимныхъ враждебныхъ наѣздахъ Крымцевъ и козаковъ, депутаты Запорожскіе предложили отъ войска 2,000 лошадей въ одинъ разъ, для скорѣйшаго окончанія совѣщаній. Наконецъ Запорожцы въ степи были лучшимъ легкимъ коннымъ войскомъ, и въ этомъ отношеніи много цѣнились и Польскимъ и Русскимъ правительствами. Запорожца даже трудно себѣ вообразить иначе какъ на конѣ, развѣ на лодкахъ за порогами; ибо безъ лодки на Днѣпрѣ, на широкомъ какъ море Днѣпровскомъ лиманѣ, на бушующихъ весною порогахъ; или безъ лошади въ безконечныхъ степяхъ Новой-Россіи, — что могъ сдѣлать козакъ съ своею длинною пикою и грубой работы рушницею? Весьма любопытенъ отвѣтъ депутата Запорожскаго А. *Головатаго* Потемкину въ Петербургѣ (1774 г.) на упрекъ его, что нѣкоторые козаки, бросивъ на Дунаѣ свои лодки, пѣшіе пустились въ Польшу на грабительство: «хоть они и пошли, якъ скажуютъ, на грабительство, но что они *пѣшiе* занесутъ»? Скотоводство было основою всѣхъ разсчетовъ Запорожца; мы находили, что даже судебные штрафы онъ платилъ войсковому суду лошадьми или рогатымъ скотомъ, и гайдамаки рѣдко нападали на домы или обозы съ товарами, а чаще *гуляли* съ своими ватажками въ степи, «*довольствуясь* (живя) отгономъ скота у чабановъ».

Не менѣе важною отраслью хозяйства, или

лучше сказать промышленности Запорожской было *рыболовство*. Можно смѣло сказать, что если половина общины «*бадалась*» (добывала себѣ хлѣбъ) скотоводствомъ, другая занималась рыбными ловлями. Мы сказали выше, что въ основномъ уставѣ общины было опредѣлено: «бросать лясы» или жребій «на рѣки и *полевыя* рѣчки», для скотоводства и рыболовства внутри Запорожья. Но нѣкоторыя паланки или вооруженные посты подъ командою полковника и двухъ старшинъ, нарочно для того и учреждались въ отдаленныхъ отъ Сѣчи мѣстахъ, на границахъ или даже за границею, чтобы покровительствовать рыболовамъ и удерживать ихъ въ порядкѣ и повиновеніи. Такія были: Ингульская, Калміуская и Бугогардовская паланки, о чемъ сказано было въ своемъ мѣстѣ. Главное рыболовство было на Днѣпровскомъ и Бугскомъ лиманахъ, тогда еще вполнѣ Турціи принадлежавшихъ; на Бугѣ, близь устья въ него р. Синюхи; на Днѣпрѣ выше и ниже пороговъ; на Азовскомъ морѣ, какъ со стороны косъ: Бердянской, Бѣлосарайской и Калміуской, такъ и съ противоположной стороны, на Ейскомъ лиманѣ и косахъ въ границахъ нынѣшняго войска Черноморскаго, за что непримиримую вражду питали къ нимъ Донцы и Кубанцы[1]. Рыба доставляла глав-

[1] О рыболовствѣ со стороны Калміусской паланки и безконечныхъ за то распряхъ съ Донцами и Кубанцами можно бы написать многія страницы не менѣе любопытныя, какъ разсказъ Вальтера–

ную пищу Запорожцу, не любившему мяса и была предметомъ значительнаго торговаго отпуска, какъ мы скажемъ ниже. Безчисленные «та̀фы», т. е. рыболовныя партіи, обыкновенно управляемыя извѣстными куренными козаками — *господарями* (хозяевами), находящимися у *неводовъ*, были постояннымъ пристанищемъ не только козаковъ, но и всякаго рода бродягъ или *аргатовъ* (поденьщиковъ), не хотѣвшихъ записываться въ войско, чтобы не брать билетовъ или паспортовъ и не отбывать повинностей. Кошъ строго воспрещалъ

Скотта о рыболовствѣ на Солваѣ въ Шотландіи. Но гдѣ взять искусное и краснорѣчивое перо этого вдохновеннаго барда? Мы можемъ приводить только документы, т. е. источники будущихъ исторій или романтическихъ разсказовъ. Вотъ нѣсколько довольно любопытныхъ актовъ объ этомъ предметѣ, которые считаемъ нужнымъ представить здѣсь во свидѣтельство. Въ 1743 году Кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтьевъ сообщилъ Кошу многія жалобы Донскаго атамана Эфремова на Калміусскаго полковника *Кишенскаго*, который не только что за границу Запорожскую, до Міусскаго, Бѣлаго-Камня и Темерника съ рыболовствомъ доходилъ, но даже именуя себя Міусскимъ полковникомъ, посгонялъ оттуда Донцевъ и Русскихъ промышленниковъ, а шалаши и имущество ихъ зажегъ, но отъ пожара одинъ Богъ спасъ. Этотъ своевольный полковникъ какъ бы на посмѣяніе Донцамъ, явясь въ столицу ихъ, Ново-Черкаскъ, въ кабакахъ и на рынкахъ сзывалъ себѣ въ ватагу бѣглыхъ Запорожцевъ и Малороссійскихъ людей, рыскалъ верхомъ по улицамъ въ сырную недѣлю и плетью билъ женщинъ и козаковъ, къ крайнему оскорбленію Донскаго войска. Наконецъ собравъ себѣ порядочную команду, сѣлъ въ лодки и переѣхалъ Азовское море, тамъ на Кубанской землѣ расположился для рыболовства и охоты. Леонтьевъ строго требовалъ для прекращенія споровъ съ Донцами и вражды съ Кубанскими Ногайцами, чтобы Запорожцы ловили рыбу вокругъ Днѣпра и въ впадающихъ въ Азовское море рѣчкахъ: Бердѣ, Калміусѣ, Калкѣ и Каланчакѣ, не касаясь чужихъ угодьевъ.

держать такихъ людей, но хозяева неводовъ находили средства скрывать своихъ работниковъ при посѣщеніи асаула или другой объѣздной команды. *Неводы* (т. е. рыболовныя сѣти, а вмѣстѣ и притоны для ловли) были отчизною и истиннымъ гнѣздомъ гайдамацства, ибо зимою, праздные и къ опасной, пьяной жизни привыкшіе бурлаки отъ разврата, нужды и подговора злодѣевъ пускались, ожидая весны, на жизнь бродяжническую и преступную. Но должно отдать имъ справедливость, что тамъ же формировались и тѣ отличные море-

Но никакіе приказы начальства не помогали. Въ Октябрѣ 1758 года вновь назначенный Кубанскимъ Сераскиромъ Саалетъ-Гирей Султанъ писалъ въ Кошъ, прося свести козаковъ, которые для рыболовства на р. Еи и Золотой косѣ находятся, ибо тѣ земли принадлежатъ Кубанскимъ Татарамъ. Между тѣмъ получено было извѣстіе, что въ Іюнѣ 1758 года Кубанцы порубили и разогнали на Еи бывшихъ рыболововъ. Кошъ не разъ требовалъ отъ Калміусской паланки, чтобы Запорожцы на Кубань не ходили, но тамошняя старшина отвѣчала, что рыболовы ихъ не слушаютъ и даже позволительныхъ кошевыхъ билетовъ брать не хотятъ. По многимъ безполезнымъ перепискамъ, когда и угрозы графа Румянцева не помогали, наконецъ Кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ, получивъ Высочайшій указъ Императрицы, отъ 18 Августа 1767 г. приказалъ Кошу: «выбравъ изъ старшины войска Запорожскаго исправнаго и надежнаго человѣка съ надлежащимъ числомъ козаковъ, въ Чубурскую и Ейскую косы отправить и велѣть тотчасъ землянки или другіе какіе либо пріюты (рыболововъ) разорить безъ остатку и вовсе истребить, а лодки и всѣ при томъ рыболовныя снасти конфисковать, а козаковъ оттоль выслать и впредь никогда на Кубанскую сторону Азовскаго моря не пускать». Казалось бы, что послѣ того рыболовы должны были бы исчезнуть съ Кубани? Ничего не бывало; мы ихъ находимъ опять на западныхъ берегахъ Азовскаго моря, не только до паденія самаго Коша, но даже и въ эпоху переселенія туда ихъ братьевъ-Запорожцевъ въ 1790 годахъ.

ходы и лодочники, которыми въ древнія времена и теперь славилось Запорожье. Тамъ войско набирало свою *пѣхоту* на лодки и лоцмановъ для своихъ пороговъ.

Охота. Подъ именемъ охоты не должно воображать себѣ той великолѣпной забавы, которая такъ усовершенствована въ Европѣ и такъ дорого стоитъ дворамъ и вельможамъ; ниже охоты Польскихъ пановъ, дѣлившихъ свою жизнь между войною, пирами и преслѣдованіемъ звѣря въ своихъ лѣсахъ (polowanie). Звѣроловствомъ занимался въ Запорожьи особый классъ козаковъ, называвшійся *лисичниками*, имѣвшій своего атамана и куренное устройство и пребывавшій въ особенности въ Буго-Гардовомъ вѣдомствѣ. Они *лисичились*, т. е. занимались цѣлый почти годъ отыскиваніемъ и преслѣдованіемъ въ степяхъ *лисицъ*, которыхъ мѣха составляли важную отрасль торговли съ Крымомъ и главную часть подарковъ въ столицахъ. Они платили даже въ «скарбъ» войсковой, на церковь и паланку, десятину лисицами. Изъ показаній одного преступника мы видимъ, что партія лисичниковъ подъ предводительствомъ искуснаго охотника, отправлялась по берегамъ Буга въ извѣстныя имъ балки, рыла тамъ землянки, запасалась *харчами*, (т. е. припасами) на всю зиму, и тамъ пребывала до тѣхъ поръ, пока шкуры лисицъ имѣли свою цѣну. По истребленіи звѣрей или собраніи достаточнаго количества мѣховъ, партія отправ-

лялась въ зимовникъ *гарбаря* (кожевника), гдѣ шкуры *чинились* и тогда уже дѣлала между собою *дуванъ* или раздѣлъ своего добытка. Они также ловили зайцевъ, волковъ и даже оленей, которые до 1760 годовъ водились въ прекрасныхъ лѣсахъ за-Днѣпровскаго Запорожья. Для охоты и добычи хорошей дичины не разъ присылались отъ сосѣднихъ начальствъ и даже отъ Высочайшаго двора охотники, чему усердно помогали Запорожцы, считая для себя славою, что такъ цѣнились «Запорожскія вольности»[1] Но звѣроловствомъ занимались единственно для пушнаго промысла, а не

[1] Вотъ два объ этомъ предметѣ любопытные документа:

1) Ноября 1-го числа 1747 года, Кошевой *Павелъ Козелецкій*, далъ слѣдующій приказъ полковнику Самарской «*товщи*» *Кириллѣ Красовскому*:

«Сей листо-подавца стрѣлецкій атаманъ *Никита Поповиченко*, сего Ноября 1-го данный ему изъ войсковой Енеральной Малороссійской канцеляріи пашпортъ *намъ войску* являлъ, съ котораго усмотрѣно: что оный атаманъ зъ его стрѣльцами 35-ю чл҃ки по Е. И. В. указовъ, зъ Малороссійскаго Лубенскаго полку для добычи дикихъ звѣрей и птицъ (къ отсылкѣ къ Высочайшему Е. И. В. двору) отправленъ на сю сторону Днѣпра; и проситъ въ *насъ войска* онъ атаманъ, о нечиненіи ему атаману и зъ стрѣльцами въ той добычи препятствія — къ вамъ предложить. А понеже оные атаманъ и стрѣльцы изъ той Енеральной Малороссійской Кґріи отправлены не для чего другаго, по къ отсылкѣ къ Высочайшему Е. И. В. двору звѣря и птицъ добувать, и того ради вамъ м҃дѣ пане полковникъ съ товариствомъ, указомъ Е. И. В. наикрѣпчайше приказуемъ: дабы вы предписанному атаману и стрѣльцамъ въ добычи звѣрей и птицъ для Высочайшаго Е. И. В. двора въ нашихъ войсковыхъ Самарскихъ вольностяхъ, никакова препятствія и ни жадной (никакой) обиды не чинили, и къ тому никого не допускали, всенепремѣнно и въ повторе приказуемъ». Изъ Коша, Ноября 1 д. 1747 года.

для пищи, ибо находимъ, что лисичники хотя имѣли много дичины, также охотно питались кашею и *пастридою* (сушеною рыбою), какъ и слѣдовало истинному Запорожцу.

Пчеловодство. О пчеловодствѣ знаемъ только то, что для *пасѣкъ* устроивали въ Запорожьи особые зимовники, которыхъ имена находимъ мы въ розысканіи границъ Запорожскихъ. Пчеловодство было важнымъ промысломъ козачества, ибо медъ и воскъ были въ числѣ главныхъ статей его торговли, да и сами любили употреблять сотъ въ пищу, варить и пить медъ и ставить большое количество свѣчей предъ алтаремъ Всевышняго въ своихъ храмахъ. Замѣчательно, что *пасѣчники* считались у Запорожцевъ людьми очень свѣдущими, почтенными, сказочниками и даже *знахарями*, т. е. чародѣями. Одни только мѣльники имѣли въ семъ послѣднемъ ремеслѣ преимущество предъ пчеловодами.

Сады и огороды. Въ архивѣ послѣднихъ годовъ Запорожскаго быта (между 1762 и 1774) находимъ множество благоразумныхъ распоряженій, а слѣдственно стараній Коша о сохраненіи лѣсовъ,

2). Въ 1763 году изъ крѣпости Св. Елисаветы присланъ былъ охотникъ, чтобы достать живыхъ оленей для отсылки къ Императорскому Двору. Запорожскій Кошъ охотно на то согласился, но по враждѣ къ сосѣдямъ просилъ коменданта Муравьева, чтобы другимъ Слобожанамъ запретилъ для звѣроловства въѣзжать «въ Запорожскія дачи».

байраковъ, *плавней* и садовъ, разведенiи деревьевъ плодовитыхъ, (*родючаго* дерева) и огородовъ. Зная, что подлинные акты любопытнѣе всякаго сужденія, приведемъ нѣсколько примѣровъ въ видѣ доказательствъ.

1). *Ордеръ писарю и асаулу Кодацкой паланки:*

«Извѣстно Кошу учинилось: что при Днѣпрѣ въ островѣ прозываемомъ *монастырскомъ*, ниже Половицы[1], вѣдомства вашего обыватели не толь имѣвшееся въ ономъ разное дерево вырубили и вовсе испустошили, но и бывшіе тамъ родючіе дерева, грушу и яблоню и прочее, *не страшась истязанія Божія за искорененіе онаго дерева, въ пользу общую ежегодно дающаго плодъ*, безразсудно вырубили и пустошатъ вовсе, а яко таковые съ небреженіемъ чинимыя обывателями, дерева, паче родючаго, пустоши, обществу суть много вредны, того для вамъ притверждаемъ, дабы въ томъ островѣ монастырскомъ впредь дерева не толь родючаго, но и никагого рублено и опустошаемо не было, всѣмъ обывателямъ, чтобы въ ономъ никогда не ѣздили, подъ строгимъ противника истязаніемъ притвердить и самимъ прилѣжно сего смотрѣть, дабы оной островъ деревомъ паче родючимъ, паки хотя мало изращеннымъ и умноженнымъ быть могъ «для общей впредь пользы». 1764 года 8 Декабря.

[1] С. Половица теперь городъ Екатеринославль. Нынѣшніе городскіе его сады, основаны Запорожцемъ *Лазаремъ Глобою*, тамъ умершимъ уже послѣ «атакованія Сѣчи».

2.) *Ордеръ Кодацкой паланкѣ:*

«Старокодацкій житель *Федоръ Шаповалъ* намъ донесъ, что ниже старого Кодаку на Днѣпрѣ есть островецъ, зовущійся *Демека.* Въ немъ имѣющееся *черное* дерево (лѣсное) и *родючее* порубляясь на дрова, такъ опустошается сильно, что когда отъ того не предохранить, то во всеконечное испутошеніе прійтить можетъ. И какъ противъ сего острова жительствуетъ онъ Шаповалъ, то что ему способно сего острова смотрѣть, дабы мимо вѣдома его никто не дерзалъ пустошить разнаго дерева чернаго и родючого, потому оной островъ ему Шаповалу въ содержаніе опредѣленъ впредь до нашего разсмотрѣнія, съ тѣмъ, чтобъ въ немъ ни самъ онъ лично не рубалъ, и ни другого кого либо опустошать какимъ-то ни есть образомъ не допускалъ, дабы симъ способомъ въ прежнее состояніе привесть «*на пользу общую*». 1772 года Декабря 6.

3). *Открытый листъ:*

«Всѣмъ, кому о семъ вѣдати надлежитъ, объявляется:

«Куреня Пластунивскаго, козаку *Панасу Тарану*, оженившемуся и въ с. Камянскомъ жительствующему, въ рѣчкѣ *Лозоваткѣ*, которая впадаетъ въ Саксагань, дозволили мы впредь до разсмотрѣнія построить хуторъ, для содержанія въ немъ скота и хозяйства: и чтобъ ему въ ономъ ни отъ кого никакого препятствія чинимо не было, для сего и сей листъ ему Тарану изъ Коша выданъ» и пр. 1772 года Декабря 10.

4). *Циркуляръ Полковникамъ:*

«Мѣстечка Стараго-Кодака обывателямъ желающимъ, дозволили мы на той сторонѣ Днѣпра, гдѣ было *Чапли* (село) и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ селиться хуторами, и дабы имъ въ томъ ни отъ кого препятствія чинимо не было, для того и сей открытый къ вамъ ордеръ за подписомъ и войсковою печатью, отъ Коша въ м. Новомъ-Кодакѣ данъ и порученъ въ содержаніе атаманамъ Старо-Кодацкимъ: козачьему и громадскому». 1772 года Декабря 2.

Примѣчаніе. Между козачьимъ атаманомъ и громадскимъ была та разница, что первый былъ родъ сержанта надъ Сѣчевиками, т. е. холостыми, въ паланкахъ живущими козаками, а другій въ родѣ нашего мірскаго головы или *сотскаго*, былъ прикащикомъ надъ *громадою,* т. е. женатыми земледѣльцами.

5). *Данная на мельницу съ землею:*

«Кому о нижеслѣдующемъ вѣдати надлежитъ, объявляется:

«Войска Запорожскаго куреня Каневскаго, козаку *Клименту Рѣзнику*, выше слободы Волосской, на рѣчкѣ Путивкѣ, съ Днѣпра взявшейся и у оного впадающей, *млынъ* (мельницу) о мучномъ колѣ имѣющему, ниже онаго такъ, *какъ можно докинуть палицею*, еще и коло *ступное* съ клѣткою (для пшена), по просьбѣ его Рѣзника сдѣлать и по здѣлкѣ тѣмъ впредь до «ласки войсковой» пользоваться дозволили, повелѣвая: полковнику Самарскому зъ старшиною и полковому старшинѣ *Данилѣ Малиновскому*, чтобъ они не дѣлали препятствія къ вырубкѣ надобной деревни, ко употребле-

нію ея единственно въ постройку ступнаго кола съ клѣткою, смотря, чтобы излишне опустошаемо не было никакого дерева». 1774 года Декабря 3.

6). *Циркуляръ Полковникамъ*:

«Старокодацкаго козака *Федора Садачку зубожавшаго ко исправленію* въ ономъ, отъ нынѣшняго дня на круговой одинъ только годъ увольняя отъ службы дозволяемъ ему построить хуторъ тою стороною Днѣпра въ байрацѣ *Гащевомъ*, съ смотрѣніемъ его отъ опустошенія имъ и сторонними, *дабы былъ полезенъ обществу*». 1774 года Декабря 4.

7). *Ордеръ полковнику Кодацкому:*

«Половицкому козаку и жителю *Алексѣю Безтолку* въ Сурѣ, выше байрака, гдѣ жилъ Вышестеблевскій (козакъ) *Лысый*, сдѣлавъ пристанище въ ономъ надобное къ хозяйству, содерживать до разсмотрѣнія позволили; но повелѣваемъ, чтобъ ничего ко утѣсненію холостыхъ (сидѣвшихъ зимовниками) козаковъ не дѣлалъ, и туда, гдѣ въ чемъ они продовольствіе имѣютъ, не входилъ ни онъ, ни другіе изъ женатыхъ». 1774 г. Декабря 9.

8. *Билетъ на охраненіе садовъ:*

«Тритузнинскимъ жителямъ *Ивану Злогозяну* и др. островъ между рѣчищемъ (разливъ рѣки) и Днѣпромъ, *Соломасскимъ* именующійся и состоящій не вдаль с. Тритузнаго, въ сбереженіе отъ опустошенія опредѣляемъ, и повелѣваемъ имъ и всѣмъ тамо ни мало опустошенія не дѣлать, но *растить* (разводить деревья), дабы симъ способомъ растимое пришедъ въ состояніе, *было полезнымъ войска Запорожскаго и старшинамъ и козакамъ*». 1774. Декабря 9.

Вотъ много подробностей, довольно оригинальныхъ, но весьма интересныхъ для изученія внутренняго хозяйства Запорожья. Такъ ли было прежде въ XVI и XVII столѣтіяхъ, сказать не можемъ; пусть болѣе свѣдущіе научатъ и насъ и читателей.

I. О зимовникахъ и хуторахъ.

Уже нѣсколько разъ и по разнымъ случаямъ упоминали мы о зимовникахъ, теперь еще однажды должно сказать о нихъ въ хозяйственномъ и почти статистическомъ отношеніи. Въ Запорожскомъ архивѣ мы нашли много къ тому данныхъ; но къ несчастію всѣ эти свѣдѣнія были не полны или не равны; ибо системы трудно было требовать отъ людей простыхъ, больше знакомыхъ съ пикою и конемъ, нежели съ перомъ и таблицами; — хотя имѣвшихъ весьма точныя понятія объ общественномъ благоустройствѣ. Не смотря на то, желая представить по возможности полную картину Запорожья, приведемъ прежде всего *статистику* одной паланки, о которой больше всего имѣемъ подробностей. Это вѣдомство или паланка Протовчанская; о другихъ же сообщимъ только то, что нашли въ ихъ отчетахъ за 1764 и 1770 годы.

Протовчанская паланка въ 1770 году имѣла:

1. Селъ и деревень 24.
2. Хуторовъ . 10.

3. Жителей: козаковъ женат. дворовъ 242.

въ нихъ хатъ »		363.
» людей посполитыхъ или подданства дворовъ .	701.	737.
	943 х., т. е. сем.	1100

4. Имущества въ стадахъ:

a) лошадей: козачьихъ	611	895.
» посполитыхъ . .	284	
b) Рогат. скота: воловъ козач.	1,047	1,851.
» » » поспол.	804	
» » нерабоч. и коровъ:		
» » у козаковъ. .	1,854	3,484.
» » у посполит.	1,630	
c) Овецъ у козаковъ.	10,114	13,686.
» у посполитыхъ . .	3,572	

Замѣтимъ однакожь, что это имущество женатыхъ, т. е. *селеній*; а имущество зимовниковъ опредѣлить невозможно, потому что даже Кошъ свѣдѣній объ этомъ собирать не хотѣлъ, а назвалъ только урочища, гдѣ обрѣтались эти зимовники и то не во всѣхъ паланкахъ. Такимъ образомъ мы можемъ представить мѣстность главнѣйшихъ зимовниковъ, т. е. товщи Самарской, Кодацкой и Орѣльской.

1. Въ *Кодацкой* всѣхъ извѣстныхъ 88.

Они находились на слѣдующихъ мѣстахъ:

1. На урочищѣ Щуровомъ.
2. На рѣчкѣ Самоткани.
3. На рѣчкѣ Грушовкѣ.
4. Въ Сурахъ [1].

[1] Рѣчка *Сура* дѣлилась на многіе рукава, называемые Мокрая-Сура, Сухая-Сура и пр. Въ просторѣчіи ихъ мѣстность называлась «въ Сурахъ».

5 Внизу р. Днѣпра.
6. Въ островѣ Шулаевѣ (выше Ненасытенскаго порога).
7. Въ Вонючей-балкѣ.
8. На Татарчуковскомъ островѣ.
9. Въ Коханивщинѣ.

Лучшіе зимовники, въ томъ числѣ бывшаго въ 1750 году войсковаго писаря Дмитрія Романовскаго и другихъ старшинъ, были въ Сурахъ, т. е. на рѣчкѣ Мокрой-Сурѣ, которая, взявъ въ себя рѣчку Комышевату, близъ стараго Кодака впадаетъ въ Днѣпръ. Въ 1755 году было на этой рѣчкѣ 52 зимовника, занимавшіе по обычаю Запорожцевъ огромныя пространства сѣнокосной и пахатной земли.

2. Въ *Самарскомъ* вѣдомствѣ было ихъ несравненно больше, — именно 253, въ томъ числѣ древнія пепелища козачества въ такъ называемомъ *Великомъ Лугѣ*, т. е. островѣ, образуемомъ рукавами Днѣпра и рѣчкою Конскія-Воды, и на *Хортицѣ*, гдѣ было, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, первое поселеніе Низовцовъ, хотя самъ Бопланъ говоритъ объ ономъ, какъ пустомъ островѣ. Не должно забывать, что Самарская паланка раздѣлена была въ 1760 годахъ на двѣ: Самарскую и Протовчанскую. Зимовники этого вѣдомства были въ слѣдующихъ урочищахъ:

1. На рѣкѣ Самарѣ.
2. Въ Великомъ Лугѣ.
3. У Хортицы.
4. Въ Сороковыхъ-байракахъ.
5. На рѣчкѣ Московкѣ

(р. Мокрая Московка впадаетъ въ Днѣпръ противъ Хортицкаго острова).
6. На р. Вовчей.
7. На устьѣ р Вязивки.
8. На устьѣ р. Терновки.
9. На устьѣ малой Терновки.
10. Въ Богдановомъ.
11. Въ Сухой-Чаплынкѣ.
12. На р. Терси.
13. На р. Вороновой (впадающей въ Днѣпръ у *Вороновой Заборы*).
14. На р. Быкѣ.
15. На р. Протовчи.
16. На р. Кушугумѣ (рукавѣ прорѣзывающемъ о. Великій-Лугъ).
17. На уст Конской (границѣ Таврической губерніи).
18. На Днѣпрѣ, въ Сердюковомъ[1] перевалѣ.
19. Въ Хащевомъ.
20. У Лишней балки.
21. На р. Осокоровкѣ.
22. На высшей Осокоровкѣ.
23. На ур. Хрящевомъ.
24. На Лучинѣ.
25. На уст. Жуковой.
26. Близь Биркута.
27. Въ Козловомъ островѣ, близь пороговъ.
28. На уст. р. Свидыни.
29. На р. Кильчени.
30. На р. Великой Терновкѣ
31. На р. Орловщинѣ.
32. На Омелютиномъ.
33. На р. Опалихѣ.
34. Надъ р. Збурьевкою.
35. У Звонецкаго порога.
36. Въ Яцевомъ-байракѣ.
37. Въ ур. Касанцѣ.
38. Въ Пристѣнкѣ.
39. У Лоханскаго порога.
40. Надъ р. Обытокомъ.
41. У Вольнаго порога.
42. Въ Гришиной (балкѣ).
43. Въ Харевой (Царевой) Дубровѣ.
44. Въ Кочерзи.
45. На уст. р. Бобровки.
46. Въ Песчаномъ-броду за мостомъ.
47. У р. Богатой.
48. У р. Лозоватой.

[1] *Сердюки*, пѣхотные гетманскіе козаки.

49. Въ Чауновцѣ.
50. Въ Кругликахъ.
51. Надъ Солонымъ-уступомъ.

3). Въ *Орѣльской паланкѣ* около 1768—1769 года зимовники были въ слѣдующихъ урочищахъ:

1. У Солоного Лиману.
2. Сороковой-балкѣ.
3. Лучинѣ.
4. р. Губинихи.
5. Въ ур. Кочерешняхъ.
6. На Сороковыхъ-байракахъ.
7. На вершинѣ р. Вежнивки.
8. Въ балкѣ Гнѣздивкѣ.
9. На р. Орѣли у Стешиного броду.
10. На р. Орѣли, вверхъ и внизъ ея.
11. На р. Орѣльцѣ.
12. На р. Малой Терновкѣ.
13. Въ «дубовыхъ грядахъ» близъ р. Самары.
14. Въ ур. Плавинцахъ.

Сколько тамъ было зимовниковъ или хуторовъ, сказать трудно, но знаемъ, что въ 1767 Татаре сожгли 21 зимовникъ, взяли въ плѣнъ 155 и убили 25 козаковъ, слѣдственно было зимовниковъ несравненно больше. Впрочемъ счетъ ихъ очень труденъ. Но не должно думать, чтобы зимовникъ былъ простая крестьянская изба или хата, — это скорѣе были усадьбы, гдѣ нѣсколько козаковъ: хозяинъ одинъ или два съ нѣсколькими товарищами, молодиками и работниками, обитали и отъ селенія различались тѣмъ, что въ нихъ не было ни женщинъ, ни дѣтей. Въ примѣръ приведемъ оффиціальное описаніе зимовника храбраго полковника Запорожскаго *Афанасія Колпака*, понесшаго большія потери отъ Татаръ въ 1769 году:

«Близъ рѣки Орѣли, въ устьѣ рѣчки Богатой г. полковника Афанасія Колпака состоящій зимовникъ, въ которомъ было хатъ *три*, одна зъ нихъ зъ комнатами и двѣ *коморы* (анбары) съ *ліохомъ* (погребомъ) и *стайнею* (конюшнею) рубленными; загородь, четыре дворы частокольные, зъ добраго рѣзаннаго дерева, досчаные. Близъ же онаго зимовника мѣльница двокольная, и со всѣмъ въ ней хлѣбнымъ и прочимъ припасомъ. Въ ономъ же зимовникѣ разной муки тринадцать, да пшона 4 бочекъ: жита (ржи) засѣковъ большихъ два, и со всею экономическою посудою и вещьми . . . Овецъ 1,200., лошадей 127., изъ коихъ верховыхъ 12., кобылъ 85., неуковъ, лошаковъ разнолѣтнихъ 30., рогатого скота: воловъ 120., быковъ разнолѣтнихъ 120., коровъ лучшихъ, зъ гурта 54., остальныхъ скотинъ не считанно». Судя по билетамъ, выдаваемымъ изъ Коша на зимовникъ, ни въ одномъ даже у простаго козака не было меньше 3 или 4, а у полковника бывало по 5 или 6 козаковъ, да по 10 молодиковъ и надъ ними одинъ *господарь*, т. е. управитель[1].

Вотъ географія 4-хъ почти уѣздовъ Екатеринославской губерніи; надѣюсь, что дворянству, владѣющему тамъ землями пріятно будетъ знать, что они наслѣдовали не только земли, но и жилища «славнаго войска Запорожскаго Низоваго».

[1] Зимовникъ Колпака перешелъ въ послѣдствіи къ племяннику и внуку Колпака *Магденкамъ*, владѣвшимъ тутъ прекраснымъ селомъ Афанасьевкою, еще самимъ Колпакомъ основаннымъ. Послѣ смерти въ 1844 г. послѣдняго бездѣтнаго владѣльца, неизвѣстно кто будетъ владѣть этимъ остаткомъ Запорожской «Палестины».

II. Общественное хозяйство.

Доходы и повинности войска Запорожскаго.

Объ этомъ предметѣ чрезвычайно любопытномъ и еще мало извѣстномъ, будемъ говорить съ большою осторожностію, ибо по нѣкоторымъ частямъ имѣемъ довольно полныя цифры, по другимъ едва ихъ указаніе; но желая представить только положительно вѣрное, мы надѣемся найдти снисхожденіе читателей въ случаѣ какой нибудь недомолвки.

1. «*Доходы скарбу войсковаго*» состояли:

1. Изъ Всемилостивѣйше даруемаго ежегодно денежнаго *жалованья*.
2. Дачи провіянта и крупъ } отъ казны.
3. Свинцу и пороха } отъ казны.
4. Изъ дохода отъ шинковъ въ Сѣчи, паланкахъ и зимовникахъ.
5. Оклада съ хатъ по селамъ, или *дымоваго* отъ «поспольства».
6. Доходъ съ перевозовъ.
7. Раздѣлъ (*пакоми*) отъ рыбн. и звѣроловной добычи.
8. Штрафовъ судебныхъ.
9. Добычи военной на часть *войска* доставаешейся.

Жалованье войску Запорожскому при Польскомъ правительствѣ выдавалось по 1 червонцу (почти 30 руб.) на человѣка, въ *реестръ* или штатъ военный записаннаго. Подъ Русскимъ Правительствомъ выдавалось оно (до 1742 года) тоже червонцами, а также мягкою рухлядью и това-

рами и было весьма значительно, какъ это видно изъ одного акта, который мы приведемъ подъ 1708 годомъ въ слѣдующей части книги нашей. Съ возвращеніемъ Запорожцевъ на родину, оно гораздо уменьшилось и въ 1742 г. опредѣлено постоянно въ рубляхъ и составляло въ годъ 4,660 руб.[1]. Въ тоже время отпускалось имъ отъ казны муки тысячу четвертей и крупъ по военной тогда узаконенной пропорціи; пороху и свинцу по 50 пудъ. По двумъ милостивымъ указамъ 1759 и 1761 годовъ, жалованье это немного увеличено и окончательно назначено:

Денежнаго жалованья . .	6,660	руб.
Муки	1,300	четверт. съ крупами, по пропорціи (до 90 четверт.)
Пороху	50	пудъ.
Свинцу	50	пудъ.

Это жалованье торжественно на площади раздѣлялось на войско по слѣдующимъ порціямъ, (взявъ за мѣру 1768 годъ):

1. *Денежное жалованье.*

	Рубли.
1. Атаману Кошевому	70
2. Войсковому Судьѣ	60
3. » Писарю	50
4. » Асаулу	40
5. Пушкарю и Довбышу	3
6. Войсковымъ канцеляристамъ.	12

[1] Указъ 1742 г. Августа 4, и 1751 г. Сентября 24.

	Рублей.
7. 38-ми куреннымъ Атаманамъ по 27 руб. на каждаго	1,026
8. На 38 куреней товариства по 140 рубл. на каждый	5,320
9. Начальнику Сѣчевыхъ церквей.	5
10. Подначалему	3
11. Іеромонахамъ	5
12. Дьяконамъ	3
13. Уставнику	3
14. Свѣчкарю.	1
15 Ктиторамъ	4
16. Школярамъ.	3
17. На пономарню	10
18. Семи старшинскимъ слугамъ по 1 руб.	7
19 Кухарямъ.	2
Подарки:	
20. Офицеру «тому, что казну привозилъ» .	5
21. При немъ унтеръ-офицеру	2
22 Солдатамъ	6
23. Атаманамъ, что съ жалованьемъ прибыли	20
Всего .	6,660

2. *Муки и крупъ.*

	Муки.	Крупъ.
	Четвертей.	
1. Кошевому Атаману.	15	2
2. Войсковому Судьѣ	15	2
3. » Писарю	12	2
4. » Асаулу	10	1
5. На войсковую канцелярію . .	10	3
6. Пушкарю и Довбышу по 3 четверика.	6	—
7. Отцу начальнику церквей . .	5	—

		Муки.	Круп.
		Четвертей.	
8.	На пономарню	2	—
9.	На школу	4	—
10.	Ктиторамъ Сѣчевымъ.	2	—
11.	Стадникамъ войсковымъ . . .	2	—
12	38-ми куренямъ по 32 четверти муки, 1 четверти и 6 четвериковъ крупъ.	1,216	70 ч. 4 ч.
	Всего . .	1,300	85 ч.

Для полученія этого жалованья денежнаго и хлѣбнаго, ежегодно отправляло войско депутацію, состоящую изъ *столичниковъ* т. е. походныхъ: полковника, писаря и асаула и 17 куренныхъ атамановъ по выбору общей рады. Она прежде ѣхала въ Кіевъ, а съ 1750 года въ Глуховъ къ гетману и получивъ отъ него «листъ» и прогоны, пускалась въ С. Петербургъ, гдѣ свое полномочіе отдавала въ Сенатѣ. Почти всегда министерство, къ которому они везли письма отъ Коша и гостинцы, представляло депутацію къ Монархинѣ и допускаемы были къ цѣлованію Ея руки. Депутаты получали отъ Двора прогоны, кормовыя деньги на пребываніе въ Петербургѣ и въ даръ: полковнику 50, писарю и асаулу по 30, а куреннымъ атаманамъ по 18 руб. каждому. Иногда жаловали имъ почетные кафтаны и даже медали.

3. *Доходы отъ шинковъ и винной продажи.*

Питейная продажа въ Запорожьи къ несчастію войска и умножнію вѣчныхъ въ немъ безпоряд-

ковъ, отъ низшаго званія козаковъ, была весьма распространена. Хотя это доставляло значительный доходъ войску, но Кошъ всѣми силами старался уменьшать число шинковъ, т. е. питейныхъ домовъ, хотя достигнуть сего было очень трудно. Въ городахъ и селеніяхъ, гдѣ женатые козаки и посполитые, подчиненные строгой дисциплинѣ паланокъ, отъ буйствъ и разврата по неволѣ удерживались, можно было наблюдать за жадностью *шинкарей*, но кто могъ знать, что дѣлалось по уединеннымъ зимовникамъ, на рыбныхъ ловляхъ, по тайнымъ шинкамъ, которые также преслѣдовало войско, какъ и самыхъ гайдамакъ, «ибо то ихъ истинный притынъ» говорилось въ инструкціяхъ Коша, какъ мы видѣли на всякомъ шагу, разбирая Сѣчевый архивъ. По свѣдѣніямъ, которыя намъ удалось собрать, за 1770 и другіе годы, находимъ, что въ это время было:

			Шинковъ.
1.	Въ Сѣчи погребовъ 23, будокъ 50 и въ нихъ		73.
2.	» Никитинѣ		10.
3.	» Камянскомъ-Базарѣ (Ингул. паланки)		8.
4.	» Кодацкой	Паланкахъ.	74.
5.	» Самарской		83.
6.	» Протовчанской		78.
7.	» Орѣльской		45.
		Всѣхъ	371.

Пропорція ужасная, если вспомнимъ, что должно прибавить еще по крайней мѣрѣ 50, со-

державшихъ «по вольности Запорожской» холостыми козаками въ зимовникахъ, какъ имѣемъ того примѣръ въ Самарской паланкѣ, гдѣ было ихъ, до уничтоженія Кошемъ, болѣе 20.

За эти шинки платили содержатели въ скарбъ по 2 р. 50 к. за простый шинокъ или будку, и отъ 4 до 5 руб. въ годъ, если въ немъ имѣлся погребъ (ліохъ) съ ледникомъ, т. е. можно было торговать сверхъ водки пивомъ и медомъ. Это приносило войску доходу въ годъ:

		Руб.	*Коп.*
1.	Въ Сѣчи	204	50
2.	» Никитинѣ	25	—
3.	» Камянномъ-Базарѣ	20	—
4.	» Кодацкой паланкѣ	205	70
5.	» Самарской	327	50
6.	» Орѣльской	120	50
7.	» Протовчанской	190	—
	Всего	1,103	20

Эта сумма раздѣлялась на слѣдующіе 45 ровныхъ паевъ:

1. Кошевому
2. Судьѣ войсковому
3. Писарю
4. Асаулу
5. 38-ми куренямъ
6. На войско
7. На церковь
8. Довбышу и Пушкарю пополамъ

} По 24 р. 51 к. съ денежк. на всякій пай.

4. *Податные оклады.*

Подати платили только женатые козаки и *посполитые люди*, т. е. подданные (поселяне) войска, слѣдственно обитавшіе въ городахъ и селеніяхъ: Кодацкой, Самарской, Протовчанской и Орѣльской паланокъ. Она была двоякая: постоянная и временная; первая до 1758 года составляла 1 рубль отъ семьи, а съ того времени увеличена[1] 50 коп. Такимъ образомъ съ 1758 по 1770 годъ козаки женатые и подданство платили всего по 1 руб. 50 коп. Временные же налоги отъ 300 до 500 р. съ паланки взимались въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ то: при посылкѣ важныхъ депутацій ко Двору (1758, 1765, 1773 и др.), при всеобщемъ вооруженіи какъ въ Турецкую войну 1768 г. Доходъ постоянный, считая на все женатое народонаселеніе Запорожья ту цифру, которую мы показали въ главѣ 1 нашего настоящаго обозрѣнія — 3,415 хатъ или семействъ, составитъ ежегодно 4,122 р. 50 к. Дѣлилась ли эта сумма на паи, подобно предъидущй, свѣдѣнія не имѣемъ.

5. *Сборъ отъ перевозовъ* былъ весьма важнымъ источникомъ дохода Запорожскаго скарбу, судя по тому, что въ Кодакѣ, Самарѣ и Никитинѣ особая старшина для его собиранія посылалась.

[1] Приговоръ войсковой рады по сему случаю помѣщается въ приложеніяхъ.

Она состояла изъ *шафаря* или интенданта (*Szafarz*, расходчикъ, буфетчикъ), писаря, подшафарія и подписарія. Но сколько онъ могъ составить въ годъ, исключая нѣкоторыхъ свѣдѣній о Бугогардовой паланкѣ, ничего не знаемъ. Въ 1774 году съ Іюля по Январь мѣсяцъ собрано за перевозъ въ Гарду 850 руб. Слѣдственно въ годъ не менѣе 1,000 руб., а Гардовой перевозъ былъ самый маловажный, ибо даже шафаря своего не имѣлъ. Въ перепискѣ объ этомъ перевозѣ мы нашли нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыя изложимъ въ главѣ о Запорожской торговлѣ. Кромѣ перевозовъ внутри Запорожскихъ вольностей, Запорожцы учреждали ихъ еще на Днѣпрѣ у разореннаго Кызъ-Керменя (Бериславля), на Бѣлозеркѣ, Рогачику и другихъ рѣчкахъ, т. е. въ границахъ Крымскаго ханства. Тамъ, какъ увидимъ ниже, собиралась плата съ солевозовъ и промышленниковъ, идущихъ за солью или съ товарами въ Крымъ.

6. *О раздѣлѣ добычи* рыбной, звѣроловной и военной, мы нашли такъ мало документовъ, что сообщаемъ свѣдѣнія о рыбной, основываясь на одномъ рапортѣ Бугогардоваго полковника (1772 года Іюля 18), въ которомъ сказано: что приказъ Коша въ Гарду читанъ и по оному: «зъ той рыбы, которая на Гарду въ Богу ловится, три первые десятка для полковника, писаря и асаула

паколи, а 4 на старшинъ войсковыхъ (кошеваго, судью, писаря и асаула) давать положено». Еслижъ бы такое определенное количество рыбы продано было, или рыболовы ее потеряли, то по разсчету, взыскивалась съ нихъ цѣнность рыбы деньгами. Главный рыбакъ или надзиратель надъ рыболовствомъ въ этой паланкѣ назывался *гардовничій*, подъ его же начальствомъ были *таровничіе*, управляющіе *таромъ*, т. е. *неводомъ* (вѣрно отъ Польскаго слова *sterować*, править рулемъ). Изъ добытка лучшую рыбу посылали въ Кошъ для старшинъ, особенно во время *тощи*, т. е. поста. Объ огромномъ количествѣ рыбы, ловимой въ Гарду, можно судить по тому, что въ одномъ рапортѣ тамошняго полковника въ 1771 году, видимъ, что съ Августа по Октябрь, только на часть старшины поймано 4,380 штукъ вырезуба (родъ стерляди), которыхъ часть послали въ подарокъ Польскому Бершадскому губернатору, за позволеніе рубить лѣсъ на постройку «гарду», а остальныя по 9 коп. за штуку проданы. Когда приближалась осень, то Кошъ приказывалъ *отбивать гардъ* и лѣсъ хранить въ сухомъ мѣстѣ, дабы вода унести его не могла.

О раздѣлѣ *военной добычи* мы нашли только одинъ довольно любопытный документъ; — это присяга, которую давалъ всякій козакъ въ началѣ похода, что онъ никакой добычи не утаитъ и

представитъ вѣрно своему куреню, для раздѣла на войско и товариство[1].

Въ чемъ состоялъ *штрафъ* при судѣ виновныхъ, отбираемый съ ихъ имущества въ пользу войска, куреня или полковой старшины, положительныхъ свѣдѣній не имѣется, хотя упоминаніе объ ономъ находили мы часто въ сѣчевомъ архивѣ.

Наконецъ должно еще упомянуть *о повинностяхъ* членовъ войска Запорожскаго. Подобно самой общинѣ и повинности были не равны въ «Куренномъ товариствѣ» и въ обществѣ женатыхъ козаковъ или посполъствѣ. Курени не знали никакихъ другихъ повинностей, кромѣ службы государственной и куренной. Въ первой они «по присяжной своей должности и вѣрности», получивъ указъ Царскій немедленно собирались по куренямъ, вооружались и по «наряду» оныхъ садились на коней и выступали въ поле. Служба была или въ отрядахъ противу непріятеля, или въ *объѣздныхъ* командахъ на гайдамакъ, или *постная*, т. е. пограничная. Сія послѣдняя называлась или конною или пѣхотною, т. е. на лодкахъ, на *водяномъ* ка-

[1] Вотъ присяга до насъ дошедшая. «Азъ нижепоименованный присягаю Господу Богу, предъ святымъ его Евангеліемъ, въ томъ, что если я будучи въ нынѣшнемъ походѣ съ г. старшиною войсковымъ *Головатымъ*, и съ прочими господами старшинами, отправляемомъ, за рѣкою Бугомъ, что въ добычѣ при разбитіи непріятеля и гдѣ случилось мною достанной утаилъ и оную въ общество для раздѣлу не объявилъ, то скарай мене Боже въ семъ и будушемъ вѣцѣ». (Юль 1769 года).

раулѣ. Въ отношеніи куреня, они вполнѣ повиновались своему атаману и исполняли безпрекословно все, что бы онъ ни приказывалъ.

Женатые Запорожцы и кошевое подданство гораздо больше имѣли тягостей. Кромѣ постоянныхъ и временныхъ податей, платимыхъ войску, они еще доставляли подводы, рабочихъ, хлѣбъ и другіе припасы въ случаѣ войны, конференцій или поѣздокъ депутатовъ и посланцевъ войсковыхъ. Въ военное время заготовляли сѣно и овесъ для козаковъ, а въ случаѣ нужды вооружались тоже для защиты Коша и своей. Такъ въ Турецкую войну 1770 г. Самарская паланка доставила 417, Кодацкая 350, а Протовчанская 214 конныхъ козаковъ подъ знамена Запорожскія. Но и козаки куренные, женатые и подданство отбывали еще повинности и взносили плату денежную, въ пользу полковой или паланочной старшины, но какую — опредѣлить невозможно. Знаемъ только, что отъ всякой бочки водки, вина, пива и меду, шинкари давали по одной *квартѣ* напитка или стойность оной деньгами, что называлось *куфовымъ* сборомъ.

Но отъ всѣхъ налоговъ и повинностей, временно или навсегда, Кошъ увольнялъ иногда заслуженныхъ или обѣднѣвшихъ козаковъ. Мы приведемъ здѣсь два только примѣра такого освобожденія:

«Войска Запорожскаго Низоваго куреня Платниревскаго, товарищъ *Олекса Кумпачъ* въ Кошъ предста-

вилъ, что онъ въ с. Самарчику (Самарской паланки) въ окончаніи прошлаго году женился и желаетъ тамо вовсе проживать и просилъ, пока онъ въ томъ, по новой женитьбѣ, своемъ господарствѣ поисправитъ, а паче за многія понесенныя въ войскѣ Запорожскомъ не малыя службы, о увольненіи нашего разсмотрѣнія. А понеже онъ Кумпанъ въ войскѣ Запорожскомъ съ малыхъ лѣтъ и до сего времени служитъ и во время Турецкой акціи, во всѣхъ походахъ съ прочими Запорожскаго войска знатными козаками и товариствомъ находился и служилъ вѣрно и радительно, потомъ атаманомъ въ управленіи куреня Платнировскаго не малое время пребывалъ и исправлялся порядочно, честно, послушно, послѣ тогожъ, видя его непорочные безъ потккновенія службы, пожалованъ былъ полковникомъ въ Самарь на команду, гдѣ будучи тожъ по должности своей во всемъ исполняя Высочайшие указы и войсковые ордера, поступалъ добропорядочно и пр. и за оные службы повелѣли мы его Кумпана отъ всѣхъ козачьихъ общенародныхъ тягостей, податей и найменьшихъ повинностей на два года увольнить». 1764 г. Апрѣля 19.

Въ другомъ ордерѣ «жителя Самарскаго *Степана Яковца* «за давные козачіе его службы, а паче по его старости и крайнему убожеству, отъ всѣхъ общенародныхъ какъ козачьихъ, такъ и посполитыхъ тягостей и случающихся посылокъ, кромѣ одного войсковаго окладу (по 1 р. 50 к.)» увольнено.

Мы вполнѣ увѣрены, что читатели изъ всѣхъ представленныхъ нами примѣровъ, цифръ и фак-

товъ могутъ удостовѣриться, что козаки весьма порядочно знали общественное свое хозяйство и умѣли вникать въ нужды, пользы и страданія своихъ ближнихъ. Однимъ словомъ, что они были не столь дики и грубы, не столь гайдамаки, какъ ихъ представляли Польскіе писатели и даже почтенные наши соотечественники въ своихъ «исторіяхъ Малой» или всей Россіи.

Остается взглянуть еще на одну отрасль промышленности Запорожской, на *торговлю*, но ей предоставляемъ особую, хотя тоже не полную, главу въ разсказѣ нашемъ.

ГЛАВА VIII.

ТОРГОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ. УЧРЕЖДЕНІЕ ПОЧТЪ.

Географическое или лучше сказать гидрографическое положеніе края, обитаемаго Запорожцами, самою природою назначило ихъ къ торговой дѣятельности и къ торговымъ предпріятіямъ. Тѣже выгоды, коими пользуются нынѣ многія точки Новой-Россіи, въ отношеніи торговыхъ путей и точекъ сбыта, въ меньшемъ только видѣ, при меньшемъ несравненно образованіи и въ меньшемъ размѣрѣ, были достояніемъ Запорожскаго войска. Обратимъ только вниманіе на торговый, или по крайней мѣрѣ чисто промышленный инстинктъ, который водилъ первыхъ основателей или предводителей этой общины, при избраніи мѣстъ для главнаго своего жилища или Коша, при опредѣленіи своихъ военныхъ постовъ или пограничныхъ паланокъ. Сѣчь Запорожская «Старая» и «Новая» построены были на берегу рѣчекъ, легко сое-

диняющихся съ Днѣпромъ за порогами, слѣдственно имѣли свободное сообщеніе съ этой рѣкою до самаго ея впаденія въ огромный лиманъ и Черное море. Для обезпеченія этого плаванія и защиты Запорожскихъ промысловъ у этого лимана, на устьѣ рѣч. Камянки и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь г. Херсонъ, были всегда высылаемы отъ войска команды, — что и составляло паланку Ингульскую или Перевѣзскую и постъ у «Камяннаго». Такимъ образомъ рыболовство и соляные промыслы находили пристанище и защиту противу какихъ нибудь враждебныхъ замысловъ Крымцевъ, имѣвшихъ тамъ дорогу со стороны Кинбурна, и отъ Турокъ, сидѣвшихъ въ знаменитой Очаковской крѣпости. Съ другой стороны, на берегу другаго моря, Калміусскій постъ защищалъ Запорожскихъ промышленниковъ, которые дѣйствовали на Дону, Донской землѣ и Азовскомъ морѣ. Наконецъ на Бугѣ, въ такъ называемомъ Гарду, стоялъ Запорожскій притынъ, бывшій въ такой отдаленной степи звѣномъ, соединяющимъ сношенія и торговлю Польши съ Запорожьемъ и Крымомъ.

Столь выгодное мѣстоположеніе было причиною, что Запорожцы любили торговлю и судоходство, занимались ими весьма дѣятельно, и можно сказать, что вся торговля Польши и южной Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ была въ рукахъ Запорожья, или шла чрезъ его руки.

Если вѣрить мечтѣ археологовъ, что козаки, хотя подъ другимъ именемъ (Косоговъ, Козаровъ и. т. п.) были современны Византійской Имперіи въ XI и XII столѣтіяхъ, то торговля и мореплаваніе Запорожья, т. е. людей хотя и не козачьяго ордена, но жившихъ на Днѣпрѣ за порогами, столь же древни, какъ древне владычество Руси на Днѣпрѣ. Но не пускаясь во тьму среднихъ вѣковъ, мы видимъ уже смѣлые и счастливые наѣзды козачества въ XVI и XVII стол. когда, по сказаніямъ лѣтописцевъ-поэтовъ «они на своихъ *моноксилахъ* (дубахъ) и лодкахъ жгли предмѣстья Цареграда, розоряли берега Румеліи и не токмо моцному Бѣлограду (Аккерману) не разъ крылья осмалили, але (но) Варну, Смайловъ (Измаилъ) и иные фортеціи по-Дунайскіе повыдирали и внивецъ (ни во что) обернули»[1]. Бопланъ разсказываетъ чудеса о ихъ храбрости и искуствѣ въ управленіи лодками и въ прохожденіи безъ вреда мимо Турецкихъ крѣпостей и большихъ кораблей. Наконецъ, если еще ближе искать свидѣтельствъ, то вся настоящая глава будетъ тому доказательствомъ. Еще въ 1765 году, правительство, опасаясь внесенія чумы въ Имперію, воспрещало Запорожцамъ допускать безъ карантиннаго очищенія, суда, идущія съ Чернаго моря мимо Очакова до самой Сѣчи За-

[1] Письмо кошеваго *Ивана Сѣрка* къ хану Крымскому, въ Приложеніяхъ къ Исторіи Малой-Россіи *Маркевича*.

порожской. Въ 1771 г. по волѣ Императрицы, генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій посылалъ Запорожцевъ, какъ опытныхъ моряковъ, на лодкахъ для осмотра Днѣпровскаго лимана и устьевъ Дуная. Изъ этого видно, что торговля и мореплаваніе давно въ Запорожьи существовали и сохранились въ ономъ до самаго паденія Коша, на Днѣпрѣ бывшаго. Посмотримъ теперь, какая была это торговля, кѣмъ и съ кѣмъ производилась.

Котляревскій, глубокій знатокъ Малороссійской старины, и въ своемъ переложеніи Энеиды давшій самую вѣрную картину быта и обычаевъ Украины, влагаетъ въ уста Дидоны слѣдующія слова, когда она спрашиваетъ безпріютныхъ странниковъ — Троянъ, искавшихъ у нее убѣжища:

«Чи рибу зъ Дону везете?
Чи може выходци-бурлаки»?

Часть I, стр. 16.

Эти два стиха изображаютъ всю заграничную дѣятельность Украинца: ходить на Донъ за рыбою, или по бѣлу-свѣту на заработки. Запорожцы считали рыболовство и соляную промышленность главными статьями своего отпуска, не упуская и другихъ статей торговли. Торговля Запорожская дѣлилась на сухопутную и морскую «водянымъ путемъ», а также на заграничную и внутреннюю. Морская торговля Запорожцевъ была только съ Турціею, ибо до побѣдъ Румянцова и Кучукъ-Кайнарджскаго мира, ни одно судно,

кромѣ Турецкимъ флагомъ осѣненное, не могло плавать по Черному морю. Бѣльградскимъ трактатомъ очень ясно было опредѣлено (ст. IX): «Торговля между Россіею и Турціею будетъ «свободною, но Россіяне могутъ производить ее «на Черномъ морѣ неиначе, какъ посредствомъ «Турецкихъ кораблей». Къ тому жъ, кромѣ Сѣчи Запорожской, Россія не имѣла на югѣ своихъ владѣній ни одного торговаго пункта, и даже Таганрогъ, а съ нимъ и Азовское море, только послѣ 1775 г. рѣшительно намъ принадлежали. Запорожская торговля съ Турціею производилась чрезъ Очаковъ, и то на Турецкихъ и Греческихъ корабляхъ, которые привозили свои товары по Черному морю до этой крѣпости, и если отъ паши-сераскира получали ерлыки на свободный пропускъ, то входили въ лиманъ и по Днѣпру вверхъ пробирались до самой почти Сѣчи, гдѣ р. Подпольная чрезвычайно глубокая, въ заливѣ своемъ, который до сихъ поръ называется *уступомъ*, служила имъ портомъ. Текелій еще въ 1775 г. при атакованіи Сѣчи нашелъ Запорожскую флотилію въ этомъ мѣстѣ, огражденномъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и укрѣпленномъ противу обваловъ сильнымъ частоколомъ изъ свай. Вотъ оффиціальное донесеніе кошеваго *Василія Григорьева* (*Сыча*) Кіевскому губернатору Леонтьеву, требовавшему отъ Коша свѣдѣнія: «сколько изъ Царьграду судовъ въ Сѣчь Запорожскую съ виномъ и

бакаліею приходитъ и гдѣ именно карантинъ выстаиваютъ и по скольку времени, и плотятъ ли какую пошлину»? Онъ увѣдомилъ, что судовъ въ Сѣчь приходитъ не равно, иногда 5, иногда 8, а иногда и 10, что они останавливаются за версту отъ Сѣчи, гдѣ выдерживаютъ двадцати-дневную обсервацію подъ наблюденіемъ Русскаго коменданта Новосѣченскаго ретраншамента; что пошлины съ нихъ никакой не берутъ, что наконецъ въ 1746 году (по 9-ое Іюля) прибыли въ портъ:

«1. Греческое судно зъ Бѣлого моря (Архипелага) съ рейзомъ (шкиперомъ) *Мануиломъ* Грекомъ.
2. Греческое судно съ Чернаго моря изъ г. Месемвріи, шкиперъ *Кирилло* Грекъ.
3. Греческое судно съ Чернаго моря изъ кр. Варны, шкиперъ *Юрій* Грекъ.
4. Судно съ Чернаго моря изъ кр. Варны, шкиперъ *Димитрій Поповичь*.
5. Судно оттуда же, рейзъ *Дементій* Грекъ.
6. Судно съ Бѣлаго моря изъ г. Станкео, шкиперъ *Остапъ* Грекъ.
7. Судно оттудаже, шкиперъ *Михайло* Грекъ.
8. Турецкое судно, шкиперъ Турчинъ *Ахметъ* изъ Цареграда.

Оные судна приходили къ Запорожской Сѣчи *якъ то и прежде бывало* зъ винами и бакалѣю».

Но должно замѣтить, что здѣсь говорится о судахъ Турецкихъ, которые прямо въ Сѣчь прибывали, но число *томбазовъ* или каботажей Крым-

скихъ и Очаковскихъ было прежде несравненно больше, отъ того что Очаковскій паша, согласясь съ ханомъ Крымскимъ, не позволяли Турецкимъ судамъ идти въ Запорожье, а принуждали перегружаться на ихъ лодки и тѣми уже доходить до Сѣчи. Кромѣ того, еще случалось, что ханъ желая имѣть на своей сторонѣ Янычаръ-Агу, отдавалъ ему на откупъ свою Козловскую (Евпаторійскую) таможню, и тогда требовалъ, чтобы всякое судно, какъ Русское, идущее къ Очакову для перегрузки на Турецкія суда, такъ и Греческія, идущія съ Чернаго моря, первыя выгрузясь, свои товары посылали сухимъ путемъ въ Козловъ, а суда обращать туда же, для уплаты пошлины. Это было крайне тягостно для Запорожской торговли, и мы находимъ любопытную о томъ переписку съ ханомъ и Очаковскимъ сераскиромъ. Вотъ письмо по одному такому случаю кошеваго Григорія Федорова къ хану Крымскому въ отвѣтъ на его ярлыкъ[1]:

«Свѣтлѣйшій и превосходительный господинъ Крымъ-Гирей Ханъ Крымскій, въ сосѣдствѣ дружелюбнѣйшій пріятель нашъ!

«Писаніе Вашей Свѣтлости, коимъ изволите обьявлять, что къ не пропуску зъ Бѣлаго (Архипелагу) и Чернаго моря въ Сѣчь Запорожскую и въ другія

[1] Письмо хана очень любопытное помѣщено въ Приложеніяхъ.

мѣста судовъ, В. Св. не причиною, а слѣдуетъ то по указу Порты, — мы получили. Но понеже г. Очаковскій Паша, письмомъ въ Кошъ присланнымъ, объявляетъ, что В. Св. живущему въ Очаковѣ Янычаръ-Агѣ въ откупъ отдали Козловскую пристань, гдѣ какъ идущимъ въ Россійскія границы, такъ и отсель слѣдующимъ въ Царьградъ судамъ, пристань имѣть и выгруживаться съ судовъ въ Очаковѣ, а до Козлова везти товары и пошлины взимать В. Св. указали и отъ В. Св. точно опредѣлено. А сюда въ Россійскія границы слѣдующихъ зъ Бѣлого и Черного моря пропускать не велѣно. А яко изъ сего видѣть можно, что таковому въ Бѣлое и Черное море суднамъ хожденію, препятствіе послѣдовало въ противность вѣчномирнымъ трактатамъ зъ знатною обидою Россійскимъ купцамъ и обосторонней коммерціи остановка сдѣлана, ибо въ Козловъ съ Очакова возвращать съ товарами купцовъ совсѣмъ не сходно и во всѣ времена того не было и быть не можетъ. Для того В. Св. благоволите, въ силу вѣчно-мирной дружбы зъ Бѣлаго и Чернаго моря сюда въ Россійскія границы, такожъ и изъ Сѣчи туда слѣдующія судна безъ выгрузу, хотя съ платежемъ пошлинъ, единственнымъ въ Очаковѣ, пропускать по прежнему безъ остановки; а ежели В. Св. той коммерціи не позволите учинить, и судна въ Очаковѣ по прежнему пропускаемы не будутъ, то дабы здѣшніе купцы, козаки, чумаки и ватаги въ Крымъ ни съ чѣмъ и ни за чѣмъ ходъ свой оставили и соли не брали, а только при Сѣчи, при границѣ всѣ товары продавали и отсюдовабъ возвращались въ Россію, равномѣрнымъ образомъ въ Кошѣ учинено быть имѣетъ. Да и въ

высокія команды представится съ прошеніемъ за нарушеніе и остановку вѣчно-мирной утвержденной коммерціи сатисфакціи, а отъ блистательной Порты твердаго дозволенія». (1762 г. 3 Іюля).

Не смотря на эту угрозу и формальный отказъ Коша ханскимъ откупщикамъ соляныхъ озеръ, пропускать къ нимъ идущія за солью ватаги, Крымъ-Гирей распоряженія сего не отмѣнилъ. При ханахъ Крымскихъ съ давнихъ временъ для покровительства Русскимъ подданнымъ и ихъ торговлѣ назначены были *уполномоченные* отъ Русскаго Двора консулы, подобно Французскому и Польскому. Первымъ агентомъ намъ извѣстнымъ въ 1742 г. былъ поручикъ Невѣдомскій; въ 1744 замѣнилъ его поручикъ Никифоровъ, но только съ цѣлію выкупа плѣнныхъ. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ былъ Путивльскій купецъ *Алексѣй Шестаковъ*, назначенный въ 1758 году резидентомъ при Халимъ-Гиреѣ-Ханѣ. Въ 1764 г. опредѣленный въ эту должность преміеръ-маіоръ Никифоровъ употребилъ столько усилій, что преемникъ Крымъ-Гирея, Селимъ-Гирей-Ханъ въ Апрѣлѣ 1765 г. эту стѣснительную для торговли мѣру отмѣнилъ. На что полученъ былъ даже въ Сѣчи фирманъ Султана Мустафы въ 1766 году.

Къ сему должно еще присовокупить, что этой торговлѣ большое помѣшательство сдѣлалъ таможенный оберъ-директоръ *Шемякинъ*, заклю-

чившій съ правительствомъ контрактъ на сборъ пошлинъ и испросившій повелѣніе, чтобы въ Запорожье судовъ изъ Архипелага и Чернаго моря не пускать, подъ предлогомъ, что Запорожскіе купцы довольно капиталовъ не имѣютъ. На это запрещеніе горько жаловалась ихъ депутація въ 1759–1760 г., и Императрица Елисавета даровала Запорожью многія облегченія.

Запорожская торговля съ Турціею состояла въ отпускѣ туда Русскихъ мануфактурныхъ товаровъ, своихъ мѣховъ, кожъ сырыхъ, коровьяго масла, рыбы, икры, Малороссійскаго табаку и полотна, и въ привозѣ преимущественно: вина, бакалейныхъ товаровъ, деревяннаго масла, шелковыхъ и бумажныхъ тканей, а также хорошаго оружія, свинцу, конской збруи и проч.[1]. Этими заграничными товарами запасалась въ Сѣчи или

[1] *Пейсонель*, бывшій консуломъ Французскимъ при ханѣ Крымскомъ и котораго Запорожецъ *Тимоѳей Строць* и др. видѣли въ 1760 году вмѣстѣ съ ханомъ въ лагерѣ у *Копани* (Днѣпровскаго уѣзда), такъ писалъ объ этой торговлѣ въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: *Observations sur le commerce de la mer Noire* etc. Amsterdam, 1788, p. p. 126 и др. Indépendemment du commerce affecté à cette place (Очаковъ) elle est le lieu de transit du commerce d'entrée et de sortie de Cosaques; les Cosaques y descendent avec leurs bateaux par le Borysthènes ..: Les Cosaques de l'Oukraine et les Zaporoviens viennent à Oczacow portant le mantegue (сало баранье), du tabac, des cordages, du chanvre, des toiles de Russie, du bois à brûler, de pierres à aiguiser, du charbon, des poissons secs et la colle des poissons et ils en retirent: des vins Grecs et d'Ackerman, du sel, des fruits secs, de l'huile, du savon, des maroquins, des selles etc.

чрезъ Сѣчь вся Украинская старшина, какъ это видимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1764 г. Малороссійская канцелярія увѣдомила Кошъ, что изъ Константинополя слѣдуютъ въ Сѣчь два Турецкіе суда съ стекломъ и виномъ для гетмана графа Разумовскаго, и что для пріема оныхъ въ Сѣчи будетъ посланъ сотникъ *Шутенко*. Кошъ вошелъ сей-часъ въ сношеніе съ Очаковскимъ сераскиромъ и получилъ отъ вновь туда назначеннаго Реджета-Паши письмо (26 Іюня 1764 г.), что упомянутыя суда̀ «по сосѣдственной дружбѣ» въ Сѣчь пропущены. Въ 1760 году *Господарь* (управитель) Гадячскаго за̀мка (принадлежавшаго графу Разумовскому) писалъ въ Кошъ, что онъ посылаетъ нарочныхъ въ Сѣчь для покупки тамъ для гетмана соку лимоннаго и *оливы* (прованскаго масла) и отправляетъ 10 возовъ для перевозки изъ Крыму Судацкаго вина и бакаліи, купленныхъ для того же гетмана. Притомъ и главнѣйшіе Малороссійскіе старшины: *Якубовичъ* и *Туманскій* присылали въ Сѣчь свои подводы, прося ихъ отправить въ Крымъ, или въ Сѣчи солью нагрузить. Въ Іюлѣ 1760 года кошевой *Алексѣй Бѣлицкій* писалъ въ Глуховъ, «что за нужными для гетмана двумя дойными ослицами съ жеребятами, онъ посылалъ въ Крымскую область нарочныхъ и тамъ ихъ купилъ». Но вотъ любопытный рапортъ Кошу полковника Куликовскаго, посыланнаго за жалованьемъ въ 1759 г. и кото-

рому поручено свезти гостинцы въ Глуховъ, а нѣкоторые въ Петербургъ. Онъ пишетъ: «Сего Іюня 8 д. въ Глуховъ прибыли благополучно, и письма съ *принадлежащимъ* до оныхъ гг. старшинѣ генеральной, да старшимъ канцеляристамъ и повытчику *Туманскому* вручены. Гдѣ все принято съ благодареніемъ, и въ промедленіи нашемъ чрезъ нѣсколько дней въ Глуховѣ, за пріѣздомъ зъ маетностей г. *Теплова*[1], мы всѣ обще явясь у его, поклонъ и рыбы 4 короба отъ Вашей Вельможности отдали. Чѣмъ доволенъ будучи велѣлъ поднесть до нѣсколько чарокъ водки, и между прочимъ спрашивая, какія бываютъ въ Сѣчи съ Туречины въ привозѣ вина, говорилъ: «невозможно ль съ тамошнихъ приморскихъ мѣстъ, да по способности и изъ Цареграда вывозъ сдѣлать подъ осень, на употребленіе къ столу въ домѣ Ясневельможнаго (гетмана), зовемой по Греческу *стридіи*, а по здѣшнему устрицы». О чемъ егда отъ толмача войсковаго объявлено: что тамо предовольно того имѣется, — приказалъ отъ себя къ В. В. о томъ писать, а намъ на усмотрѣніе далъ верхній *маслакъ* (скорлупу) съ едной стридіи, объявляя, что тою присылкою Я. В-й весьма предоволенъ будетъ; кои маслаки при семъ къ В. В. на разсмотрѣніе влагаются». (1759 г. Іюня 12). Изъ Петербурга Куликовскій 18 Іюня доносилъ:

[1] Одного изъ главныхъ членовъ Малороссійскаго Правительства.

«У Ясне-Вельможнаго съ отдачею 10 красныхъ сафьяновъ, и у ихъ сіятельствъ гдъ Сенаторовъ: Никиты Юрьевича *Трубецкаго, Щербатова* и *Голицына* были и принадлежащее (сафьяны, красные Турецкіе *папуци*, т. е. башмаки и т. п. гостинцы) вручили, что принято съ благимъ приятствомъ и благодареніемъ. Между чѣмъ Е. С. князь Никита Юрьевичъ чрезъ камердинера своего о лошадяхъ: пересланы ль отъ Коша или нѣтъ? спрашивалъ, напротивъ чего объявлено, что послали толмача войсковаго *Ивана Швыдкаго* въ Турецкую сторону для покупки, которые уповательно по куплѣ уже отправлены куда надлежитъ».

Другая торговля была сухопутная и она дѣлилась на двѣ: заграничную и внутренную. За границею торговали съ Крымомъ и Польшею; внутри Россіи съ Украиною, а съ 1750 г. съ Ново-Сербіею, т. е. крѣп. св. Елисаветы. О всякой изъ нихъ считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по очереди.

О торговлѣ съ Крымомъ имѣемъ большое количество документовъ, но дабы не утомить читателей и такъ уже многими подробностями, мы укажемъ только на свѣдѣнія болѣе оргинальныя и замѣчательныя. Торговля съ Крымомъ была важнѣйшею отраслью промышленности Запорожья и источникомъ вѣрнѣйшихъ доходовъ его Коша. Главные предметы этой торговли были со стороны войска: пушные товары, хлѣбъ и коровье

масло, да товары Русскіе, какъ то: желѣзо, оружіе (за которымъ Перекопскіе каймаканы посылали особыхъ посланцевъ въ Сѣчь), и «ватаги» Малороссійскія, идущія туда съ хлѣбомъ, полотномъ, кожами, табакомъ и т. п. Взаимно брали: Крымскія вина, сѣрые смушки, сафьяны, сафьянные сапоги, мешты, шелковыя ткани[1], волосскіе орѣхи и пр. Но главнѣе всего была *соль*, которая составляла основаніе всей торговли. Объ этомъ предметѣ мы обязаны доставить читателямъ всѣ извѣстные намъ документы.

Обыкновенно въ началѣ весны, когда уже снѣгъ и ледъ исчезнутъ, дороги сдѣлаются сухими и трава на степи покажется, — ватаги чумаковъ изъ Польши и Малороссіи начинаютъ подвигаться къ Запорожью. Всѣ почти онѣ идутъ порожнія съ цѣлію переправиться чрезъ Днѣпръ и идти въ Крымъ на соляныя озера. Ихъ прибытіе такъ было важно для Запорожья, что мы во многихъ письмахъ Коша къ депутатамъ его въ Петербургѣ находили вѣсти: «что ватагъ еще нѣтъ, что уже по не многу идутъ и везутъ хлѣбъ или водку», или, что ихъ «такое множество, что даже припасы въ Сѣчи и Никитиномъ вздорожали» и тому

[1] Особенно цѣнили извѣстную *термоламу*, ткань, которая нѣкогда восхищала Польскихъ и Украинскихъ красавицъ. Всякій Малороссійскій козакъ и Польскій кавалеръ идучи на войну, обѣщалъ своей красавицѣ или сестрѣ привезть ей столько термоламы, чтобы сверху колокольни достать до земли. Исполнялись-ли такія обѣщанія — не знаемъ.

подобное. Какъ только время урожая соли настанетъ, то Ханскіе пристава надъ соляными озерами Перекопскими и Прогноинскими, т. е. Кинбурнскими[1], учтиво о томъ извѣщаютъ Кошъ и просятъ его покровительства. Такъ на примѣръ *Баба-Иманъ*, приставъ *Тузлы* Перекопской, 25 Іюня 1764 года писалъ кошевому Филиппу Федорову:

« Достойно-почтенному господину главному командиру войска Запорожскаго Кошевому, высокомилостивому моему пріятелю и благодѣтелю достойный поклонъ отдавъ, спрашиваю о вашемъ здоровьи, и при семъ вамъ доношу: благодареніе Богу, его святымъ произволеніемъ, сего году, уже выстояніе свое сдѣлавъ, *соль* произошла изобильно, противу прошедшаго году: какъ обычай, сѣла хорошо. Да притомъ же воды и травы у насъ въ Крыму, также и на пути вездѣ изобильно; такъ что очень спокойно нынѣ для чумаковъ и для скота достанетъ. О чемъ при семъ посланный отъ меня *Мустафа-Баша* вамъ изустно донесть имѣетъ. При чемъ посылая вамъ въ гостинецъ одинъ сафьянъ, прошу принять его за благо. Да притомъ же прошу прислать къ намъ возовъ два для васъ, одолжаюсь самой чистой соли на вашъ расходъ накласть. При чемъ прошу въ незамедленіи чумаковъ присылать за солью ». Это письмо съ Татарскаго ярлыка переведено было въ Запорожьи и мы помѣстили переводъ буквально.

[1] Часть Кинбурнскихъ озеръ или *Прогноевъ*, издревле принадлежала Запорожцамъ, но по какому праву? не знаемъ. Турки и Татаре никогда въ томъ не сомнѣвались, какъ увидимъ ниже подъ 1774 годомъ.

Въ другой разъ *Юсуфъ-Иманъ*, приставъ соляныхъ озеръ, просилъ Кошъ посылать скоро ватажанъ своихъ за солью, которая хорошо родилась и предлагаетъ брать за озерную соль по 5 руб. съ цѣлаго воза, а по 3 руб. съ половиннаго. (1765 года). Крымское правительство брало кромѣ того со всякой повозки чрезъ Перекопскія ворота (башту) проходившей по 70 коп., что Запорожцамъ казалось отяготительно, и объ уменьшеніи какъ цѣны за соль на озерахъ, такъ и уплаты *баштовой* пошлины, безпрестанную вели переписку съ консулами при Ханѣ находившимися.

Всѣ ватаги какъ за солью въ Крымъ, такъ и на Донъ за рыбою шли чрезъ Запорожье; первыя переправлялись чрезъ Днѣпръ въ Никитиномъ, другія въ Кодаку. На Никитиномъ-перевозѣ учрежденъ былъ даже военный постъ съ Русской стороны и находился переводчикъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, для выдачи билетовъ на Турецкомъ языкѣ идущимъ въ Крымъ промышленникамъ и перевода Турецкихъ писемъ и ерлыковъ, оттуда привозимыхъ [1]. Видно, что эта соляная торговля приносила войску большія выгоды, когда находимъ даже старанія Запорожцевъ, чтобы учредить на свой счетъ перевозы чрезъ рѣчки

[1] Два такихъ переводчика довольно извѣстны: *Василій Рубанъ*, бывшій въ 1788 году директоромъ Новороссійскихъ училищъ и хорошій историкъ, и *Андрей Константиновъ*, бывшій въ 1776 году резидентомъ при Ханѣ Крымскомъ.

п протоки въ Ногайской степи находящіеся. Такъ въ 1764 г. Кошъ чрезъ консула Никифорова просилъ Хана Крымъ-Гирея о дозволеніи: «чтобъ въ границахъ Турецкой имперіи между Каменнымъ-Затономъ и Перекопомъ на протекающихъ изъ степу въ Днѣпръ и въ р. Конскія Воды рѣчкахъ, ради безпрепятственнаго и нетруднаго проѣзда купцамъ и войска Запорожскаго козакамъ, промышляющимъ солью и прочимъ товаромъ, ѣздящимъ въ Крымъ и отсюда возвращающимся, подѣланы бъ были мосты». Мосты эти Запорожцы по примѣру прежнихъ временъ (1755 идр.), хотѣли устроить даже на свой счетъ: на р. Бѣлозеркѣ, впадающей въ Днѣпръ противъ Никитина-перевоза, и на р. Рогачикѣ, ниже его въ Днѣпръ уходящей. Но такъ какъ на всей этой степи до самыхъ Горькихъ-водъ (Аджигѣлъ) сидѣли аулами Ногайцы Едичкульской Орды, то Кошъ испросилъ на то согласіе и каймакана орды *Муратъ-Аги*. Одно только встрѣтилось препятствіе: Перекопскій каймаканъ и дыздарь (комендантъ) *Абламъ-Муртаза-Ага* писалъ Кошу, что Ханъ Крымъ-Гирей, пожаловалъ ему «за многія его службы и посылки зъ его ласки» право устроить мостъ на той же рѣчкѣ Бѣлозеркѣ. Начались переговоры и дыздарь признавшись, что онъ не имѣетъ ни средствъ мостъ устроить, ни его чрезъ лѣто содержать, далъ письменный актъ на Турецкомъ языкѣ 1 Августа 1764 г. подписанный, что онъ

право на мостъ и сборъ съ онаго уступаетъ Кошу за 40 руб. О другомъ мостѣ на рѣчкѣ Рогачикѣ (Днѣпровскаго уѣзда Таврической губ.) имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: 1. Въ 1758 г. Крымъ-Гирей-Ханъ чрезъ Перекопскаго каймакана Салихъ-Агу писалъ кошевому Григорію Федорову, чтобы онъ купцамъ совѣтовалъ по прежнему ѣздить и торговлею заниматься. Въ 1760 г. по просьбѣ кошеваго Алексѣя Бѣлицкаго дозволено козакамъ «по давнему обыкновенію» сидѣть зимовниками и ловить рыбу за Днѣпромъ на р. Рогачику. Такимъ образомъ Запорожцы, получивъ формальное позволеніе, пользуясь безпечностію Крымцевъ и не боясь Ногайцевъ, строили мосты и перевозы на ихъ земляхъ и взимали со всѣхъ промышленниковъ денежный сборъ (мостовое), который опредѣленъ былъ со всякихъ возовъ, пустыхъ и нагруженныхъ кладью, своихъ и чужихъ, съ тою только разницею, что Запорожцы платили меньше нежели другіе. Объ учрежденіи такого сбора и его таксѣ имѣемъ одинъ весьма любопытный документъ; это — *объявленіе* сдѣланное въ 1764 г. при кошевомъ Филиппѣ Федоровѣ: «всѣмъ ѣдущимъ въ Крымъ по торговлѣ» на счетъ устроеннаго перевоза на р. Бѣлозеркѣ и о количествѣ сбора за этотъ перевозъ опредѣленнаго[1]. 2. На Рогачикѣ хотѣлъ было устроить мостъ и переправу Запорожскій козакъ Каневскаго куреня *Петро*

[1] См. въ приложеніяхъ документъ о торговлѣ.

Носенко, и о томъ просилъ ханскаго ярлыка, но тотъ же каймаканъ въ Августѣ 1764 г. отвѣчалъ Кошу, что: «Его Св. Государь нашъ Ханъ, для слѣдующихъ въ Крымъ за солью козацкихъ возовъ переправы чрезъ Рогачикъ (Иргачикъ) дозволилъ уже построить мостъ и просилъ объявить всѣмъ промышленникамъ, чтобы они безъ всякаго *сумнительства* (опасенія) въ Крымъ слѣдовали, ибо Ханъ того желая, запретилъ даже брать съ нихъ какіе либо перевозные сборы».

Мы уже не разъ говорили о бывшемъ у Запорожцевъ обыкновеніи, при всякой посылкѣ депутатовъ по войсковымъ дѣламъ, или даже просто за жалованьемъ, отправлять къ Малороссійской старшинѣ и Русскимъ вельможамъ и духовенству учтивыя письма съ *приложеніями*, т. е. гостинцами. Истощивъ всѣ возможные подарки, вздумали они въ 1758 г. съ своими депутатами послать въ Петербургъ 30 верблюдовъ. Вѣроятно этотъ подарокъ очень понравился, когда находимъ, что въ началѣ 1762 г. гетманъ графъ Разумовскій просилъ Запорожскую старшину купить ему въ Крыму *бѣлыхъ* верблюдовъ, что считалось большою рѣдкостью. Кошъ послалъ съ гостинцемъ къ Перекопскому каймакану своего полковаго старшину и толмача *Григорія Швыдкаго*, котораго письма въ Кошъ по сему предмету такъ любопытны, что одно изъ нихъ приведемъ здѣсь для образца:

Перекопъ. 8 Мая 1762 года. «Въ Бакчисараѣ я у хана былъ, и о покупкѣ верблюдовъ дозволительное письмо, также чтобъ у башты ничего не брато, далъ каймакану Перекопскому. Для чего я нанявши Татарина знаючаго, который можетъ по Русски говорить и гдѣ по степу верблюды есть, знаетъ водить, ѣздилъ, только сильно съ трудностью бѣлыхъ верблюдовъ найтить, потому, хотяй гдѣ и найдешь хорошую бѣлую верблюдиху зъ лошатею, оной не продаютъ; въ другомъ мѣстѣ старую, въ третьемъ худую, якіе весьма не годятся, хотя у нихъ и лошата есть. Ещежь случаются яловые безъ лошатъ Я приторговалъ одну бѣлую верблюдиху зъ гнѣдымъ лошомъ за 30., другую бѣлую съ бѣлымъ *назимкомъ* 50 руб., *огиръ* (жеребецъ-верблюдъ) бѣлый 40 руб Въ третьемъ мѣстѣ бѣлыхъ двѣ верблюдихи зъ дѣтьми, у едной бѣлое, у другой бурое, которыхъ я сегодня отъѣхалъ торговать и оные сторговавши, буду ѣздить потоль, пока до полнаго числа не съищу».

Бывали примѣры, что Запорожцы и другіе «ватажа̀не», собравшись въ партіи на Бугѣ, Ингулѣ и Днѣпрѣ, довольствуясь кошевыми паспортами, которые имъ выдавались на свободное пребываніе въ войсковыхъ *вольностяхъ* (т. е. земляхъ), плыли въ Турецкія границы или шли къ Калміусу на рыбныя ловли и другіе промыслы. Крымскіе, а особенно Ногайскіе мурзы, узнавъ о томъ и не видя формальныхъ билетовъ, выдаваемыхъ въ Никитинѣ, разныя имъ дѣлали притѣсненія, грабительства, а иногда захвативъ въ плѣнъ, Туркамъ какъ *ясыръ* (невольниковъ) про-

вали для употребленія на галеры и крѣпостныя работы. Однажды число такихъ несчастныхъ дошло до 100 ч. Кошъ сильно за нихъ вступился, но ханъ *Максудъ-Гирей* ничего даже на письма не отвѣчалъ. Между тѣмъ въ 1768 г. ханъ былъ сверженъ, знаменитый наѣздникъ Крымъ-Гирей-Ханъ вступаетъ на престолъ, и по его повелѣнію, Салихъ-Ага пишетъ къ кошевому Калнишевскому, что онъ по волѣ хана Перекопскимъ каймаканомъ опредѣленъ и получилъ «письменное высокое повелѣніе, чтобы находящихся въ Крыму (задержанныхъ): купечество, солевозовъ и козаковъ, опредѣля къ нимъ для безопасности отъ Ногаевъ конвой, чрезъ *Ногай* (т. е. Ногайскія земли) провесть даже до границы и на ту сторону (Днѣпра) въ цѣлости благополучно переправить и вручить г. кошевому. И чтобы такимъ образомъ и кошевой Крымскихъ людей въ границу возвратилъ, выдавъ имъ писаніе о полученіи своихъ людей. По которому высокому повелѣнію находящіеся въ Перекопѣ купцы и прочіе козаки переписаны въ реестръ, съ провожатыми посылаются, уповая притомъ на милость Божію, что они благополучно отведены будутъ и въ цѣлости получены. Письмо это оканчивается слѣдующимъ образомъ: «Если въ вашей сторонѣ есть какой-либо товаръ или наши люди, то надѣюсь такимъ же образомъ къ намъ провожены будутъ».

Другую сухопутную или караванную торговлю

Запорожцы вели съ Поляками. Извѣстно, что до 1784 г., т. е. манифеста о свободной торговлѣ съ Польшею чрезъ Херсонъ, а тѣмъ болѣе до открытія Одесскаго порта, Поляки весь свой хлѣбъ и другіе земледѣльческіе продукты посылали въ Данцигъ или Ригу, а часть изъ южныхъ только провинцій, т. е. Брацлавскаго воеводства и Уманьщины, вооруженными караванами, отправлялись чрезъ Балту и Ногайскія степи въ Очаковъ, Хаджибей и Аккерманъ, или когда съ Запорожьемъ были въ дружескихъ отношеніяхъ, то въ Гардъ на Бугѣ и оттуда въ Сѣчь. Но порожніе возы *(мажи)* чумацкіе изъ Польши, ежегодно цѣлыми тысячами ходили за солью въ Крымъ или за рыбою на Днѣпровскія низовья и на Донъ; а тѣмъ уже Запорожья миновать нельзя было. Естественно, пограничные старосты-помѣщики, чрезъ своихъ губернаторовъ, заводили дружескія связи съ Кошемъ, и такимъ образомъ если не ласкою, то взаимными выгодами пріобрѣтали ихъ покровительство не только въ степяхъ Запорожскихъ, но даже и въ Крыму, хотя они имѣли тамъ своего консула[1] и не разъ посылали политическихъ агентовъ съ подарками ханамъ. Когда такія ватаги доходили до Запорожскаго рубежа, т. е впаденія Синюхи въ Бугъ, гдѣ въ половинѣ XVIII столѣтія

[1] Въ 1736 году Польскимъ консуломъ былъ дворянинъ *Лявровскій;* онъ спасъ тогда нѣсколькихъ Запорожцевъ отъ каторги.

Потоцкіе устроили мѣстечко *Бугополь* или *Богополь*; — то атаманъ чумацкій являлся съ письмомъ у Русскаго коменданта и просилъ о позволеніи идти къ *Гарду* для переправы чрезъ Бугъ. Въ Гарду ватаги переходили рѣку, заплативъ за перевозъ и просили о дачѣ провожатаго до Никитина или до Кодака. Ихъ просьба исполнялась. Всякая ватага, переѣхавъ Бугъ, подъ прикрытіемъ Запорожскаго отряда направлялась къ р. Мертвымъ-Водамъ, а оттуда смѣнясь провожатыми Ингульской паланки, доходила до Никитина, если шла въ Крымъ, или до Кодаку, если слѣдовала на Донъ за рыбою. За то платили въ кошевой скарбъ 8 руб. до Никитина и 10 руб. до Кодаку, и давали небольшой *ралецъ* (подарокъ) своимъ путеводителямъ. Видно, что такое странствованіе было покойно и безопасно, когда злѣйшіе враги Запорожцевъ Поляки, даже духовные отдаютъ имъ справедливость. Такъ въ книгѣ, напечатанной въ Вильнѣ въ 1840 году подъ заглавіемъ *Русалка*, помѣщенъ отрывокъ изъ *Записокъ Литовскаго дворянина*, который, средп безконечныхъ нелѣпостей о Запорожскихъ козакахъ, разсказываетъ о мнимой поѣздкѣ въ 1768 г. нѣсколькихъ Поляковъ, посылланныхъ въ Запорожье и Крымъ, отъ Барскихъ конфедератовъ для возбужденія козаковъ и Татаръ противъ Россіи[1]. Перебравшись за ру-

[1] *Rusałka* wydana p. *Alexandra Karola Groz*ę. Wilna, 1840 стр. 121, 122 и 124. Въ главѣ: «*Pamiętniki Starego Szlachcica Litewskiego*»,

бежъ Брацлавскаго воеводства, вошли они въ Запорожскія степи, гдѣ были уже основаны пограничные Ново-Сербскіе шанцы и такъ достигли рѣчки Кагарлыка. Дальнѣйшій путь свой такъ они описываютъ: «Отъ Кагарлыка еще два дня шли мы открытою степью, не видя ни пригорковъ, ни деревьевъ, только безмѣрную равнину, похожую на спокойное море. Изрѣдка находили мы курганы, какъ бы въ нѣкоторомъ порядкѣ стоявшіе; эти могилы служатъ козакамъ для учрежденія пикетовъ (czat) и для указанія пути въ зимнія мятели. Такимъ образомъ достигли мы по безлюдной пустынѣ *Гарду* на Бугѣ, гдѣ начинались уже владѣнія Сѣчевыхъ козаковъ. Тамъ между скалами устроены были *язы*, т. е. *коши* изъ плетня (Гардъ) для лова рыбы; мы нашли тамъ асаула, командующаго вмѣсто полковника, уѣхавшаго въ Сѣчь. Онъ насъ хорошо принялъ и въ провожатые далъ своего козака Запорожскаго, которому вручилъ желѣзную палицу (перначь) съ острыми шипами на верху. Наши (Уманскіе) козаки намъ объяснили, что видъ этой палицы будетъ для насъ достаточнымъ покровительствомъ, и что хотя Запорожцы и склонны къ разбоямъ, но путешествіе съ такою палицею совершенно безопасно; что Кошъ заключилъ съ Уманскою и

которыя какъ слышно уже изданы особо, но за границею и отъ того не удалось намъ ихъ видѣть.

и Смилянскою экономіями такое условіе, присягою утвержденное, что впредь Запорожцы Польши грабить не будутъ, но что имъ будетъ позволено съ кошевыми пашпортами ѣздить для торговли въ Умань, Смилу и другія имѣнія Потоцкихъ и князей Любомірскихъ, и что взаимно людямъ этихъ помѣщиковъ вольно будетъ ѣздить и торговать въ Сѣчи и проѣзжая чрезъ Запорожье будутъ имъ даваемы провожатые съ упомянутымъ перначемъ». Это было говорено въ 1768 году. Но *О Китовичъ*, каноникъ Варшавской каѳедры, который въ своемъ *Описаніи обычаевъ Польши* въ XVIII столѣтіи[1], описывая борьбу Поляковъ съ гайдамаками, т. е. просто наѣздъ ихъ на Запорожье, подъ предлогомъ преслѣдованія гайдамакъ, написалъ много лжи о Запорожьи, отдаетъ однакожь справедливость въ отношеніи ихъ торговаго гостепріимства. Говоря о Сѣчи, онъ разсказываетъ, что «напитки: водка, вино и медъ продавались въ шинкахъ свободно, но водку Запорожцы любили больше всего. Всякій имѣлъ право за свои деньги пить сколько угодно, лишь бы не пренебрегалъ своими обязанностями и не нарушалъ благочинія, ибо за то жестоко былъ наказываемъ. Потому хотя въ Сѣчи жили всякого роду люди, бѣглые, апостаты отъ всѣхъ вѣръ и

[1] *Opis obyczaiow i zwyczaiów w panowanie Augusta II*, соч. X. *Kitowicza,* wydany z rękopismu przez *Edwarda Raczyńskiego*, Poznań. 1840. Ч. II, стр. 214.

проч (это пишетъ католическій священникъ), такая скромность и такая безопасность тамъ царствовала, что пріѣзжавшіе съ товарами или за товаромъ, или же по другимъ дѣламъ люди, не боялись и волоска съ головы своей потерять. Можно было на улицѣ оставить свои деньги, не опасаясь, чтобы онѣ были похищены. Всякое преступленіе противъ чьей либо личности или собственности Сѣчеваго жителя, или гостя, немедленно смертью наказывалось; отъ того всякій боясь, чтобы на него не пало подозрѣніе въ преступленіи, усердно старался объ отысканіи вора или убійцы. Тоже покровительство простиралось на тѣхъ, которые продавъ въ Сѣчи товары, или купивъ тамъ новыхъ, къ себѣ возвращались съ пашпортомъ отъ Коша. Ѣдущіе же въ Сѣчь и везущіе туда свои товары, пользовались совершенною безопасностію, лишь только достигли той грани, гдѣ начиналась Запорожская степь, т. е. *пустое поле* (puste pole), которое изъ обитаемой Украины вело къ Сѣчи Запорожской».

Послушаемъ теперь нѣсколько документовъ изъ переписки, которая по торговымъ дѣламъ происходила между Поляками и Запорожьемъ, и которую мы находили въ Запорожскомъ архивѣ. Въ Іюнѣ 1761 г. Корсунскій [1] губернаторъ (упра-

[1] *Корсунь*, древнее мѣстечко Кіевской губерніи, теперь принадлежитъ князю Лопухину.

витель) *Суходольскій* имѣлъ денежныя дѣла съ Запорожцами, которыхъ письменно никакъ не могъ окончить. По совѣту кошеваго, рѣшился самъ прибыть въ Сѣчь. Но изъ предосторожности поѣхалъ прежде въ крѣпость Св. Елисаветы на ярмарку и оттуда отправилъ въ Кошъ своего посланца, прося прислать ему для безопасности въ пути войсковаго *пернача*. Кошевой немедленно отвѣчалъ: «По вашему письменному отзыву перначь войсковый для знаку посылается при семъ, и Вы извольте безъ всякаго сомнѣнія въ Сѣчь Запорожскую пріѣздить, а мы съ В. В. видѣться желаемъ». (1761 г. 23 Іюня). Хитрый Ляхъ все еще колебался и не прежде пустился въ дорогу, какъ удержавъ въ кр. Св. Елисаветы заложникомъ привезшаго перначь Запорожца. Но въ пути убѣдился въ своемъ неправомъ подозрѣніи; вездѣ, въ самыхъ глухихъ степяхъ и оврагахъ, гдѣ только попадались зимовники или бродящіе Запорожцы, видъ священнаго для нихъ клейнота былъ истинною защитою для путешественника, не смотря на его *Ляцкое* происхожденіе. Вѣроятно пріемъ и угощеніе понравился Суходольскому, когда онъ по возвращеніи во свояси, послалъ кошевому въ гостинецъ шитыя рубашки и благодаря за угощеніе и перначь писалъ: чтобы козаки Запорожскіе сохранили къ нему добрую пріязнь и бывали въ Корсунской губерніи на ярмаркахъ, съ лошадьми и товарами, безъ всякаго опасенія.

Другой сосѣдъ, Лысянскій[1] губернаторъ *Андрей Кржимовскій*, приглашая равнымъ образомъ Запорожцевъ къ пріѣзду для торговли въ Лысянскую губернію, поздравляетъ кошеваго *Григорія Федорова* съ тѣмъ, что онъ умѣлъ «своевольно гультайство строго наказывать и удерживать, отъ чего теперь Польскіе помѣщики спокойно въ Польшѣ живя, Господа Бога за его добродѣтель молятъ». (1761 г. 10 Іюня). Но главнѣйшія торговыя сношенія были съ Уманскою волостью, какъ пограничною съ Запорожьемъ, а Тарговицкій губернаторъ *Яковъ Квяткѣвичь* былъ въ самой тѣсной дружбѣ съ Запорожскою старшиною. Свидѣтельница Уманскаго мятежа *Вероника Кребсъ*, оставившая такое краснорѣчивое описаніе гайдамацкихъ наѣздовъ на этотъ городъ, гдѣ отецъ ея *Рафаилъ Младановичь* былъ губернаторомъ, говоритъ, что въ ея время (1756-1768) Запорожцы пріѣзжали въ Умань съ лошадьми, рыбою и солью, и много денегъ зарабатывали, но добытое не долго сохраняли; — все издерживалось на пиршества, напитки, музыку, бандуристовъ. Уманскій помѣщикъ, знаменитый богатствомъ и гордостію графъ Францъ Салезы Потоцкій, наслѣдовавшій всѣ почти вотчины и земли въ этомъ

[1] *Лысянка* мѣстечко, укрѣпленное въ XVII столѣтіи Кіевскимъ воеводою *Даниловичемъ*, принадлежитъ князьямъ Яблоновскимъ, извѣстное теперь по своимъ желѣзнымъ минеральнымъ водамъ (Кіев. губ. Звенигор. уѣзда).

краѣ знаменитыхъ родовъ: Калиновскаго и Сѣнявскаго, по проэкту Младановича и его тестя полковника и коменданта Уманскаго *Горжевскаго*, отстроилъ вновь этотъ городокъ, укрѣпилъ его и завелъ въ немъ ярмарки, болѣе полъ-столѣтія славившіяся въ томъ краѣ. Зная выгоды, которыя получала Украина, а еще болѣе его волости отъ торговли съ Запорожьемъ, Потоцкій старался снискать дружбу Коша, а потому послалъ своего чиновника въ Сѣчь съ гостинцемъ и письмомъ къ кошевому Григорію Федорову. Въ этомъ посланіи, поздравивши его съ успѣхами въ управленіи войскомъ и уничтоженіи гайдамакъ, о будущихъ торговыхъ взаимныхъ между ими сношеніяхъ говоритъ слѣдующее: «Какъ въ наслѣдственной моей вотчинѣ Умани, по Высочайшему королевскому соизволенію и моимъ стараніемъ возобновлены торги и ярмарки, съ предоставленіемъ разныхъ преимуществъ торговцамъ всѣхъ пограничныхъ націй, то и прошу Васъ, ясневельможный пане, цѣлому Кошу обьявить, чтобы Запорожцы, которые обыкновенно въ Польшу ѣздятъ по торговлѣ съ лошадьми, скотомъ, воскомъ, саломъ, мѣхами и другими товарами, отправлялись за вашими паспортами въ Умань на ярмарки; откуда, еслибы тамъ своихъ продуктовъ не распродали, могутъ съ паспортами управителя моего Уманскаго имѣнія, пускаться и дальше». (1762 года 18 Мая). Преиму-

щества, дарованныя промышленникамъ въ Умани такъ важны и такъ замѣчательны здравыми понятіями о государственномъ хозяйствѣ ихъ сочинителей, что мы сочли долгомъ нашимъ сообщить ихъ читателямъ въ своемъ мѣстѣ [1].

Но говоря о торговлѣ сухопутной или караванной, нельзя не упомянуть о классѣ людей, безъ котораго эта торговля никогда существовать не могла. Мы говоримъ о *чумакахъ*. Имя ихъ произошло отъ обыкновенія, которое эти люди имѣли, отправляясь въ наши степи, погружать свое бѣлье и платье въ деготь, для предосторожности отъ чумы. Чумаки съ ихъ волами, въ тѣ печальныя для безопасности времена, да и теперь, столь же важны для нашихъ степей, какъ верблюды въ песчаномъ океанѣ Аравіи. Только они одни могли имѣть терпѣніе руководить въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, такимъ скотомъ какъ волы, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, трудностямъ, лишеніямъ и потерямъ. Лишившись своей *худобы*, *ватажанинъ* терялъ все, и изъ *важнаго чумака* дѣлался *бурлакомъ* бездомнымъ. Въ прежнее время они составляли какъ бы особый классъ людей, въ простомъ народѣ особенно уважаемый за ихъ честность, неустрашимость и глубокія познанія въ географіи; они одни знали тогда, гдѣ идетъ

[1] См. въ приложеніяхъ.

знаменитый *Шпаковый шляхъ* [1] или *Муравская дорога*. Пока не доходили до рубежа степей, они *гуляли* и пировали, но перешагнувъ за эту *черную* (опасную) грань, чумакъ дѣлался какъ бы героемъ степи, поборникомъ гайдамакъ-бедуиновъ, чумы, засухи, иногда голоду и жажды, а паче всего злости враговъ: Татарскихъ Мурзъ и Ногайцевъ. Чумаки имѣли во всякой ватагѣ атамана, котораго повозка шла впереди; онъ указывалъ дорогу неопытному, онъ опредѣлялъ дневныхъ и ночныхъ сторожей для скота и распоряжался днемъ и часомъ ѣзды и отдыха. Одинъ чумакъ былъ и *кухаремъ*, т. е. кашеваромъ, и на его возу торчалъ шестъ съ тремя ножками и желѣзный казанъ, — символы его званія. Добрый чумакъ имѣлъ всегда рушницу и *спису* для защиты отъ врага; въ случаѣ набѣга Ногайцевъ или гайдамакъ, чумаки становили изъ возовъ таборъ, который столь же трудно было взять, какъ и укрѣпленный лагерь. Польскіе историки мало боялись конныхъ Запорожскихъ и Малороссійскихъ козаковъ, но считали ихъ непобѣдимыми въ *таборѣ*. На возу атамана сидѣлъ старый пѣтухъ,

[1] По мнѣнію Подольскаго помѣщика Черномскаго, этотъ путь названъ *Шпаковымъ-Шляхомъ* въ память одного ватажка Гайдамакъ *Ивана Шпака*, посаженнаго на колъ въ 1730 годахъ, въ Польшѣ, по суду Винницкаго *гроду* (суда). Онъ проходилъ отъ Балты на Бершадъ и проч. и тѣмъ замѣчателенъ, что тянулся по степямъ и долинамъ, избѣгая горъ, рѣкъ, овраговъ и даже селъ.

чтобы безошибочно будить усталыхъ ватажа̀нъ, лишь только солнышко проглянетъ *съ того свѣта*. Послушайте въ народѣ Украинскія пѣсни; на 100 думъ вѣрно будетъ 80 о чумакахъ, 10 о любви, а остальныя о гайдамакахъ. Вотъ пѣснь о чумакѣ, который въ пустынѣ, на степи, далеко отъ родины умираетъ:

«Сыдитъ чумакъ межъ возами
Та на визъ похилывся;
Ой правенькою та рученькою,
За серденько ухватывся.
Ой вы чумаченьки, ой вы молоденьки, зробить мою волю,
Прійдите, попа приведите, поговорить зо мною.

Вы чумаченьки, вы молоденьки,
Вы гожи и пригожи,
Зробите свому чумакови домовину зъ рогожи.

Вы чумаченьки, вы молоденьки,
Учинить тую славу,
Выкопайте сіому чумакови глыбокую яму.

Волы мои сивы, половые,
А тонки у васъ роги,
Сходыли вы съ чумако́мъ, вси Крымски дороги». —

Другая пѣснь говоритъ о путешествіи на Донъ:

«Ходывъ чумакъ симъ годъ на Дону
Та не було пригодины николы ему»...

Но чума его застигла, товарищи бросили его на степи, только волы его не оставили:

«Ой ревутъ волы мои стоячи въ ярми...
Поховалы чумака въ чужой сторони».

Вотъ еще одна пѣснь, гдѣ упоминается о походахъ въ Крымъ:

«Чумаче, чумаче! що не сіешь не орешь,
Що не рано зъ Крыму йдешь?» —
— «Я сію, я ору, я рано зъ Крыму иду,
Всихъ чумаченькивъ веду»...

Теперь перейдемъ на минуту къ торговлѣ внутренней. Она производилась съ Малороссіею, а послѣ съ Ново-Сербіею. Малороссійскіе товары были тѣже, что и Польскіе, но главнѣйшими были водка и всѣ вообще съѣстные припасы, также рыболовныя сѣти, нитки на неводы, табакъ, полотно, простыя сукна и ковры. Они вымѣнивались на соль, если Украинскіе купцы не пускались сами въ Крымъ, или на Турецкіе товары, т. е. бакалію и вино, а еще болѣе на овечью шерсть и смушки, или продавались за деньги, ибо Запорожцы считались очень богатыми. Товары приходили или сухимъ путемъ чрезъ чумаковъ, или по Днѣпру отъ Переволочны или даже Кременчуга, спускаясь до перваго порога. Здѣсь въ половодье пловцы отдавали судьбу свою и своего груза въ руки Запорожскихъ лоцмановъ, извѣстныхъ своею отвагою, искуствомъ и усердіемъ. Эти люди среди скалъ, кипячихъ волнъ разъяреннаго Днѣпра, съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ, перекрестясь, пускались съ огромными дубами или плотами въ самый центръ пучины, и если не погибали сами, то вѣрно судно или плотъ ими

управляемый, доходилъ въ цѣлости до самыхъ Кичкасъ[1], даже до Сѣчи, которая была уже *за порогами*. Надобно видѣть Ненасытенскій порогъ въ концѣ Апрѣля или даже въ Маѣ, чтобы судить объ искуствѣ и самоотверженіи этихъ лоцмановъ. Кошъ избиралъ ежегодно изъ лучшихъ козаковъ Кодацкаго вѣдомства въ лоцманы, давалъ имъ атамана и за эту службу они отъ всѣхъ повинностей освобождались на все время нахожденія ихъ на порогахъ. Лучшіе изъ нихъ жили съ семействомъ въ с. Каменкѣ, близь нынѣшняго Екатеринослава и отъ того ихъ усадьба прозвана *Лоцманскою-Каменкою*.

Въ послѣдствіи, торговлѣ съ Малороссіею дѣлали большое препятствіе таможни, учрежденныя въ Кременчугѣ и Переволочнѣ, и объ освобожденіи отъ оныхъ многократно хлопотали Запорожцы. По волѣ Императрицы Елисаветы, указомъ 1755 г. 28 Апрѣля, сдѣланы были имъ значительныя облегченія на счетъ свободнаго и безпошлиннаго пропуска съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ въ Сѣчь, но въ 1760 годахъ опять тѣже запрещенія возобновлены, такъ, что еще съ 1768 г. находимъ новыя ходатайства ихъ чрезъ депутатовъ о томъ же предметѣ.

Съ крѣпостью Св. Елисаветы начались сно-

[1] Урочище *Кичкасы* находится у Хортицкаго острова, на Днѣпрѣ, близъ г. *Александровска* (Екатер. губ.).

шенія по торговлѣ съ 1754 г.; но тамъ никогда Запорожцы дружбы и покровительства не находили. Новосербцы, ближайшіе сосѣди Запорожцевъ, поселенные на ихъ землѣ и желая пріобрѣсть болѣе и болѣе частей богатаго края, съ которымъ граничили, нарочно смѣшивали ихъ съ бродягами и гайдамаками и ежегодно тысячи жалобъ посылали въ Петербургъ. Хотя мы находимъ, что на ярмарки при кр. Св. Елисаветы Запорожцы и ѣздили, но по всему видно, что они этого рынка не считали для себя выгоднымъ и объ ономъ не заботились, когда во всѣхъ бумагахъ Запорожскихъ находимъ одни споры и самую непримиримую вражду Словенскихъ поселеній къ первообитателямъ степей Запорожскихъ.

Чтобы дополнить картину Запорожской торговли, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о другомъ образѣ торговли внутренней, о торговлѣ *розничной* въ самой Сѣчи и Запорожьи. Но объ этомъ предметѣ имѣемъ слишкомъ мало подробностей, а потому сообщимъ все, что знаемъ. Главнымъ рынкомъ мѣлочной торговли былъ *городъ* или *базаръ* Сѣчи, т. е. предмѣстіе самаго Коша, гдѣ былъ базаръ *Крамной*, т. е. гостинный дворъ и лавки, принадлежавшія войску и чужимъ людямъ. Это называлось *Гассанъ-Башею* отъ воротъ сего имени. Тамъ почти всякій курень имѣлъ или шинокъ или заѣзжій дворъ или лавку (будку), построенныя на *куренную* сумму и доходъ котораго

поступалъ въ скарбницу куреня. Другіе такіе базары были въ с. *Камянномъ* (о которомъ сказано было выше) въ Ингульской паланкѣ. Въ одномъ документѣ находимъ, что въ 1763 г. онъ былъ постояннымъ базаромъ для *заграничныхъ* людей, а въ 1755 г. Кіевскій вице-губернаторъ Г. М. Костюринъ спрашивалъ у Коша объясненія, гдѣ находится это с. *Каменное*, ибо онъ узналъ «что противъ этой *заставы* (т. е. пограничнаго поста) козаки, съ позволенія кошеваго и куренныхъ атамановъ, наполнили семь погребовъ льдомъ, дабы лѣтнее время быть въ тѣхъ Татарскихъ мѣстахъ базару и кузницамъ». Еще бо́льшій базаръ, какъ мы сказали выше, былъ въ Никитинѣ, а меньшіе для одной рыбной торговли на р. Калміусѣ и въ Гарду. О торговлѣ въ самой Сѣчи имѣемъ еще два любопытныя свѣдѣнія. Одно въ наказѣ депутатамъ 1768 г., гдѣ въ § 10 сказано: «Къ Запорожскимъ козакамъ Татары пріѣзжая въ Сѣчь, привозятъ: эпанчи (бурки, *вильчуры*) сѣдла, стрѣлы, луки, стремя, сабли, удила и прочее къ козачей надобности способное, и у козаковъ Запорожскихъ, по зимовникамъ, за оные привозные свои товары вымѣниваютъ, или за бешлыки (*бешлыкъ* 2 р. 50 к. ас.) покупаютъ себѣ для пищи старыя и вовсе къ ѣздѣ неспособныя лошади и рогатую такую жъ скотину». Другое свѣдѣніе состоитъ въ упоминаніи *о купеческомъ, базарномъ правильномъ судѣ* въ Сѣчи. Въ жалобѣ Стародубовскаго купца *Фе-*

дора Попова раскольника, 1 Сентября 1752 г. поданной кошевому *Павлу Иванову*, на обманъ бывшаго въ Сѣчи «*въ каморѣ* сидѣльца Великороссійскаго купца *Петра Крылова*»; кошевой по своему разсужденію и «по базарному, купеческому правильному суду», присудилъ виновнаго заплатить просителю должныя ему деньги, но какъ денегъ у него не было, то присуждено взять у него $2^1/_2$ куфы (бочки) водки и старый его въ сѣчевомъ базарѣ дворъ и вольною цѣною продать. Этотъ документъ еще любопытенъ и тѣмъ, что доказываетъ справедливость нашего мнѣнія на счетъ собственности, которую могли имѣть внѣ Коша и чужіе люди, по торговлѣ въ Запорожьи живущіе. На базарѣ также пребывалъ Запорожскій старшина надсмотрщикъ надъ вѣсами и мѣрами и вмѣстѣ сборщикъ платы въ пользу кошеваго скарбу: онъ назывался войсковымъ *Кантаржеемъ*[1]. Онъ также назначалъ цѣну, по которой напитки въ Сѣчи и внѣ оной должны были продаваться по шинкамъ и погребамъ, не только чужими, но и Запорожскими промышленниками.

Наконецъ должно еще сказать, что съ 1764 г., т. е. съ учрежденія Новороссійской губерніи, придумана была мѣра, весьма вредная для Запорожской промышленности, хотя по тогдашнимъ

[1] *Кантаръ*, Турецкое слово, значитъ вѣсы. *Кантарджи*, надсмотрщикъ вѣсовъ.

понятіямъ о государственномъ кредитѣ считавшаяся полезною для Россіи. Упомянутый выше Русскій консулъ въ Крыму преміеръ-маіоръ Никифоровъ, мало свѣдущій въ торговлѣ, донесъ правительству, что чрезъ Запорожскую торговлю большое количество серебренной и золотой монеты выходитъ въ Крымъ и Турцію и предложилъ сдѣлать запрещеніе на вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ. Въ Петербургѣ сдѣлали еще больше: съ 1764 повелѣно въ Запорожьи выдавать Царское жалованье мѣдными деньгами и воспретить Малороссійскимъ купцамъ возить свои серебренныя деньги въ Запорожье, а изъ Запорожья не пускать мѣдныхъ. Это могло уничтожить всякую торговлю, ибо Татаре не брали вовсе нашей мѣдной монеты, а Запорожцы на мѣдныя деньги Украинцамъ ничего продавать не хотѣли, и еслибы таможни въ то время были столь строги и справедливы, какъ нынѣ, благостояніе Запорожья уничтожилось бы въ 2 или 3 года. Но строгая мѣра подала поводъ къ контрабандѣ деньгами, чему на Украинской линіи много способствовали гарнизоны, чисто изъ Украинскихъ козаковъ состоявшіе. Запорожцы въ 1766 и 1768 всеподданнѣйшія *заносили* на то жалобы, но ничего не успѣли. Только во время войны жалованье и награды выдавались имъ червонцами, и это было подняло на время ихъ денежные обороты; но вскорѣ и самаго Запорожья не стало.

Теперь обратимъ вниманіе наше на одну еще отрасль кошеваго благоустройства, — это на *почтовое* устройство въ Запорожьи и сообщенія его съ сосѣдями [1].

Почтовыя сообщенія въ Запорожьи, до ближайшаго на нихъ вліянія Русскаго правительства въ 1760 и 1770 годахъ, существовали на такомъ же основаніи, какъ и во всей Европѣ въ среднихъ вѣкахъ, т. е. посредствомъ гонцевъ нарочныхъ. Одна такая почта называлась у нихъ *Кіевскою*, другая *Глуховскою*: эта послѣдняя древнѣе первой. Кіевская почта доставляла имъ почти всякую недѣлю Царскія повелѣнія, ордера главныхъ начальниковъ Кіевской губерніи, письма изъ Москвы, Кіева и Польши. Ее привозили нарочные *рейтары* или даже офицеры Кіевскаго гарнизона, которые направлялись на Черкасы, т. е. Крыловскій, или же чрезъ Польскую границу на Орловскій шанецъ. Здѣсь получивъ Запорожскихъ лошадей и провожатыхъ, ѣхали въ Сѣчь, перемѣняя и тѣхъ и другихъ, если желали, по зимовникамъ Буго-гардовой или Ингульской паланки. Дача лошадей и конвоя была повинностью даже Сѣчевыхъ козаковъ, сидѣвшихъ зимовниками.

[1] Настоящія свѣдѣнія мои о почтовыхъ и торговыхъ сообщеніяхъ въ Запорожьи, напечатаны уже, хотя и не *подъ моимъ именемъ* въ *Описаніи VII Почтоваго Округа*, въ № 19 Прибавленій къ общему циркуляру по главному управленію почтъ. 1844 г., стр. 6—15.

чрезъ Черкасы, т. е. Черкасскаго и Чигринсчаго старостовъ, обыкновенно первыхъ вельможей Польскихъ, въ XVI и XVII вѣкѣ переписывалось съ Запорожьемъ Польское правительство, когда еще (до 1650) имѣло власть надъ козаками. Эти старосты считались пограничными *охранителями* (dozorcy), и должность ихъ принадлежала всегда Русскому (т. е. Червонно-Русскому) и Кіевскому воеводамъ. Изъ Глухова, а прежде изъ Батурина, чрезъ земли Полтавскаго полка пріѣзжали гонцы съ *почтою* (корреспонденціею) гетманскою и всей Украины. Сюда же приходили пакеты съ копіями Высочайшихъ грамматъ, когда гетманская власть существовала, и слѣдственно чрезъ гетмановъ Монархи сообщали Запорожью свою волю. Эта почта шла сперва на Переволочну, а съ 1730 годовъ на Козловскую крѣпость, гдѣ было пребываніе главнаго начальства Украинской линіи, слѣдственно главный карантинъ и таможня. Здѣсь съ конвоемъ ландмилицейскихъ полковъ или съ Запорожцами Самарской (а послѣ Орѣльской паланки), перемѣняя лошадей по Запорожскимъ селамъ и зимовникамъ, гонцы *добѣгали* до Сѣчи.

Такъ было въ Запорожьи до 1768 года. Въ это время по случаю конфедератскихъ смятеній въ Польшѣ и опасеній со стороны Турціи, посылаемы были безпрестанные курьеры въ Сѣчь или въ Бахчисарай къ Русскому консулу. Часто изъ

Сѣчи направлялись тайные агенты въ Крымъ и Турцію, для доставленія пограничнымъ начальствамъ и самому Двору извѣстій «о заграничныхъ обращеніяхъ». Чтобы ускорить ѣзду курьеровъ и упрочить сообщенія, рѣшились учредить постоянныя *почты*. Въ Ноябрѣ 1768 года главный командиръ Новороссійской и Кіевской губерній генералъ Воейковъ поручилъ Запорожскому Кошу учредить почтовыя *станицы* отъ Сѣчи до с. *Княжихъ-Буераковъ* или до *Жолтенкой* (Верхнеднѣпровскаго уѣзда Екатер. губ.). Г. М. Исаковъ (управлявшій Новороссійскою губерніею) учреждалъ съ своей стороны *станицы:*

1. Въ Крюковѣ (Полтав. губ.), гдѣ переправа чрезъ Днѣпръ въ Кременчугъ.
2. Въ Онуфріевкѣ (нынѣ с. гр. Толстой) Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.
3. Въ Княжихъ-Буеракахъ (или нынѣ Шарово).
4. Въ Жолтенкой, что нынѣ волость Желтая;

и на всякой станицѣ по 6 лошадей съ упряжью и проводниками.

Запорожцы съ своей стороны немедленно устроили слѣдующіе посты:

	верстъ.
1. Отъ Сѣчи до Солоной (на рѣчкѣ с. и.) .	25.
2. Отъ Солоной до Базавлука (рѣчки) до *Мостка-Церковнаго*	45.
3. Отъ Мосту-Церковнаго до мосту *Похиловскаго* (зимов.) въ р. Саксагани	25.

верстъ.

4. Изъ Саксагани отъ мосту Похиловскаго до Жолтенкой 30.

Всего 125 в.

На всякой станицѣ поставлено по 6 лошадей и 3 козака съ наставленіемъ: возить посланцевъ и почту, взимая за каждую лошадь и версту по 1 копѣйкѣ.

Въ тоже время дано знать начальству крѣп. Св. Елисаветы, что и оно свои пакеты и курьеровъ должно посылать до ст. Жолтенкой, а оттуда по дорогѣ въ Крымъ или Очаковъ, чрезъ Запорожскія почты доходить до Сѣчи. Но въ страшный наѣздъ Крымцевъ, зимою 1768–1769 г., многіе почтари были перерѣзаны, домы ихъ сожжены, лошади уведены и до весны сообщенія прекратились. Въ Мартѣ 1769 г. учреждена новая почтовая линія отъ Сѣчи до Козловской крѣпости на Линіи на слѣдующихъ станціяхъ:

верстъ.

1. Отъ Сѣчи до Чертомлыка (рѣчки) до зимовн. козака Щербиновскаго *Губы* 20.
2. Отъ «Губиного» зимовника до Каменоватой 26.
3. Отъ Каменоватой до зимовника козака Брюховецк. кур. *Кривого* на р. Камышеватой 40.
4. А оттоль въ Суру (рѣчку) до зимов. козака Платнiревскаго кур *Война* 20.
5. Отъ «Войтового» зимовника до Новаго-Кодаку. 39.
6. Отъ Новаго-Кодаку до с. Каменки (Лоцманской) 2.

Здѣсь переправа чрезъ Днѣпръ.

		верстъ.
7.	Отъ с. Каменки до Самарчика (Самарской паланки)	30
8.	Отъ Самарской паланки до зимов. козака *Петра Рябого*, у рѣчки Кильчени	45.
9.	Отъ «Петра Рябого» до слободы Лычковки на р. Орели	50.
10.	Отъ Лычковой до Козловской крѣпости .	20.
	Всего	292 в.

На всякой станціи было по 4 лошади верховыхъ и по 2 *добрыхъ* козака. Для этой службы, особенно по случаю войны вызывали охотниковъ и имъ, кромѣ платы за лошадь и версту по 3 деньги, выдавалось еще особое жалованье изъ армейскихъ суммъ.

Кошевое начальство возстановило свою Кременчугскую почту, т. е. дорогу отъ Сѣчи до Крюкова на слѣдующія точки:

		верстъ.
1.	Отъ Сѣчи до Чертомлыка	20.
2.	Отъ Чертомлыка до Каменоватой	20.
3.	Отъ Каменоватой до зимовн. козака Переяславскаго кур. *Литвина*	46.
4.	Оттоль до Сурскаго мосту	20.
5.	Отъ Сурскаго мосту до Кодаку	19.
	Итого	125 в.

Отсюда же по указанному выше тракту можно, переправясь чрезъ Днѣпръ, доѣзжать до Украинской Линіи.

Для соединенія же съ начальствомъ Новороссійской губерніи, котораго часть пребывала въ Кременчугѣ, а другая часть въ крѣпости Св. Елисаветы, почтовыя сообщенія отъ Сѣчи направлены были до Стараго-Кодаку, а туда шли уже почтовые станы Елисаветградскаго Пикинернаго полку. Эта дорога шла на:

1. Крюковъ, 2. Каменку (Александр. уѣзда), 3. Зимунь, 4. Тройницкую,	Роты желтаго Гусарскаго полка.
5. Мишуринъ-Рогъ, 6. Пикинерскую-Каменку, 7. Бородаевку, 8. Домоткань, 9. Пушкаревку,	Роты Еливетградскаго Пикинернаго полка.

Отъ Пушкаревки до Кодаку въ Запорожьи только 25 верстъ. На этихъ станціяхъ дано предписаніе:

«Отправляемыя письма и курьеровъ отъ мѣста до мѣста возить незамедля, а отправлять какъ скоро письма получатся, а курьеры прибудутъ, — безостановочно: письма чрезъ воинскихъ служителей, а въ случаѣ неимѣнія чрезъ обывателей, а курьеровъ на обывательскихъ лошадяхъ». (6 Мая 1769).

Въ 1770 году на всѣхъ учрежденныхъ станціяхъ поставлены были смотрители изъ войсковыхъ канцеляристовъ для записыванія подороженъ и

пакетовъ, за чѣмъ наблюдали и самыя паланки, ибо видимъ въ рапортѣ Кошу Самарскаго полковника *Еремѣя Васильева* слѣдующую отмѣтку: «Конвертъ надписанный къ Е. С. главнокомандующему 2 арміи графу П. И. Панину, — у котораго въ возкахъ по почтамъ надпись истерта, однако прочитать можно, печать же цѣлая, отъ здѣшней паланки въ новый конвертъ же запечатанъ и отправленъ. А явившійся въ томъ виновнымъ козакъ *Герасимъ Сава* за сыскомъ его имѣетъ быть на страхъ другимъ впредь, безпослабно наказанъ». (13 Апрѣля 1770).

Въ 1771 году по случаю усилившихся военныхъ дѣйствій, особенно Крымской экспедиціи князя В. Долгорукаго, въ которой и Запорожцы дѣятельно и храбро участвовали, явилась нужда умноженія почтовыхъ линій. Кошъ учредилъ кромѣ бывшихъ уже станціи, новыя въ Самарской паланкѣ для соединенія Сѣчи съ постомъ Запорожскимъ у «Барвиничной-стѣнки» на р. Кильчени:

1 Въ урочищѣ Жуковскомъ,
2. Въ Богдановыхъ.
3. На устьѣ р. Опалихи, въ зимовнику атамана Звоневскаго куреня *Шрама*,
4. На р. Кильчени въ «Барвиничной-стѣнкѣ», близь зимовника *Петра Рябого*.

На всякой станицѣ опредѣлено по 5 пароконныхъ козаковъ съ фуражемъ и провіантомъ на

3 мѣсяца. Въ Мартѣ 1772 г. сильное наводненіе р. Самары принудило измѣнить эту линію и поставить станціи въ слѣдующихъ урочищахъ:

1. У *Сороковыхъ-Могилъ*, близь «Попасныхъ-буераковъ» (недалеко отъ Кодаку).
2. На р. Малой-Терновкѣ, гдѣ зимовникъ войсковаго писаря *Глобы* [1].
3. На устьѣ рѣчки Опалихи, у *Шрамоваго броду*.

И на нихъ по 6 козаковъ и по 12 лошадей.

Въ 1774 г. сдѣлана была ревизія и формальное *росписаніе* женатыхъ обитателей Запорожскихъ или какъ это называлось: «тяглыхъ и могущественныхъ хатъ» въ паланкахъ, изъ котораго опредѣлена была почтовая повинность на весь почти годъ. Изъ этого документа видимъ, что всѣхъ такихъ хатъ (избъ) въ 4-хъ Запорожскихъ паланкахъ было 1,912 въ слѣдующей пропорціи:

I. Въ *Кодацкомъ* вѣдомствѣ (кромѣ базара Сѣчи) было	184 хаты.
И давали они почтовыхъ козаковъ на станціи:	
1. Въ Новомъ-Кодакѣ 3.	
2. На р. Сурѣ, на мосту 3.	
3. » Комышеватой, въ зимовнику *Олексы Кривого* 3.	

[1] На этой рѣчкѣ въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатер. губ. есть до сихъ поръ селеніе *Глобово*.

4. » Сѣчи 1.
5. » Зимовнику козака Деревяновскаго *Росколупы* 3.

13.

II. Въ *Самарскомъ* вѣдомствѣ хатъ . . 891.

Онѣ давали почтовыхъ козаковъ на станцiи:

1. При Самарской паланкѣ 30.
2. При р. Кильченн, близь зимовника *Петра Рябого*, что въ *Барвиничной-стѣнкѣ* 4.
3 Въ «Сороковыхъ-могилахъ» . . 2.
4. На р. Малой-Терновкѣ 2.
5. На р. Опалихѣ 2.
6. На р. Каменоватой 3.
7. На р. Чертомлыкѣ ⎫ Кодацкой . . 3.
8. Въ Никитинѣ ⎭ паланки. . . 3.
9 Въ с. Камянкѣ (въ Мѣловомъ) за границею 7.

60.

III. Въ *Протовчанскомъ* вѣдомствѣ хатъ 501.

Онѣ давали почтовыхъ козаковъ на станцiи:

1. Въ Сѣчи 3.
2. На р. Протовчи, гдѣ паланка . 20.
3. Въ Камянкѣ, близь зимовника г. кошеваго 10.

33.

IV. Въ *Орѣльскомъ* вѣдомствѣ хатъ . . . 336.

Онѣ давали почтовыхъ козаковъ на станціи:

1. Въ Сѣчи 2.
2. При паланкѣ въ Орели 20.

22.

А всего 128 козаковъ съ 256 лошадьми Въ эту ревизію не помѣщались хаты козаковъ не женатыхъ и *бурлацкія*, т. е. одинокіе (пѣшіе).

Въ Маѣ того-же 1774 году учреждена новая линія почтовыхъ станцій отъ р. Синюхи, т. е. Польской границы до Никитина. Онѣ расположены комендантомъ Екатерининскаго или Орловскаго шанца (нынѣ Ольвіополь) полковникомъ *Колюпановымъ* и поручены прапорщику Павичу въ слѣдующихъ мѣстахъ:

	Число		
	козак.	лошад.	верстъ.
1. Отъ Екатерининскаго шанца до уроч. (р.) Корабельной . .	6.	6.	25.
2. Отъ р. Корабельной до уроч. Гарбузиного	6.	6.	25.
3. » Гарбузиного до р. Мертвыхъ-Водъ	6.	6.	25.
4. » р. Мертвыхъ-Водъ до вершины «Мертвой» . .	6.	6.	25.
5. » Вершины «Мертвой» до уроч. Бобринца	6.	6.	25.
6. » уроч. Бобринца до р. Ингула	6.	6.	25.

		Число.		
		козак.	лошад.	верстъ.
7. Отъ	р. Ингула до р. Ингульца	7.	7.	30.
8. »	р. Ингульца до рѣчки Саксагани	7.	7.	40.
9. »	р. Саксагани до р. Каменки	6.	6.	25.
10. »	р. Каменки до р. Солоной (впадающей въ Базавлукъ) до мосту	7.	7.	30.
11. »	мосту на Солоной до рѣчки Чертомлыка	6.	6.	30.
12. »	р. Чертомлыка до Никитина	7.	7.	20.
	Итого	76.	76.	375.

Иногда военныя обстоятельства были причиною того, что Кошъ дѣлалъ нѣкоторыя отступленія отъ принятыхъ разъ правилъ, что весьма рѣдко случалось въ Запорожьи. Напримѣръ: 1) въ 1774 году осенью, женатые козаки такъ были изнурены и разорены всякаго рода повинностями, что для поддержанія почтовыхъ сообщеній, войско опредѣлило, чтобы и Сѣчевики, т. е. *товариство*, обыкновенно изъятое отъ всѣхъ повинностей, косило сѣно для прокормленія почтовыхъ лошадей въ теченіе зимы. 2) Хотя опредѣлено было взимать прогоны съ курьеровъ и проѣзжихъ, чужихъ и своихъ, но бывали примѣры освобожденія отъ этого платежа. Вотъ одинъ изъ нихъ:

«Свидѣтельство.

«Войска Запорожскаго Низоваго полковой старшина *Иванъ Полонскій*, отправленъ отъ Коша войска Запорожскаго въ Малороссійскій городъ Полтаву, къ Е. С. главнокомандующему 2-ю арміею князю В. М. Долгорукому, по войсковымъ дѣламъ, которому, дабы вездѣ въ Запорожскихъ мѣстахъ, по станамъ почтовымъ по двѣ подводы давано было, въ оба пути, безъ взиманія ничего прогоновъ и малѣйше, для того ему Полонскому сіе свидѣтельство дано». Въ Кошѣ 1771 Февраля 13.

По окончаніи кампаніи, когда силою оружія и трактатовъ, крѣпости Турецкія Кинбурнъ, Керчь, Еникале, Таганрогъ и Азовъ перешли во владѣніе Россіи, въ 1775 г. графъ Румянцовъ-Задунайскій приказалъ Кошу: учредить для сообщенія 2-й арміи съ войсками, расположенными у Кинбурна, 7 почтовыхъ станцій — направляя ихъ со стороны Запорожья до Никитина и продолжая до роты *Верблюжки* (на рѣчкѣ с. и.), откуда пойдутъ станціи Новороссійской губерніи. Станціи Запорожскія были:

1. Въ слободѣ Петровой,
2. » Водяной,
3. » Саксагани,
4. » Каменкѣ,
5. » Базавлукѣ,
6. » Чертомлыкѣ,
7. » Никитинѣ.

Командовавшій въ это время войсками расположенными въ Новой Россіи князь А. А. Прозоровскій, извѣстивъ Кошъ, что упомянутая линія будетъ по распоряженію Румянцова продолжена до самаго Кременчуга, требовалъ, чтобы на всякомъ стану было по 10 надежныхъ лошадей и 10 козаковъ, и чтобы разстояніе между ними было не менѣе 10 и не болѣе 30 верстъ. «Такимъ образомъ (пишетъ князь Прозоровскій) учреждая коммуникацію до Кинбурна, нужнымъ считаю построеніе въ этихъ мѣстахъ, гдѣ почтовыя станціи отъ васъ (Запорожцевъ) будутъ, надобныхъ пристанищъ, а особливо для зимняго времени, землянокъ или мазанокъ. Какъ сіи почты должны уже на всегдашнее время остаться, то и прикажите оныя нынѣ же подѣлать для того паче, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и зимовники есть, но постановленіемъ въ домахъ ихъ почты хозяева будутъ отягощены. Подобные же сему и при перевозахъ построены будутъ пристанища, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; для чего и послѣднюю станцію (въ Никитинѣ) такъ сдѣлать, чтобы она въ надлежащемъ разстояніи отъ берега была постановлена, дабы курьеръ не имѣлъ нужды переправляться съ лошадьми, а пѣшій, который на той сторонѣ найдетъ другихъ же лошадей. (17 Марта 1775).

Послѣ дорога въ Кинбурнъ была переложена изъ Сѣчи на «Александръ-Шанцы» (гдѣ нынѣ Херсонъ), тамъ Запорожцы для переправы устро-

или два дуба, двѣ лодки и 1 паромъ. Дорога была раздѣлена на слѣдующія станціи:

1. Въ Сѣчи.
2. Въ Терновкѣ, въ зимовнику козака *Павлюка*;
3. На р. Ингульцѣ у козака *Головка;*
4. » р. Ингульцѣ у козака *Шульги*;
5. » р. Ингульцѣ у «Бѣлыхъ-Крыницъ»;
6. » р. Ингульцѣ въ городищѣ;
7. Въ Александръ-Шанцѣ;
8. На р. Бѣлозеркѣ;
9 У Голой-пристани, гдѣ и переправа.

Въ послѣдній разъ (27 Апрѣля 1775) устроено было почтовое сообщеніе въ Запорожьи: 1, по дорогѣ въ *Кременчугъ* на слѣдующихъ точкахъ.

Начавъ отъ границы Новороссійской губерніи въ с. *Зыбкой.*

	козак.	лошад.
1. Въ «Куричьей-балкѣ»	5.	10.
2. На р. Водяной «которая котитъ въ Ингулецъ»	5.	10.
3. Въ «Кривомъ-Рогѣ» на р Саксагани	5.	10.
4. На р. Ингульцѣ	5.	10.
5. У «Кисляковцевъ, гдѣ *Окатый* былъ»	5.	10.
6. На р. Ингульцѣ у *Гергельскаго пришиба*	5	10.
7. На р. Ингульцѣ въ зимовнику козака *Шульги*	5.	10.
8. На р. Ингульцѣ у «*Бѣлыхъ-Крыницъ*»	5.	10.

		козак.	лошад.
9.	На р. Ингульцѣ въ городищѣ . . .	5.	10.
10.	Въ Александръ-Шанцѣ	5.	10.
	Итого. .	50.	100.

2. По дорогѣ отъ Полтавы въ Керчь, по слѣдующему ордеру Румянцова:

«Имѣя совершенную надобность къ учрежденію прямѣйшей отсюда (изъ Полтавы) коммуникаціи чрезъ крѣпость Петровскую[1] до новопріобрѣтенныхъ въ Крыму крѣпостей Керчи и Ениколя, призналъ я за удобное и ближайшее разстояніе, поставить почтовыя до оной крѣпости Петровской станціи и на каждой по 20 конныхъ Малороссійскихъ козаковъ, а именно:

1. Въ Кильчени,
2. » Новоселицѣ,
3. » р. Терси,
4. » Верхней-Терси,
5. » Ганчулѣ,
6. » устьѣ Каменки,
7. » крѣпости Захарьевской,
8. На Бердахъ, и такъ до Петровской, и прошу на устроеніе въ оныхъ мѣстахъ лѣтнихъ и зимнихъ жилищъ, тѣмъ почтовымъ козакамъ, невозбранно позволить вырубить надобное количество лѣсу, изъ котораго они уже сами надобныя себѣ пристанища подѣлать могутъ». Это было писано 28 Апрѣля 1775 г., получено въ началѣ Мая, — а чрезъ мѣсяцъ уже безъ Запорожцевъ въ ихъ землѣ распоряжаться начали.

[1] Крѣпость Св. Петра, на Азовскомъ морѣ, близь Бердянска, основанная въ 1770 г., нынѣ станица Азовскаго козачьяго войска.

ГЛАВА IX.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ, ОДЕЖДА, ВООРУЖЕНІЕ И ОБЫЧАИ ЗАПОРОЖСКІЕ.

Съ нѣкотораго времени очень много пишутъ о козакахъ и Малой Россіи: Польскіе и наши писатели безпрестанно издаютъ историческія и литературныя сочиненія, въ которыхъ говорится о войнахъ козачества, его бытѣ, занятіяхъ и еще болѣе о клеветахъ, которыми по обычаю покрываютъ общину, уже не существующую, и которая во дни своей славы о нихъ не знала, а теперь опровергнуть ихъ не можетъ. Намъ слѣдственно, жителямъ Новой Россіи, преемникамъ жилищъ и земель Запорожскихъ, предстоитъ подвигъ если не защищать Запорожцевъ, то по крайней мѣрѣ, въ силу письменныхъ актовъ, этихъ безпристрастныхъ свидѣтелей прошедшаго, говоритъ о Запорожьи истину. Мы должны повторить то, что уже сказали выше, говоря о степяхъ: кто можетъ писать исторію политическую или нраво-описательную козачества, не видавши Сѣчи и Запорожья? Быть

можетъ въ рукописяхъ Миллера исторіографа, или гдѣ нибудь въ частныхъ архивахъ Малороссійскаго и Польскаго дворянства найти можно описанія Запорожья, сходныя съ истиною; но до сихъ поръ все, что было писано объ этомъ предметѣ, болѣе похоже на пасквиль, нежели на исторію безпристрастную. Лучшія свѣдѣнія о внутренней и внѣшней жизни Запорожья мы нашли у *Боплана*, *Шевалье*[1] и въ *Географическомъ лексиконѣ Максимовича*, изданномъ въ 1788 году[2]. Но всѣ сочинители какъ Русскіе, такъ и иностранные, одни смѣшивали Кошъ съ остальною Украиною; другіе, руководствуясь національною и религіозною ненавистью какъ Поляки, иные совершеннымъ невѣдѣніемъ какъ иностранцы, не могли или не хотѣли писать иначе, какъ выдумывая сказки, или переписывая одинъ у другаго. Такимъ образомъ въ настоящемъ очеркѣ нашемъ, мы принуждены довольствоваться любопытными разсказами Коржа, пѣснями и нѣкоторыми чертами отдѣльными, которыя займемъ изъ архива Запорожскаго, по своему собственному усмотрѣнію.

I. Домашній бытъ, обычаи Запорожья.

Большая часть обычаевъ, понятій и, можно сказать, повѣрьевъ Запорожскихъ: о войнѣ, служ-

[1] «Histoire des la guerre de Cosaques contre la Pologne» etc. p. *Pierre Chevalier* (Paris, 1663, 12°), который самъ предводительствовалъ козаками при осадѣ Дюнкирхена въ 1660 годахъ.

[2] *Новый и полный Географическій словарь Россійскаго государства* и пр. 1788–1789, 4°, 6 частей.

бѣ, хозяиствѣ, вѣрѣ, торговлѣ и наконецъ судопроизводствѣ, — мы представили уже постепенно въ главахъ, имъ соотвѣтственныхъ. Остается сказать только о предметахъ, которые не могли подойти ни подъ одно изъ этихъ отдѣленій. Всего лучше разсматривать Запорожскую общину какъ одного человѣка, съ самой его политической колыбели, т. е. *прихода на Запорожье*, до его конца т. е. старости, когда онъ уже ни «козаковать» ни служить былъ не способенъ. Другаго быта у Запорожца кромѣ служебнаго, войсковаго, козачьяго и быть не могло. Возьмемъ въ примѣръ обыкновенную жизнь человѣка: рожденіе его, крещеніе, женитьба, жизнь семейная, обязанности родительскія, — всѣ эти важнѣйшія фазы человѣческаго поприща для козака не существовали. Запорожецъ не родился въ Запорожьи и не крестился, развѣ былъ еретикъ, т. е. иновѣрецъ-католикъ, протестантъ или не-христіанинъ[1]. Запорожецъ велъ жизнь безбрачную и безсемейную, ибо лишь только *оженился* (eo ipso) переставалъ быть «вольнымъ козакомъ», «куреннымъ товарищемъ»; а дѣлался «поженившимся» козакомъ, т. е. обыкновеннымъ жителемъ Запо-

[1] Бывали примѣры, впрочемъ очень рѣдкіе, что дитя родилось «въ Сѣчи» т. е. на предмѣстьи за Кошемъ, — но это было произшествіе случайное: ибо женщины не могли пребывать въ Сѣчи, и въ *Крамный базаръ*, т. е. предмѣстье на *Гассанъ-Башѣ* находившееся, пріѣзжали только на время.

рожскихъ земель и уже съ матерью Сѣчью ничего не имѣлъ общаго. Даже, если кто приходилъ съ своими дѣтьми на Запорожье, или вызывалъ туда своихъ племянниковъ на службу (какъ Калнишевскій, Григорій Федоровъ-Лантухъ, Филиппъ Федоровъ), то онъ на нихъ никакого, кромѣ моральнаго, не имѣлъ вліянія; курень былъ ихъ настоящимъ семействомъ, атаманъ куренный «батькомъ», а кошевый «паномъ и добродѣемъ».

Разберемъ по порядку главнѣйшія эпохи жизни «молойца Запорожскаго» и сообщимъ читателямъ все то, что знаемъ.

Приходъ въ Запорожьи. Какъ люди свободнаго званія «приходили въ Запорожье», т. е. какъ вступали въ войско? — легко видѣть изъ сотни допросовъ въ уголовныхъ дѣлахъ, въ которыхъ подсудимый обыкновенно разсказывалъ всю свою жизнь прежде нежели доходилъ до преступленія, за которое его взыскивали. Вотъ напримѣръ показаніе одного гайдамака *Ивана Ляха.* «Родился я въ Литвѣ, въ воеводствѣ Новгородскомъ (Гродненской губерніи), отъ дому шляхетскаго, имя жъ мое было *Иванъ Сулистровичъ.* Отецъ мой съ молодыхъ лѣтъ отдалъ меня въ службу къ полковнику Галисевичу, у котораго служилъ я цѣлый годъ, и отошелъ надлежаще. А потомъ былъ въ службѣ у его милости господина Сологуба, чрезъ 3 недѣли, а послѣ присталъ до его милости г. Мокроновскаго, съ которымъ пріѣхавши до Кіева,

ушелъ отъ него. Когда же по Кіеву шатался, подмолвили меня козаки Сѣчевые, съ которыми сѣвши въ дубъ, поѣхалъ до Сѣчи, и пріѣхавши *присталъ* въ курень Каневскій, гдѣ и названо меня *Иваномъ Ляхомъ*». (1749 г. 10 Іюня). Или вотъ аттестатъ одного козака *Василія Перехриста*: «Родился онъ въ Польской области, губерніи Чигринской въ м. Чигринѣ отъ Евреина Айзика, и въ 1748 году будучимъ тамо по купечеству, войска Запорожскаго Низоваго, козакомъ куреня Пластунивскаго Яковомъ *Коваленкомъ*, его Перехриста оттоль съ Чигрина, съ добровольнаго его согласія въ Сѣчь Запорожскую привезено, гдѣ въ Сѣчи будучимъ въ то время начальникомъ Кіево-Межигорскаго монастыря іеромонахомъ *Пафнутіемъ Ямпольскимъ*, при чемъ были воспріемники войска Запорожскаго Низоваго товариство куреней: Кущевскаго Лавринъ *Горбъ*, Дядьковскаго Гаврило *Шарый* и Пластунивскаго *Иванъ Марковичь*, въ церкви Сѣчевой Покрова Пресвятой Богоматери окрещенъ, и выконавши въ той же церкви на вѣрность Е. И. В. присягу, въ войску Запорожскомъ въ Кущевскомъ куренѣ служилъ». Наконецъ, вотъ что говоритъ одинъ еще доселѣ живой 89 лѣтній Запорожецъ: «Родился я на Украинѣ, въ самый день Ивана Купайла (24 Іюня), какого году не знаю; — мой отецъ *Сидоръ Пересунька* воспитывалъ меня дома до 9 лѣтъ, т. е. училъ меня работать, да Богу молиться. Послѣ

взяли меня въ Сѣчь, гдѣ я при пану кошевомъ былъ *молодикомъ*, а въ 20 лѣтъ мене взяли и записали въ войско, а было мнѣ 23 года, когда Сѣчь атаковано (слѣдственно онъ родился въ 1752 году). Въ войскѣ назвали меня *Журбою*, т. е. меланхоликомъ, ибо все молча работалъ, а послѣ за то, что на *чатѣ* проглядѣлъ, якъ Поляки нашу добычу отняли, назвали меня Иваномъ *Прислипою* (прислипить, ослѣпить). Молодиковъ въ школѣ и не въ школѣ учили: Богу добре молиться, на конѣ «рипяхомъ» (какъ репейникъ) сидѣть, саблею рубать и отбиваться, изъ рушницы зорко стрѣлять и шписою добре колоть, а практики было довольно, какъ сказано въ пѣсни:

«Ой батьки сбирайте дружину,
Ходимъ врага биты;
Берить и малу дитыну,
Щобъ знала, якъ вражого сына лупыты».

Изъ этихъ трехъ примѣровъ мы видимъ, что коль скоро пришлецъ былъ Русской вѣры или принялъ православіе, то исполнивъ присягу на вѣрность Монарху Русскому, записывался по выбору въ курень. Но прежде нежели дѣлался товарищемъ перемѣнялъ свое имя и подвергался ученію или искусу. Эта перемѣна имени называлась у нихъ *кличкою*, т. е. прозвищемъ, и придумана вѣроятно для безопасности козака, ибо кромѣ людей мирныхъ приходившихъ просто изъ Малороссіи для службы «по древнему козачьему

обычаю» приходили туда и *бурлаки*, т. е. люди бездомные, часто даже бѣглые и преступные, которые желали въ Запорожьи скрыть на вѣки свое званіе и имя. Отъ того случалось, что Кошъ и гайдамакъ не всегда выдавалъ правосудію, а по требованію гетмана или Русскихъ военныхъ начальниковъ отвѣчалъ, что требуемыхъ лицъ подъ тѣмъ именемъ въ войскѣ нѣтъ, или если были, то лѣтъ 20 назадъ умерли и тому подобное. Отъ этого обстоятельства, мы думаемъ, произошли эти довольно странныя имена козаковъ и даже дворянъ, встрѣчаемыя въ лѣтописяхъ Украинскихъ. Имена: *Наливайки, Подковы, Палія, Мазепы, Многогрѣшнаго, Сагайдачнаго, Лизогуба, Кій-паша, Сухого, Святого, Бѣлого, Черного, Гладкаго* (толстаго), *Головатаго*, — вѣроятно даны были при вступленіи ихъ въ войско, какъ прозвище. А такъ какъ онѣ имѣютъ буквальное Русское значеніе, то еще болѣе доказываютъ сказанное нами выше, что козаки были простое «охочее» Русское воинство. Изъ именъ намъ знакомыхъ по лѣтописямъ или документамъ, мы можемъ сказать, что гетманъ древняго козачества *князь Вишневецкій*, замученный на колѣ въ Цареградѣ, именовался *Байда*; *князь Рожинскій*, *Богданкомъ Ружнымъ*, Иванъ Серпяга *Подковою* и т. п. — кошевые: Иванъ Дмитріевичъ, *Сѣркомъ*, Василій Григорьевичъ, *Сичемъ* (коршунъ); Григорій Федоровъ, *Лантухомъ* (т. е. широкій мѣшокъ на муку), Петръ Калнишевскій, *Кал-*

ныжемъ и др.— Князь Потемкинъ, по собственному желанію вошедшій въ войско въ Кущевскій курень, названъ былъ Грицькомъ *Нечосою*, отъ того что они его парикъ съ пуклями считали нечесанною головою; хотя это имя видно только изъ пѣсень, а въ аттестатѣ 1770 года не упоминается[1]. Но случалось, что эти имена перемѣнялись, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ современникъ послѣдняго Коша Запорожскаго Коржъ, въ своихъ любопытныхъ разсказахъ:

«Козаки Запорожскіе, говоритъ онъ, особливо Сѣчевики, по вольности Запорожскаго духа и веселости характера, имѣли такую привычку къ насмѣшкамъ что отъ малѣйшаго случая, поступка, походки или *калицства* (увѣчья), немедленно давали человѣку прозвище, которое уже на всегда оставалось при немъ. Такъ кто отъ неосторожности *спалитъ* (сожжетъ) курень или зимовникъ, того называли *Паліемъ*; кто готовитъ пищу или раскладываетъ огонь надъ водою, тому давали имя *Паливоды*. Кто ходитъ согнувшись отъ природы или отъ привычки, тотъ *Горбачь* (или горбъ), а если кто тощъ, блѣденъ и слабъ, тотъ *Гнида*. Если кто противъ обычая Запорожскаго не любитъ *мамалыги* или *тетери*, главнѣйшихъ яствъ козачества, и варитъ себѣ кашу, того называютъ *Кашкою* (роскошникомъ) или *Кашоваромъ*. Козака очень малого росту для смѣху называли *махиною* (огромный великанъ), а большаго

[1] Напр. въ пѣсни о *атакованіи Сѣчи* сказано:

«Ой провидалы Запорожцы,
Що Нечоса Текелю славъ»...

росту *малютою* Если кто, не смотря на проворство, приличное бравому козаку, скользилъ и падалъ, тотъ назывался *слизькій* (скользскій ślizki). Неуклюжихъ звали *черепахою*, шалуновъ *святыми*, лѣнивыхъ *добрая-воля*. Отъ такихъ случаевъ и отецъ мой, котораго настоящая фамилія была *Жаданъ*, въ Запорожьи былъ прозванъ *Тараномъ*, т. е круглымъ шестомъ, которымъ козаки били конопляное масло [1]. Наконецъ скажу о томъ, какъ я получилъ названіе Коржа, (т. е круглой лепешки изъ пшеничной муки). Съ молодыхъ лѣтъ я былъ очень рѣзвъ и проворенъ; однажды ѣдучи изъ Новыхъ-Кодакъ въ Сѣчь и проѣзжая мимо высокой могилы, которую звали *Чертомлыкомъ* (вѣроятно отъ рѣчки сего имени), мы взбѣжали на ея вершину и побѣгавъ нѣсколько минутъ, стали спускаться. Товарищи пошли по утоптанной тропинкѣ, а я вздумалъ идти прямо, но курганъ очень былъ крутъ, а трава сухая, то я оступился, упалъ и покатился внизъ, какъ кубарь или коржъ. «Коржомъ, коржомъ свалывся»! закричали козаки, и съ того дня всѣ меня именовали Никитою, по прозванію *Коржъ*. Мой крестной отецъ (войсковый хорунжій Яковъ Качаловъ) узнавъ объ этомъ, сказалъ мнѣ: «нехай буде и Коржъ, бо и мене прозвали *Качаловымъ*, т. е. Качалою, за одну качалку (катокъ), зробленную мною въ Сѣчи. Що будешь робыты, колы тутъ такая поведенція. Терпи хлопче, козакомъ будешь, а изъ козака попадешь и въ атаманы; съ посмиху (отъ шутки) и люде бувають».

[1] Въ куренныхъ *реестрахъ* 1755, 1762 и 1770 г. у насъ имѣющихся, мы находимъ въ именахъ товариства до 300 *Тарановъ*, до 200 *Черныхъ*, до 60 *Бѣлыхъ*, большое число *Ковалей*, *Горбовъ*, *Шкапъ* и т. п.

Иногда эти прозвища дѣлались именами оффиціальными, но чаще всего, особенно главная старшина, какъ мы сказали выше, оставляла прозваніе, и называлась по Славянски, по имени отца: кошевые: *Григорій Лантухъ* назывался *Федоровымъ*, *Данило Гладкій* — Стефановичемъ, Василій *Сичь* — Григорьевымъ, полковникъ Демянъ *Деркачь* — Семеновымъ, *Николай Косапъ* — Тимофѣевымъ, и т. п.

Есть свидѣтельство, что Запорожецъ прежде вступленія въ товариство подвергался искусу или испытанію: такъ Запорожцы сами, какъ мы это сказали выше, упоминаютъ о козачей *регулѣ*, а Шевалье, писавшій въ половинѣ XVII столѣтія, именно говоритъ: «чтобы кандидату быть признану за истиннаго козака, долженъ было переплыть Днѣпровскіе пороги и слѣдственно побывать и на Черномъ морѣ, подобно тому, какъ Мальтійскіе кавалеры для достиженія высшаго званія въ своемъ орденѣ, обязаны участвовать въ ихъ «караванахъ», т. е. сражаться на ихъ галерахъ противу невѣрныхъ»[1]. Впрочемъ въ бума-

[1] *Histoire de la guerre des Cosaques* etc. стр. 16 и 17. «Il y a 13 de ces (Днѣпровскихъ) cascades, quelques unes desquelles sont de 12 et 15 pieds, quand les eaux sont basses. Il faut les avois passées, pour être reconnu vrai cosaque Zaporovsky, et avoir par conséquent fait un voyage sur la mer Noire: de même que les chevaliers de Malte, pour pouvoir parvenir aux dignités de leur Ordre, sont obligés de faire leurs *caravanes* (экспедиціи противу Алжирцевъ и другихъ народовъ Варварійскихъ).

гахъ Запорожскихъ слѣдовъ объ этомъ не имѣемъ, знаемъ только, что Потемкинъ съ герцогомъ Де-Линь въ 1787 году сдѣлалъ этотъ опытъ на Запорожской, т. е. лоцманской лодкѣ.

II. Вооруженіе и одежда.

Любопытно знать откуда произошелъ нарядъ козачій Запорожскій или Донскій, первоначально совершенно похожіе другъ на друга. Со временемъ Запорожцы переняли отъ Поляковъ кунтуши съ закидными рукавами, Турецкія *юпки* или фуфайки, поясъ подъ верхнимъ платьемъ и т. п.; но куртки и широкіе шаровары, — это чисто козачья природная одежда. Вотъ какъ ихъ описываютъ Поляки въ XVIII столѣтіи: «Запорожскіе козаки носили шаровары синіе съ широкимъ золотымъ галуномъ вмѣсто выпушки, полъ-кунтуши красные съ закидными рукавами (wyloty), жупанъ изъ бѣлой шелковой матеріи, поясы шелковые съ золотыми кистями и высокія шапки изъ бараньихъ сѣрыхъ смушекъ съ краснымъ шелковымъ мѣшкомъ, который оканчивается золотою кисточкою». Но это былъ праздничный нарядъ, а *О. Китовичъ*, самъ видѣвшій наѣздъ Поляковъ на Запорожье, такъ ихъ описываетъ въ военное время: «Гайдамаки (какъ онъ всегда величаетъ Запорожцевъ) имѣли пики, по-Русски *списами* именуемыя, съ желѣзнымъ остріемъ на обоихъ концахъ. Эта пика и самопалъ (ружье безъ замка)

составляли все его вооруженіе; простое сѣдло безъ подушки, войлокъ, деревяныя стремена и узда тонкая изъ ремня или полотна. Лошади ихъ были легки, и какъ вѣтеръ на всѣ стороны свободно метаться умѣли; всадники также легко были одѣты: они носили рубашки грубыя, черныя, саломъ намазаны во избѣжаніе нечистоты. Шаровары полотняные, на ногахъ легкіе сапоги или лапти, сверхъ рубашки коротенькій кунтушъ изъ телячей кожи не выдѣланной, безъ пояса, съ большими *вылётами*, висящими или закинутыми за спину. На головѣ шапка также изъ телячей кожи, въ видѣ остроконечнаго мѣшка сдѣланная, которой конецъ сгибался на одну сторону. Вся голова была обрита, оселедецъ надъ лбомъ висящій, усы длинные; бороду одни брили, другіе запускали»[1]. По этому описанію легко можно понять, что почтенный каноникъ видѣлъ въ самомъ дѣлѣ толпу гайдамакъ или просто воровъ *Харцызовъ*, пойманныхъ объѣздомъ Польскимъ, который, чтобы придать себѣ славы, называлъ ихъ Запорожцами. Но вотъ одна народная пѣснь очень хорошо описываетъ Запорожца:

«Омелько козакъ хорошій...
Вздумавъ іихать на Запорожè
Винъ уже поднявся,
Въ синій жупанъ убрався,

[1] Opis obyczajow i zwyczajów id стр. 119.

Коня купывъ такого,
Якъ у Атамана самого
— не було!»
«Сидло Черкесское съ питникомъ
Уздечка новисенька съ байракомъ, (мундштукъ)
Ратище съ билого желѣза (стальное)
Пару пистолетивъ изъ спижа (мѣдные)
Сабля гострая у похвы, (въ ножнахъ)
Весь маёнтекъ (имѣніе) у сàкви
Сивъ на коня, похилывся,
Родиноньки поклонывся
— и поихавъ» и т д.

Это очень похоже на истину, какъ можемъ удостовѣриться изъ слѣдующаго разсказа Никиты Коржа:

Всѣ вообще Запорожцы голову и бороду брили (для отличія отъ Донцевъ, которыхъ считали раскольниками), — на головѣ оставляли только небольшой пукъ волосъ, *чубъ* или по-Русски *хохолъ*, отъ чего и всѣ Украинцы назывались у Москалей *хохлами*, а Украина *Хохландіею*. Этотъ чубъ иногда былъ такъ великъ, что закрывалъ все лице; въ такомъ случаѣ его закручивали какъ косу и закидывали за ухо; такой чубъ назывался *оселедецъ* (быть можетъ отъ сходства съ фигурою сельдя). Усы всѣ носили, чернили ихъ и завивали вверхъ и чѣмъ они были длиннѣе, тѣмъ болѣе считались красотою удалаго козака, поставлявшаго въ нихъ свою славу и честолюбіе[1]. Одѣяніе у

[1] Эти ужасные усы даже изображены на войсковыхъ печатяхъ, какъ можно удостовѣриться изъ прилагаемыхъ двухъ образцевъ. Прочитайте въ Византійскихъ лѣтописяхъ описаніе наружности В. К. Святослава Игоревича и вы увидите ликъ всякаго Запорожца въ его

Запорожцевъ, когда они были на службѣ и во время войны было у всѣхъ одинаково и одноцвѣтно, а именно: *каптанъ* (козачья куртка, которая иногда называлась *кажанъ*), черкесска съ вылётами; шаровары *саетовые*, т. е. Англійскаго или Польскаго сукна яркихъ цвѣтовъ, которое въ Польшѣ тогда называлось саета (sajeta); *чоботы сапьянцы* (сафьяновые) изъ краснаго Русскаго или Крымскаго сафьяна; поясъ *шалёвый*, т. е. шелковый и шапка *кабардинка*[1], вокругъ и накрестъ обложенная прозументомъ. Для ненастья, особенно въ походахъ, носили они шерстяную косматую бурку, (которая у нихъ и у Поляковъ называлась вильчура wilczura). Этотъ нарядъ былъ военный, но если Запорожцы одѣвались парадно, шли въ церковь или ѣздили въ гости,

простомъ нарядѣ,—какъ онъ изображенъ О. Китовичемъ. Такъ напримѣръ говоритъ о Святославѣ *Левъ* Діаконъ Калойскій: «онъ имѣлъ густыя брови, голубые глаза, плоскій носъ, бритую или остриженную бороду, густые висящіе по губѣ длинные усы; голова его была голая, только въ сторону развивался локонъ волосъ (оселедецъ) означающій благородное происхожденіе».

[1] Коржъ такъ объясняетъ значеніе слова *кабардинка*. «Кабардинка значитъ шапка отъ Ногайскаго слова *кабарда*, дикій звѣрь, который водился около рѣкъ, по великимъ лѣсамъ, и можетъ жить на сушѣ и на водѣ, питается раками, плодится и берлогу имѣетъ подъ корчами лѣсныхъ деревьевъ. Такихъ звѣрей было множество на Великомъ-Лугѣ, во время Запорожья. Они совершенно съ виду похожи на кошку, но гораздо толще и длиннѣе; ноги имѣютъ короткія, при концѣ широкія и съ полотенцами (перепонками), какъ у гусей, хвостъ чрезвычайно длинный и пушистый, равно какъ и вся кожа. Шерстью молодой звѣрь весь сѣрой, старый черноватъ, на подобіе куницы. Этотъ звѣрокъ назывался у Запорожцевъ *видникою* (выдра, *loutre*) и кожа его (мѣхъ) былъ въ великой модѣ, особенно для шапокъ не только у Запорожцевъ, но и у Ляховъ и Жидовъ. Запорожцы такъ ихъ любили, что шапку даже сшитую съ обыкновеннаго сукна, называли *кабардинкою*».

а также и въ большіе праздники, то они *справляли* (дѣлали) себѣ платье по достатку, часто весьма дорогое и разноцвѣтное, и тогда вмѣсто черкесски, носили широкіе жупаны на Польскій образецъ».

Намъ кажется, что и это описаніе не много преувеличено и что въ военное время и въ походахъ не носили они *саетовыхъ* шароваръ и сафьяновыхъ сапоговъ. Что былъ обычай носить и бархатное платье, особенно у старшинъ, это видимъ изъ письма Потемкина въ 1774 году, при которомъ онъ прислалъ для кошеваго Калнишевскаго «оксамиту (бархату) на платье». Даже монархи Русскіе такими платьями, по древнему обычаю, Запорожцевъ жаловали; такъ находимъ, что депутаты Запорожскіе въ 1734 г. отъ Императрицы Анны Іоановны получили богатыя платья изъ бархату. Изъ частной переписки Коша и козаковъ мы встрѣчаемъ примѣры, что старшина выписывала себѣ тонкія сукна, позументы и галуны изъ Москвы, но видно что ихъ нарядъ въ обыкновенное время былъ простъ, когда въ 1767 г. Кошъ требовалъ отъ своихъ депутатовъ отсылки «шевця и кравця» сапожника и портнаго взятыхъ изъ Сѣчи, полагая, что они уже нужное себѣ платье сшили, и когда въ 1749 году при открытіи въ Запорожьи пограничной съ Крымцами коммисіи, главный комисаръ маіоръ Никифоровъ писалъ въ Кошъ, усердно прося, чтобы Запорожскіе депутаты были: «во всей готовности и убран-

ствѣ такъ, дабы предъ Татарскими депутатами не гнусны быть могли». Мы знаемъ на вѣрно, что Запорожцы одѣвались очень просто, особенно въ Сѣчи и на службѣ, но для отличія отъ поселянъ особенно Польскихъ, носили красные жупаны, синіе кунтуши и высокія сѣрыя шапки съ чехломъ тоже краснымъ. Они называли себя *молодцами* или *молойцами* (цѣломудренными) въ знакъ ихъ обѣта безбрачія, что впрочемъ не мѣшало имъ до безумія волочиться за Украинскими и Польскими красавицами, какъ мы это видѣли изъ одной жалобы Чигринскаго губернатора на Запорожскихъ посланцевъ, которые, чтобы доказать свое молодечество, пугали своими саблями, выстрѣлами и пѣснями, жениховъ и мужей. Впрочемъ нѣкоторое понятіе объ одеждѣ Запорожца можно судить по рисунку костюма, помѣщенному на заглавномъ листочкѣ нашей книги и по слѣдующимъ документамъ:

Въ одномъ изъ донесеній Запорожскихъ агентовъ, посыланныхъ въ Турцію для развѣдыванія о политическихъ произшествіяхъ, встрѣчаемъ любопытное свѣдѣніе для изображенія съ натуры одежды Запорожской. Это «опись» имущества двухъ убитыхъ Ногайцами въ 1775 г. Запорожскихъ козаковъ. У нихъ было: «*кирей* (родъ кафтана широкаго) синяго сукна 2; бурокъ Крымскихъ 2; каптановъ китаевыхъ 2; юпокъ (родъ куртки на Турецкой образецъ) 2, одна китаева, а

другая лисичья, покрытая матерією желтою; шароваровъ козачьихъ, въ коихъ было локотъ по 5 (4 арш.) синяго сукна 2, шапокъ добрыхъ Крымскихъ 2; чоботъ сафьяновыхъ красныхъ 2, и черныхъ 2 пары; шабель 2, одна серебромъ, а другая мосенжемъ (мѣдью, mosiądz) оправленная; ратищъ со списами 2, пистолетовъ двѣ пары, ладовницъ двѣ, одна съ табличкою, двомя кольцами и пряжкою серебными вызолоченными, другая простой работы; лошадей четверо; кульбакъ Крымскихъ новыхъ съ *подтебенками* Крымскимижь малеванныхъ 4 и денегъ готовыхъ 500 р. [1]».

Коржъ говоритъ, что Запорожцы вовсе не знали экипажей и всегда ѣздили верхомъ, особенно въ военное время въ отрядахъ и посылкахъ. Въ XVI и XVII столѣтіи, когда и въ Польшѣ и въ Россіи первые вельможи и бояре не знали другой ѣзды какъ верхомъ, козаки дѣлали тоже, но въ XVIII столѣтіи, это явная ошибка. Точно они предпочитали верховую ѣзду всякой другой, но однакожь въ поѣздки до столицъ, въ Крымъ или Польшу нельзя было съ большою поклажею, товарами, гостинцами и припасами ѣздить верхомъ. Они знали и возы и коляски (особенно въ послѣднее время), и при всякомъ нарядѣ

[1] Часть наряда одного простаго Запорожца видѣли мы въ Іюнѣ 1845 г. у одной старухи, въ с. Покровскѣ, бывшей *Новой-Сѣчи*, которая сохранила его, какъ святыню отъ «славнаго рыцарства». Это былъ кунтушъ изъ шелковой парчи, подшитый грубымъ ситцемъ, съ серебренными бубенчиками вмѣсто пуговицъ.

столичниковъ или депутатовъ снаряжали вмѣстѣ нѣсколько *подводъ*, т. е. бричекъ для старшины и возовъ для команды и слугъ, хотя и верховыя лошади за ними слѣдовали. Далѣе Коржъ описываетъ вооруженіе козака. «На лошадяхъ сѣдла иногда бывали дорогія съ раскрашенными чапраками и со всею козацкою сбруею. Она была слѣдующая: спереди сѣдла пришиты были два *кубура* для пистолетовъ; сзади въ торокахъ увязана бурка (а чаще *свита*) и прочій самонужнѣйшій запасъ, аммуницію и все оружіе имѣли на лошадяхъ, какъ то: ратище (копье), саблю и 4 пистолета, два за поясомъ и два въ сѣдлѣ. На груди вмѣсто лядунки, вокругъ козака обвитъ былъ широкій *чересъ* или патронташъ, наполненный въ два или три ряда запасными патронами съ пулями. Ружей же и пушекъ верховые козаки не имѣли съ собою и употребляли тогда, какъ ходили пѣшіе или на лодкахъ по морю и дѣлали подъ непріятельскими городами вылазку. Тогда и верховые козаки спѣшивались, соединялись съ лодочнымъ воинствомъ и давали ему пособіе». Тутъ тоже есть небольшая ошибка. Въ реляціяхъ военныхъ дѣйствій противу Турокъ и въ показаніяхъ гайдамакъ мы видимъ, что сабли очень рѣдко, а пистолеты еще рѣже употреблялись, развѣ старшиною и то въ парадахъ. Обыкновенное же оружіе конныхъ и пѣшихъ было копье и рушница, т. е. ружье безъ штыка. Копьемъ они такъ ловко

дѣйствовали, что Поляки съ одними латниками (панцырники, pancerne towarzystwo) могли устоять противу нихъ. О. Китовичь увѣряетъ, что одинъ ловкій козакъ ворвавшись съ пикою въ ряды Польскіе до 40 чел. убивалъ или ранилъ. Пушекъ въ Запорожьи было мало, но ни одинъ конный отрядъ противъ непріятеля не ходилъ безъ артиллеріи, даже гайдамаки имѣли пушки, какъ мы это скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ древности Поляки выучили козаковъ носить нагрудники или легкіе панцыри и желѣзные *шлыки* съ перомъ павлиннымъ или пѣтушьимъ; но товариство брони не любило, считая козацкую грудь лучшимъ щитомъ для ограды своихъ степей и своихъ «Днѣпровыхъ вольностей».

III. Образъ жизни и пища Запорожцевъ.

Образъ жизни и пища Запорожцевъ, хотя во многомъ были похожи на Украинцевъ, такъ хорошо описанныхъ Бантышемъ-Каменскимъ и другими историками, но были еще проще и имѣли нѣкоторыя особенности, достойныя замѣчанія. Говоря о «товариствѣ» и «войскѣ Запорожскомъ» мы уже сказали, что даже трапеза была общая по куренямъ, какъ это видно изъ донесенія Кошу отъ судьи по дѣлу о бунтѣ въ Корсунсомъ куренѣ въ 1769 г. и которое начиналось разсказомъ атамана: «когда товариство куреня сѣло къ общему обѣду. . .». Коржъ подробно описываетъ

этотъ обычай: «Когда приходитъ время трапезы, кухари *насыпаютъ* (льютъ) въ деревяные ваганы и ставятъ на *сырно* (на столъ) около вагановъ въ рядъ разные напитки: горилку, медъ, пиво и брагу въ большихъ конвахъ, тоже деревянныхъ, и вѣшаютъ на нихъ деревянные *коряки* (черпала), которые по козацки называются *михайликами*, ибо въ Сѣчи рюмокъ и стакановъ не было. Когда козаки прійдутъ съ атаманомъ къ обѣду, то помолившись Богу, садятся, атаманъ на первое мѣсто у конца *сырна* (стола) подъ образами, а потомъ козаки на скамьяхъ вокругъ столовъ. Когда кухари подаютъ рыбу на *стябло* (на рѣшетчатый особаго рода подносъ), то всегда, по тамошнему обычаю, ставятъ головами къ атаману. Когда обѣдъ кончится, козаки молятся Богу, кланяются атаману и другъ другу, а послѣ благодарятъ кухаря: «спасибо братчику, що нагодувавъ козакивъ». Наконецъ выходя отъ стола, атаманъ и всѣ козаки клали по копѣйкѣ въ *карнавку* (кружка), кто хотѣлъ то и больше, а потомъ расходятся по своимъ мѣстамъ. На собранныя деньги кухарь покупалъ нужные для трапезы припасы. Кушанье по куренямъ варилось три раза въ день, въ мѣдныхъ казанахъ на *кабицѣ* (очагѣ), а не въ печи». Въ вѣдѣніе кухаря отпускался провіантъ и крупа, доставшіеся по раздѣлу отъ Царскаго хлѣбнаго жалованья, а изъ куренныхъ доходовъ атаманы ежемѣсячно выдавали нужныя на курень

деньги изъ куренной скарбницы, ибо по «Уставу войсковому отъ всего ключь былъ у отцевъ атамановъ куренныхъ».

Эта простая пища была общая и старшинѣ съ небольшими улучшеніями, сообразно его достатку, ибо видимъ, что у многихъ были серебренныя чарки, и *посудцы*, а у кошеваго *Якима Игнатовича* хрустальный *кредене́цъ* (приборъ для водки), который одинъ гость (Малороссійскій старшина *Зарудный*), какъ сказано въ архивѣ, въ 1752 г. разбилъ[1]. Мы видѣли въ описаніи поѣзда кошеваго въ паланки, образъ жизни старшины во всей ея подробности; какъ они ночевали подъ сѣномъ, какъ ихъ подчивали хорошимъ обѣдомъ «и до нѣсколькихъ чарокъ водки»; какъ часто они молились Богу и ходили въ церковь, и какъ многократно кушали у себя и въ гостяхъ. Скромность жизни и издержекъ была такъ велика, что депутація 1755 г., составленная изъ бывшаго кошеваго, 2 войсковыхъ старшинъ и многихъ слугъ, издержала на дорогу, 3 мѣсяца жизни въ Петербургѣ и угощенія 60 руб., горько жалуясь на дороговизну столицы, увѣряя Кошъ, что «въ день рублемъ обойтись не можно». Во время пограничныхъ коммисій, депутаты угощали Русскихъ и Крымскихъ чиновниковъ и въ 1764 г. по счету шафаря Никитина-Перевоза, издержали 17 руб. 33 коп., хотя приказано было ему отъ Ко-

[1] См. въ приложеніяхъ.

ша: «Коммисарамъ и депутатамъ, по требованію ихъ, *сколько надобно будетъ* съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, до окончанія коммиссіи выдавать». Въ послѣдніе годы Запорожской общины старшины чрезъ поѣздки въ столицу переняли многія привычки роскоши и удобствъ жизни, но войско цѣлою массою и заслуженные старики, хотя и старшины, отъ древнихъ обычаевъ не отступали. Даже въ своихъ отлучкахъ отъ войска, замѣчательно какое-то орденское устройство: въ Кіевѣ, Глуховѣ и Москвѣ останавливались всегда на житье въ монастыряхъ; — одинъ полковникъ хвалился, что онъ съ старшиною своею у Кіевскаго митрополита обѣдалъ, обласканъ былъ имъ, и послѣ въ его экипажѣ цугомъ до квартиры въ Межигорскомъ монастырѣ былъ отвезенъ. Не смотря на славу «наѣздниковъ и грабителей», которую о Запорожцахъ всегда и вездѣ распространяли Поляки и новые поселенцы Новосербіи, они славились своимъ гостепріимствомъ и веселостію. Близко ихъ знавшіе или посѣщавшіе Сѣчь Польскіе дворяне и Русскіе генералы и ученые (астрономъ Эйлеръ, писатель Рубанъ, генералы: Исаковъ, Бибиковъ и др.) отдавали имъ полную справедливость; многіе Малороссійскіе старшины, духовныя особы и чиновники вели съ ними довольно дружескую переписку и сохраняли близкія сношенія, какъ мы могли убѣдиться изъ множества частныхъ писемъ кошеваго, писаря, судьи

и асаула, которыя хранились въ архивѣ, подобно оффиціальной перепискѣ и часть которыхъ помѣстимъ въ приложеніяхъ.

Свидѣтелемъ простоты ихъ жизни былъ еще и генералъ-поручикъ Текелій, котораго они хотя считали злѣйшимъ врагомъ своимъ, угощали однакожь дружески въ Сѣчи, (которой отпѣвалась послѣдняя панихида), предложивъ ему трапезу «на деревянныхъ блюдахъ и деревянными ложками», какъ повѣствуетъ Коржъ очевидецъ, и какъ говоритъ одна пѣсня:

«Зъивъ Текелій обидъ бурлацкій
Та все смаковавъ;
А писля «по козацки»
Виномъ, медомъ запывавъ».

Запорожцы особенно любили поѣсть, попить, да погулять; беречь деньги было не для кого, всякій ждалъ смерти отъ враговъ или болѣзни, и не было собственнаго семейства или прямыхъ наслѣдниковъ; у нихъ, какъ и вездѣ въ Россіи, а особенно на Украинѣ, забавъ публичныхъ не было, — и хожденіе въ церковь, слушаніе священныхъ гимновъ или пѣсень бандуристовъ, составляло моральное, а пиры вещественное наслажденіе. Ихъ роскошь состояла въ хорошей рыбѣ, горѣ вареникōвъ, сырниковъ и галушекъ, холодной поросятинѣ, окоркахъ и колбасахъ; горѣлка, медъ, пиво, Венгерское, Крымское, т. е. Судакское и Волосское вина (малвазія) и *варенуха*

лились цѣлою рѣкою. Варенуха приготовлялась изъ водки, пряностей, меду и сушеныхъ фруктовъ, сваренныхъ вмѣстѣ. Въ Запорожьи и во всей Украинѣ этотъ напитокъ былъ въ большой чести, и даже угощеніе варенухою считалось нѣкоторымъ образомъ изъявленіемъ дружбы и уваженія къ дорогому гостю. Жилища Запорожцевъ въ Сѣчи и по зимовникамъ были простыя Малороссійскія хаты, иногда рубленныя, иногда мазанки, простой наружности, съ самою простою домашнею утварью [1]. Одна роскошь была въ богатомъ оружіи, платьѣ, дорогихъ коняхъ и вишневомъ садку у зимовника. Но по мнѣнію народному, нигдѣ не было столько денегъ, серебра и золота, какъ на Запорожьи, — «они, говоритъ народъ, рѣшетами мѣрили талеры и карбованцы», и до сихъ поръ отыскиваютъ клады, зарытые будьтобы въ землѣ и заклятые храбрыми Запорожцами. Но еще никто не отыскалъ ихъ, ибо Запорожцы, а тѣмъ болѣе гайдамаки закляли ихъ на вѣки; они упражнялись въ колдовствѣ и ночью на могилахъ разговаривали съ лѣшими и мертвецами. Только вѣдьмы

[1] О простотѣ жилищъ Запорожской старшины можно судить взглянувъ на два дома, оставшіеся въ с. Покровскомъ, принадлежавшіе Кошевымъ: *Василію Сычу* и *Якиму Игнатовичу*, видѣнные нами въ 1845 г. Это простые деревянные глиною выбѣленные домики, состоящіе изъ двухъ избъ и 2 или 3 чуланчиковъ. Все украшеніе состояло въ сволокѣ, на которомъ были вырѣзаны: крестъ и при благочестивомъ призваніи имени Божьяго, имя хозяина и время постройки. Смотри въ заключеніи, въ концѣ III-го тома, мою поѣздку въ Запорожье.

были изгнаны изъ Запорожья, отсутствіемъ женщинъ, особенно старухъ, въ Кошѣ и по зимовникамъ.

Жизнь и обычаи женатаго товариства и подданства Запорожскаго, ни чѣмъ не отличались отъ жизни Малороссіянъ, а потому объ нихъ и говорить нечего. Но не можемъ умолчать сказанія *Коржа*, объ особомъ классѣ народа въ Запорожьи — о пастухахъ. «Всякій козакъ, говоритъ онъ, особенно простолюдинъ, напримѣръ: *табунщикъ*, *скотарь* или *чабанъ* (т. е. пастухъ лошадей, рогатаго скота и овецъ) носилъ ременный поясъ и чрезъ плечо навѣшивалъ ременный же *гаманъ* (сумку), украшенный стальными или серебрянными пуговицами, пряжками и блестками. Въ немъ хранились: кресало, кремень и трутъ; къ поясу привязана была *швайка* (запасъ для шитья) и *ложечникъ*. Первая служила для починки лошадиной сбруи (ибо пастухи всѣ были верхомъ), а второй для храненія деревянной ложки, безъ которой ни одинъ козакъ ходить не могъ, не заслуживъ славы нерадиваго и неисправнаго пастуха. Вотъ примѣръ: если чабанъ вздумаетъ пойти или поѣхать изъ своего въ чужой кошъ (пастушій станъ, шалашъ на колесахъ), и пришедши туда, найдетъ хозяевъ за обѣдомъ или за ужиномъ, то говоритъ: «хлибъ да силь, паны-молодци»! Тѣ отвѣчаютъ: «іймо, та свій, а ты у порога постій». — «Ни, братци, отвѣчаетъ гость, давайте и мни мисто» —

вынимаетъ ложку и садится къ котлу. Чабаны-хозяева восклицаютъ: «отъ козакъ догадливый, вечеряй братчику, вечеряй» — даютъ ему лучшее мѣсто и принимаютъ какъ собрата. Если же случится противное, то такого козака называютъ *оглухомъ*. Кромѣ каши, готовили они еще *тетерю* «до воды и меду» или «до масла и молока». Тетеря была родъ похлебки изъ ржаной муки и составляла главную и любимую пищу козаковъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что это о *тетерѣ* говорятъ Бопланъ и Шевалье, упоминая о тѣстѣ, которое козаки въ морскихъ походахъ возили съ собою въ бочкахъ и которое служило имъ единственною пищею. Вѣроятно они заготовляли ее впередъ, подобно кашѣ горскихъ народовъ изъ пшена, и тѣмъ питались, не смѣя разводить огня на лодкахъ или «чатахъ», чтобы не быть открытыми отъ враговъ. Говорятъ, что знаменитый козачій гетманъ *Павелъ Тетеря* (правившій въ 1668 г.) названъ *Тетерею*, въ знакъ любви къ нему козачества, которое считало его столько же необходимымъ для себя, «какъ тетерю въ пищѣ». «Они приготовляли, продолжаетъ Коржъ, *малай* или *мамалыгу* — тѣсто изъ пшена или кукурузы, которую ѣли безъ соли, но съ соленымъ сыромъ, а иногда съ *пастрямою* [1], (т. е. мѣлко-рубленною

[1] *Пастрёма* важное изобрѣтеніе для жителей степи, особенно въ XVI или XVII столѣтіи. Это былъ кусокъ баранины, особенно верхнія

бараниною). Кромѣ хлѣба, который употребляли рѣдко, дѣлали они коржи и называли ихъ *загребами* отъ того, что приготовленное къ тому тѣсто, клали въ натопленную печь и *загребали* пепломъ и горящими угольями». *Коржи* кушанье совершенно Малороссійское, но мамалыга перешла въ Запорожье отъ чабановъ Молдавскихъ или Татарскихъ. Этотъ классъ чабановъ былъ очень драгоцѣненъ въ Запорожьи, въ его безмѣрныхъ степяхъ, гдѣ скотъ не зналъ другаго покрова, кромѣ небеснаго свода, а пастухъ другаго жилища, кромѣ своего коша или кибитки. Они одѣвались въ кожаное платье, шерстью внутрь, и были отличными ѣздоками и храбрыми козаками, ибо ежедневно вели войну съ дикими волками, которыхъ тогда цѣлыя сотни скрывались по высокимъ засохшимъ травамъ и въ оврагахъ, и съ равно хищными Татарами и гайдамаками, «довольствовавшихся отгономъ» чужаго скота, что считалось въ грубомъ народѣ особеннымъ молодечествомъ. Но самымъ сильнымъ врагомъ чабана были стихіи, особенно зима, нечаянная снѣжная мятель, отъ которой погибали цѣлые стада, *отары*, или табуны, и которая иногда

части ногъ, высушенныя или завяленныя съ солью, которыя были похожи на балыкъ, и козаки брали ихъ съ собою въ дорогу, въ торокахъ. Когда отрядъ имѣлъ возможность пороскошничать, добывали муки, варили мамалыгу и клали туда кусокъ пастрёмы для вкусу, какъ мы дѣлаемъ въ яичницахъ съ ветчиной.

погребала въ своемъ бѣломъ саванѣ и несчастнаго козака. Объ нихъ тоже говоритъ пѣсня:

«Которы поспишалы,
То и въ Лузи зимовалы;
А которы не поспишалы,
То и въ степу пропадали».

ГЛАВА X.

ПИСЬМЕННОСТЬ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ.

Ничѣмъ лучше не можемъ окончить обозрѣнія нашего и розысковъ о происхожденіи и устройствѣ Запорожскаго военнаго общества, какъ краткимъ взглядомъ на его умственную и письменную образованность. Трудно было ожидать, чтобы на безконечныхъ степяхъ нашего края, на островахъ и порогахъ Днѣпровскихъ, по удиненнымъ зимовникамъ или даже въ Кошѣ, столицѣ войска, преуспѣвало большое просвѣщеніе и между такими людьми, которые для войны и земледѣліемъ даже не занимались. Вдали отъ всего Христіанскаго міра, эмигранты изъ Руси, едва освобожденной отъ Татарскаго порабощенія, они принесли съ собою только религіозныя понятія и преданія своей родины, и какъ святыню сохранили ихъ по куренямъ. Подобно первымъ основателямъ своего братства, они вели жизнь почти кочевую, т. е. военную на свой ладъ, охотничью и пастушескую.

Если и были попытки образованной старшины, или отъ вліянія времени: сдѣлать кой-какія преобразованія въ войскѣ, то онѣ малое сдѣлали впечатлѣніе, развѣ на его наружныя формы, управленіе и хозяйство. Даже прочная сельская промышленность утвердиться не могла; такъ мало, сказать правду, козачество надѣялось на свою жатву или на прибыль отъ своихъ садовъ, и отъ свойственнаго своему характеру нетерпѣнія и отъ боязни, чтобы Поляки или Ногайцы, какъ саранча набѣжавъ на ихъ нивы, не истребили плода ихъ трудовъ. Подумаешь, какъ историку искать письменныхъ произведеній, даже мирнаго существованія отъ общины, составленной изъ 15,000 или 20 т. взрослыхъ холостяковъ, едва другъ другу извѣстныхъ, всегда вооруженныхъ, связанныхъ только братствомъ *товариства* и послушаніемъ «батькамъ атаманамъ». Изъ нихъ половина боролась въ вѣчной схваткѣ съ своими хищными сосѣдями, другая работала въ степи и по рѣкамъ, чтобы прокормить себя и братію, занятую службою Царскою и кошевою. Однимъ словомъ Запорожье не могло сочинять книгъ, а сочиненныя съ трудомъ или очень рѣдко читало. Но это не доказываетъ, чтобы въ войскѣ не было людей свѣдущихъ, сообразно съ понятіями Украины. «Въ войскѣ не безъ грамотныхъ» отвѣчалъ козакъ *Антонъ Головатый* въ 1774 г. на горькій сарказмъ Потемкина, что онъ написалъ войску такую грам-

мату, что въ Кошѣ никто и не прочитаетъ. Но эта *граммотность* ограничивалась умѣніемъ читать и писать, а *письменность* если существовала, то только между сѣчевымъ духовенствомъ и по канцеляріямъ.

Такимъ образомъ грамотные въ Запорожьи были во первыхъ служители церкви, т. е. монахи, бѣлое духовенство и весь его причетъ церковный; во вторыхъ тѣ изъ товариства, которые за свои познанія производились сначала въ канцеляристы, послѣ въ подписаріи, а наконецъ въ писаря съ чиномъ полковыхъ старшинъ. Главою всего письмоводства и свѣтскаго познанія былъ войсковый писарь, который, какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ, былъ какъ бы первымъ министромъ войска. Число этихъ писарей было весьма значительно, ибо имѣемъ доказательства, что назначеніе ихъ по паланкамъ было по очереди и почти ежегодно перемѣнялось. Уже въ 1755 г., по росписанію чиновъ видѣли мы, что на разъ, т. е. ежегодно назначалось, кромѣ войсковаго писаря, 7 писарей, 7 подписаріевъ въ паланочныхъ вѣдомствахъ, 2 писаря и два подписарія на перевозы, и было 20 канцеляристовъ въ Кошѣ. Въ 1760-хъ годахъ это число несравненно увеличилось; 2 паланки и 1 перевозъ прибавились, слѣдственно еще 6 старшинъ и письменныхъ чиновниковъ причислить должно къ прежнимъ, а канцелярія войсковая отъ 20 дошла до 48 человѣкъ. Теперь легко понять, что это число оффиціальныхъ грамотѣевъ было уже доволь-

но значительно и принявъ въ сображеніе ихъ безпрестанныя перемѣны по паланкамъ, оно возрастетъ еще больше. Наконецъ всякій курень имѣлъ своего особеннаго писаря, всякое село имѣло какого нибудь писца, для веденія своихъ земскихъ счетовъ, — и все юное поколѣніе обучающееся въ *войсковой школѣ*, которой атаманъ былъ всегда человѣкъ не только грамотный, но письменный и даже *цѣкавый* (любопытный, ученый), какъ это мы видѣли изъ аттестатовъ, сохранившихся въ архивѣ Сѣчи.

Духовенство сѣчевое было очень свѣдущее; оно назначалось изъ Кіева, тогда столицы всякаго ученія, откуда и знаменитые въ Русской церкви пастыри: *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, *Стефанъ Яворскій*, *Св. Димитрій Ростовскій* и многіе государственные мужи почерпали свои свѣдѣнія. Не смотря на грубость своихъ нравовъ, козачество требовало отъ духовенства кроткой и весьма строгой жизни и многихъ познаній, какъ мы въ томъ убѣдились, читая переписку Коша съ Межигорскимъ монастыремъ. Однажды Кошъ все почти духовенство ему присланное изъ этой Кіевской обители, отослалъ назадъ, ибо поведеніе онаго было ему извѣстно съ невыгодной стороны; напротивъ, одного іеромонаха, какъ сказано выше, приглашало усердно въ Сѣчь изъ Самарскаго монастыря, потому что онъ « столь хорошаго ученія, что можетъ и проповѣди говорить »... Въ одной драгоцѣнной

пѣснѣ, приведенной г. Максимовичемъ въ его собраніи *Украинскихъ думъ и пѣсенъ*[1], подъ заглавіемъ *Черноморская буря*, которая безспорно есть чистая Запорожская легенда, весьма хорошо изображено почтеніе этихъ витязей къ грамотнымъ и образованнымъ людямъ. Тамъ представлены Запорожцы на Черномъ морѣ въ сильную бурю, на кораблѣ близкомъ къ крушенію, — кошевой предлагаетъ своей дружинѣ: отыскать между собою грѣшника, навлекшаго на всѣхъ гнѣвъ Божій и это несчастіе, и пожертвовать имъ общему спасенію. Видя общее молчаніе:

> Обизвався писарь войсковый
> Пирятинскій поповичъ Олексѣй»,

что онъ одинъ виновенъ предъ Богомъ и просилъ, чтобы его принесли въ жертву за цѣлость товариства. Удивленные такимъ самоотверженіемъ, козаки и слышать объ этомъ не хотѣли; они ему сказали:

> «Ты же святее письмо въ руки берешь, читаешь,
> Насъ простыхъ людей на все добро наставляешь,
> Якъ же найбильше грѣховъ на соби маешь»?

давая тѣмъ доказательство и своего благоговѣнія къ людямъ письменнымъ, и указывая на происхожденіе пана писаря изъ духовнаго званія. И въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству даже Коржа, въ Запорожье приходило много «*поповичей*», кото-

[1] *М. Максимовичъ*. Украинскія народныя пѣсни. Москва, 1834. 8°. Ч. 1. стр. 14.

рымъ духовная жизнь казалась трудною, или которые, оставя семинарію (безъ позволенія начальства или даже своихъ родителей), предпочитали ружье и пику «всякому книжному разуму». Отъ того, быть можетъ, и самый почеркъ бумагъ Запорожскихъ и даже слогъ бумагъ оффиціальныхъ рапортовъ, ордеровъ, допросовъ и проч., какъ могутъ замѣтить читатели изъ предлагаемыхъ нами документовъ, былъ и не Русскій и не Малороссійскій, а смѣсь обоихъ, съ присовокупленіемъ многихъ полонизмовъ. Но разговорный языкъ и старшинъ и козачества былъ вѣрно Малороссійсхій, «якъ ихъ маты учила» — да и въ партикулярныхъ письмахъ и кошеваго и самаго даже войсковаго писаря, употреблялись фразы чисто Малороссійскія. На одной черновой бумагѣ какой-то канцеляристъ, переписавъ правильно по-Русски весь рапортъ гетману и видя что ошибся, зачеркнулъ его и въ концѣ, вѣроятно пробуя перо, начерталъ:

«Спробоваты пера и чернила, чи добре буде писаты». —

чѣмъ и доказалъ свое Малороссійское происхожденіе. Эти *поповичи* и школьники сочиняли даже Латинскіе стихи, которые пѣли въ торжественные праздники предъ старшиною, и одинъ такой гимнъ достался намъ. Мы его переписываемъ здѣсь для любопытства читателей, хотя увѣрены, что онъ

списанъ съ схоластическихъ твореній какого нибудь монастырскаго училища:

«Ecce ego Democritus,
Ecce veniat Heraclitus,
Ridebimus mundum
Vastum vagabundum.

Qui nam mecum non ridet,
Qui talia non videt,
Vix *popides* sortem
Mox venit ad mortem.

Vix in mundo dominet,
Infantulus moriet,
Mater dulcem natum
Videt desolatum» и проч.

Сѣчевая *школа* славилась не только ученіемъ грамоты, но еще церковнымъ пѣніемъ и служила какъ бы искусомъ (noviciatus) къ будущей *рыцарской* жизни. Мы нашли многія письма, въ которыхъ Малороссійскіе жители благодарятъ кошеваго за милостивое обхожденіе съ ввѣреннымъ ему сыномъ или племянникомъ. Въ особенности крестники старшинъ со всѣхъ концевъ Украины стекались въ Запорожье, чтобы учиться военному ремеслу, ибо тамъ постоянно *служба* существовала и служба козачья, а не регулярная, какъ въ Малороссіи[1]. Это стремленіе на Запорожье мы на-

[1] Запорожцы, какъ всѣ холостяки, любили дѣтей и охотно дѣлались крестными отцами въ Малороссіи или Польшѣ. Родители этихъ крестниковъ оттого выигривали; кромѣ подарковъ при жизни, ихъ дѣти почти всегда дѣлались наслѣдниками большей части имущества козачьяго.

ходимъ во многихъ древнихъ пѣсняхъ, на примѣръ въ думѣ о смерти храбраго *Ивана Коновченка*; тамъ молодой юноша говоритъ матери:

«Ридненькая маты!
Пусты мене съ Козаками погуляты,
Щобъ отцовскія славы не утираты».

Но всѣ вообще умственныя произведенія Запорожья (если такъ можно выразиться) можно подвесть подъ три отдѣленія: 1. *Преданія* или народная исторія; 2 *Пѣсни* или народная поэзія; 3. *Оффиціальная* письменность. Бросимъ бѣглый взглядъ на каждую изъ этихъ трехъ, между собою не равныхъ отраслей.

1. *Преданія.* Вся исторія Запорожья хранится или въ фамильныхъ архивахъ, или въ оффиціальныхъ бумагахъ, или въ преданіяхъ. Изъ сихъ послѣднихъ составлялись такъ называемыя «Малороссійскія лѣтописи», о которыхъ всѣ упоминаютъ, всѣ на нихъ ссылаются, но которыхъ никто не издалъ и не напечаталъ, для всеобщаго свѣдѣнія и оцѣнки произшествій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ фамильныхъ сокровищницахъ Малороссійскаго дворянства хранится множество исторій, лѣтописей, документовъ, записокъ (mémoires) и т. п. составленныхъ изъ свѣдѣній по преданію переходившихъ къ потомкамъ, и которыя какой нибудь догадливый Украинецъ записывалъ «*для крѣпости* и всеобщаго вѣденія и знанія». Съ этой стороны мы совершенно бѣдны, и исключая раз-

сказовъ *Никиты Коржа*, столь драгоцѣнныхъ и которыхъ собраніемъ и сбереженіемъ мы обязаны просвѣщеннымъ трудамъ нашего Архипастыря, а тогда бывшаго Екатеринославскаго архіепископа преосвященнаго *Гавріила*, мы не имѣемъ рѣшительно ничего. Три раза посѣщали мы самый центръ Запорожья, по всему теченію нижняго Днѣпра, всю степь отъ устьевъ Буга до вершинъ въ Западной Россіи, но кромѣ отрывистыхъ разсказовъ о гайдамакахъ, пѣсней, названія кошевыхъ урочищъ, опредѣленія географіи и этнографіи Запорожья ничего пріобрѣсть не могли[1]. Бывшіе разскащики и бандуристы, которыхъ въ нашей молодости мы встрѣчали во всякой почти деревнѣ на Украинѣ или Волыни, теперь, можно сказать, не существуютъ болѣе; или поумирали, не передавъ никому искуства и запасовъ своей памяти, или бѣгутъ отъ всякаго ищущаго пѣсень и разсказовъ, считая его земскимъ чиновникомъ, преслѣдующимъ *бродягъ* и праздношатающихся. Къ числу изустныхъ преданій, этой народной исторіи и мудрости, должно причислить эту бездну пословицъ и поговорокъ, которыя всегда испещряли всѣ рѣчи Запорожца и Украинца; нѣкоторыя изъ нихъ болѣе оригинальныя или живописныя, мы приводили и будемъ приводить въ теченіи разсказа

[1] Два-три слова объ этомъ сказано будетъ въ III части Исторіи нашей, въ эпилогѣ ея или *заключеніи*.

нашего. Въ Запорожьи, на основаніи присловія, что «съ посмиху люде бувають», отъ истиннаго козака требовалось веселости, безпечности, молодечества. Запорожцы были природные хвастуны, ихъ всякая пѣснь это свидѣтельствуетъ, — такъ въ одной грустной думѣ *о паденіи Сѣчи* козаки утѣшаютъ себя:

«Ой крикни Петре[1] Батьку,
Сунемъ уси (всѣ) за родыноньку нашу;
Тилько свисни батьку,
Зъ вражого війска *зваримъ кашу*.
Хибажъ мы не Запорожци,
Хибажъ мы не Черноморци,
Хибажъ батьки не вчили насъ быться»?

Козакъ былъ непостояненъ, легкомысленъ; что думать о будущемъ? «сегодня панъ, а завтра пропавъ». Когда прійдетъ злая «година», что нужно уже будетъ узнать «почемъ кившь лиха» козакъ съумѣетъ также перенесть свою «хвортуну»,— «долю несчастливу», какъ и хлѣбнуть «горилочки чарку».

2. *Пѣсни.* Гораздо богаче произведеніями народная поэзія; число пѣсень и думъ Запорожскихъ весьма велико и нашъ даже запасъ весьма значиленъ. Кто въ наше время не слыхалъ или не читалъ этихъ заунывныхъ, иногда монотонныхъ

[1] *Петро*, кошевой Петръ Калнишевскій. *Хибажь*, развѣ. *Черноморцами* Запорожцы до 1791 г. называли тѣхъ изъ своихъ храбрецовъ, которые пускались внизъ по Днѣпру до самаго Чернаго-Моря «поживиться Турецкимъ добромъ».

но всегда истинно поэтическихъ Украинскихъ пѣсень, безъ которыхъ нельзя себѣ представить этого племени великаго народа Русскаго. «Въ пѣсни правда, въ сказкѣ брехня (ложь)» говорятъ они всегда. Ученые труды *Максимовича*, *Срезневскаго*, *Іовецкаго*, *Григорія Квитки*, къ несчастію уже умершаго, многихъ Польскихъ и Чермно-Русскихъ писателей, сдѣлали эти рапсоды нѣсколькихъ милліоновъ жителей Западной и Южной Руси, доступными и людямъ книжнымъ всего Русскаго читающаго міра. Говоря объ этихъ пѣсняхъ, да позволено будетъ намъ, очень близко знающимъ и *Низовую* и *Городовую* Украину, представить здѣсь, предварительно, нѣсколько практическихъ замѣчаній. Мы не мало удивлялись и удивляемся, что до сихъ поръ всѣ собиратели и объяснители плодовъ Украинской народной поэзіи, смѣшиваютъ Запорожскія войсковыя пѣсни съ народными Малороссійскими, такъ что даже ученый Максимовичъ въ своемъ драгоцѣнномъ собраніи пѣсень, только малую часть отдѣляетъ въ Запорожскій отдѣлъ, не обращая вниманія, что всѣ почти древнія думы о первыхъ герояхъ козачества, сложены въ Сѣчи или на боевыхъ бивакахъ, у огня пикетовъ, или въ трудные дни пограничной службы. Бандуристы были истинные скальды войска Запорожскаго, и почти всякій старшина имѣлъ у себя *хлопця* торбаниста, который, съ молоду посвященный музыкѣ, дѣлался сначала пѣвцомъ чужихъ легендъ, а послѣ *скла-*

дывалъ свои. Языкъ и формы были тѣже, а характеръ этой поэзіи и содержаніе пѣсень совершенно различны отъ Малороссійскихъ. Во всей первой части настоящаго очерка, мы силились доказать, что Украина, Малороссія, т. е. Русскія южныя и западныя области, — и Запорожье, т. е. Русскій военный орденъ или община не были одно и тоже, хотя и происходили отъ одного корня, и хотя съ половины XVII столѣтія вся почти южная и западная Русь управлялась козачествомъ подъ верховнымъ владычествомъ Всероссійскихъ Монарховъ. Видя изъ грамматъ и преданій, что гетманъ *обоихъ береговъ* и вся старшина Украинская были козаки или Запорожскаго козачьяго происхожденія, что въ оффиціальныхъ актахъ, они себя самихъ и другіе называли ихъ «*войскомъ Запорожскимъ*», хотя они жили въ 300 верстахъ выше пороговъ Днѣпровскихъ, — многіе писатели, а въ томъ числѣ и глава ихъ Бантышъ-Каменскій, не говоря уже объ иностранцахъ, считали всю многолюдную страну, обитаемую Малороссами, за страну козаковъ. Такимъ образомъ, они все огромное пространство занимаемое Волынскою, Кіевскою, Подольскою, Полтавскою, Черниговскою и Харьковскою губерніями, съ 6-ю милліонами его обитателей, называли владѣніемъ козачьимъ (*Козакія Cosaccia* или даже *Cazaria*, какъ это говорили въ XV вѣкѣ) тогда, какъ оно только управлялось старшиною и нѣсколькими тысячами козаковъ

происхожденія Запорожскаго. Поляки XVI и XVII вѣковъ очень знали эту разницу, ибо Запорожцевъ называли *козаками* или *Низовцами*, а Малороссіянъ войскомъ Украинскимъ, а въ гнѣвѣ и *холопствомъ Украинскимъ* (chłopstwo Ukrainne). Въ 1605 г., во время героическихъ войнъ козачества за вѣру и независимость отъ Польши, постановленіемъ сейма, вся Украина лишена правъ, дарованныхъ Сигизмундомъ-Ягеллономъ и Стефаномъ Баторіемъ, и сравнена съ поселянами, — одно только Запорожье, хотя равно виновное въ ихъ глазахъ, было пощажено [1], какъ состоявшее изъ людей козачьяго племени, *вольнаго рыцарства*, а не изъ поселянъ, какъ въ Малороссіи. Не смотря на всѣ политическія перемѣны, сидѣвшая въ низовьяхъ Днѣпра и Буга община, оставалась съ XVI столѣтія по 1775 годъ, т. е. до послѣднихъ дней своихъ, неизмѣнно холостымъ, чисто военнымъ орденомъ, тогда какъ поселившіеся на верхнемъ Днѣпрѣ, въ Русскихъ земляхъ козаки, сдѣлались совершенными земледѣльцами, семейными; оружія не покидали, на полки (курени) по древнему обычаю раздѣлялись, военную старшину козачьяго наименованія имѣли, но уже кошеваго устройства

[1] Мы собрали всѣ конституціи Польскихъ сеймовъ о Козакахъ и убѣдились въ этой существенной разницѣ. Едва *Ординаціею войска Запорожскаго* 1638 года, когда Сѣчь сдѣлалась центромъ мятежей противу Польши, Запорожье предано было общей опалѣ, и въ Сѣчь назначенъ регулярный гарнизонъ. Въ Приложеніяхъ N° 3.

не имѣли, ибо вся, безъ исключенія, главная старшина была пожизненная, хотя и избирательная. Эти-то потомки Запорожья, среди массы Малорусскаго народонаселенія, составляютъ и понынѣ небольшое козачье общество, хотя потомки старшинъ сдѣлались уже совершеннымъ и настоящимъ Русскимъ дворянствомъ. Къ нимъ постепенно присоединялись и тѣ Сѣчевики, которые, желая возвратиться на родину, или сдѣлаться семьянинами, получали отъ войска увольненіе и переходили какъ бы въ свѣтское (въ сравненіи съ Сѣчевымъ товариствомъ), обывательское состояніе. Это существенное различіе козачества *городоваго*, семейнаго, Украины, *Гетманщины* наконецъ «по обѣимъ сторонамъ Днѣпра далеко разширяючейся» [1], отъ *Низоваго*, бѣднаго и малочисленнаго ордена, Коша бездомнаго, почти кочеваго и не «въ Малороссійскомъ горизонтѣ найдуючагося», а «въ степяхъ Татарскихъ обитаючаго» [2] — Запорожья наконецъ, историкъ и любитель изящной словесности долженъ отмѣчать отъ Малороссіи и въ самой ихъ поэзіи. Всѣ пѣсни козачества, въ которыхъ говорится о женщинахъ, иначе какъ въ шутку, супружествѣ, сватовствѣ и т. п. образахъ семейнаго счастія и быта, несо-

[1] Универсалъ Гетмана Хмѣльницкаго къ Запорожцамъ, «отъ 15 Януарія 1655 року».

[2] Граммата Кошеваго Өедора Иваники 1686, 19 Мая.

мнѣнно принадлежатъ сочинителямъ Городовой, а не Низовой Украины. Какъ истинный Запорожецъ слагалъ или могъ слагать пѣсни, предлагаемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ.

Запорожецъ, какъ человѣкъ, могъ любить женщинъ, но онъ любилъ ихъ, не какъ храбрый рыцарь среднихъ вѣковъ, не какъ Русскій православный гражданинъ, не какъ мусульманинъ, а просто, какъ Козакъ и Сѣчевикъ. Жениться не могъ, за несохраненіе цѣломудрія (особенно въ Сѣчи) могъ заплатить головою, а потому скорѣе, подобно кошевому *Грицьку Сагайдачному* (1688), былъ въ состояніи

Проминять жинку....
На тютюнъ и люльку» (трубку),

нежели предаться сильной страсти и волокитству, какъ это водилось въ западной Европѣ и Польшѣ. Вотъ какъ отецъ, посылая сына на Запорожье, убѣждаетъ его, чтобъ онъ не думалъ жениться:

Мы жинокъ мусимо любыты,
Такъ якъ нашихъ сестеръ, материвъ,
А опричь ихъ намъ треба никого не любыты,
И утикаты якъ отъ злыхъ чортивъ.
Бо ты знаешь мій милый сынку
Лыцареви (рыцарю) треба воіоваты,
А тоби буде жаль жинку зоставляты».

Г. Кулеша въ своемъ очень занимательномъ романѣ: *Михайло Чарнышенко* (т. II, стр. 37), весьма остроумно передѣлалъ одну Малороссійскую пѣсенку о томъ же предметѣ:

«Славны молодци, паны Запорожци;
Побачили воны чаплю на болоти:
Отаманъ каже: «отъ же братци дивка».
А Осаулъ каже: «я зъ нею кохався».
А Кошевый каже: «а я й повинчався».

Пѣснь хотѣла доказать, что Запорожцы даже изъ виду женщинъ не знали.

Мы видѣли примѣры, что «Запорожецъ-молодець» подобно судьѣ Николаю Тимофѣевичу, Ивану Бурносу или кошевому Филиппу Федорову, сто лѣтъ проживетъ на бѣломъ свѣтѣ, 80 лѣтъ прослужитъ въ войскѣ» и кончитъ тѣмъ, что подобно храброму наѣзднику Нечаю,

«Возьметъ соби въ дружиночку
Высокую могилочку».

Какъ жилъ одинокъ «по монастырски» (любимая фраза Запорожцевъ), такъ и умретъ одинъ, и на его гробѣ только

«Черный воронъ краче»

или «сивый конь копытомъ» бьетъ о землю.

Ничего не можетъ быть краснорѣчивѣе и оригинальнѣе, какъ многія изъ этихъ пѣсень; въ нихъ мало искусства, но чувства весьма много. Всякій періодъ жизни, всякой періодъ исторіи, всякое славное козацкое имя записано въ пѣсни, какъ въ неизгладимыхъ скрижаляхъ народной лѣтописи; но всѣ ихъ пѣсни какъ-то нескладны, кратки, всѣ въ намекахъ, явно свидѣтельствуютъ объ импровизаціи.

У нихъ и Татаре и козаки «Кошемъ становятся», у нихъ не только въ Сѣчи, но въ цѣломъ свѣтѣ люди живутъ въ «куреняхъ», не разъ пѣснь разсказываетъ, что какой нибудь ея герой «до своего куреня» запрашивалъ гостей. Говоря о войнѣ и наѣздахъ, пѣснь представляетъ ватажка, явившагося съ отчетомъ къ куренному атаману. На вопросъ начальника: куда они *ходили?* ватажокъ отвѣчаетъ по обычаю: «на Лядскую землю», — «подъ бѣсурмана», — «пидъ Турка» и привезъ въ добычу:

«По три смухи съ барана,
Четверту маленьку съ самаго бѣсурмана».

Однимъ изъ характеристическихъ оттѣнковъ Запорожскихъ думъ и балладъ, есть упомянутое выше хвастовство, высокое понятіе о своемъ достоинствѣ. Такъ одна пѣснь изображаетъ Польскую королеву, вдову Владислава Ягеллона, которая, узнавъ о погибели сына своего Владислава III, короля (Варненчика), подъ Варною, уговариваетъ козаковъ отмстить за него и обѣщаетъ большія за то награды:

«Чи бы я войску не заплатыла
Червонными золотыми»[1].

Въ другой пѣсни, козакъ, не смотря на плачъ матери, которая его при себѣ удерживала, отправился съ Запорожскимъ войскомъ противъ вра-

[1] Czerwony-złoty или дукатъ, червонецъ.

говъ. Этимъ войскомъ командовалъ самъ король (обыкновенно Владиславъ IV). Козакъ:

«Попередъ війска коныкомъ граѐ,
А назадъ війска мечемъ махаѐ.
Король дывуе», чій це сынъ воюе?
«Колыбъ я знавъ, чій сынъ конемъ гравъ,
«Тобъ я за него Короливну виддавъ.
«Давъ бы ему поля не змироного,
«Давъ бы ему гроша незличоного,
«Давъ бы ему волывъ на хлибъ робыты,
«Давъ бы ему коныка въ війску служиты».

Наконецъ, приведемъ двѣ, три баллады полныя.

1. *О Чумакѣ.*

«Ой ходывъ чумакъ молоденькій
Чотыре годы
Незнавъ же винъ пригодоньки (неудачи)
До сёго дни.

Ой сходывъ чумакъ
Вси Крымски базары,
Самъ Козакъ заслабъ,
Волы ему похромалы.

Ой заслабъ чумакъ, тай лежитъ,
Никто іого не пыта̀, що его болытъ.
Пріишовъ до ніого Атаманъ его
Узявъ за рученьку жалуе (жалѣетъ) его.

«Ой вы чумаки, братци іого,
Продавайте сыви волы, ратуйте іого.
Ой вы чумаки, браты мои,
Выкопайте дилъ глыбокій на тило мое».

«Выйшлы чумаки, выйшлы на долину,
Выкопалы дилъ (яму) глыбокій, на домовину (гробъ)».
Ой заревилы сывы волы, тѣло везучи,
Ой заплакалы чумаки, за нимъ идучи».

2. *О тоскѣ молодаго козака за родиной.*

«Ой тамъ за рикою, за быстрою
На широки долыни
Рисъ дубъ съ клининою
На чужій сторони.
Охъ витрецъ повивае
Клинину до дуба прихиляе:

Дубъ: «Охъ що мій брате
Такъ сыльно зажурывся,
Не плачь мій свате,
Тутъ твоя родына,
Ты тутъ вкоренывся.

Клёнъ. «Охъ щирый мій друже
Якъ то мини не тужиты,
Не сподивався тутъ буты
И на чужій сторони житы.

Теперь же хвортуна привела
На день росы пыты,
Охъ сюды вона мене занесла.
Ой горе мини тутъ житы».

Дубъ: «Охъ що мій добрый друже,
Такъ безъ поры пожовтивъ,
И чого такъ дуже,
Лыстомъ ты змарнивъ (похудѣлъ).

Охъ мій пріятелю не тужи
Ты тымъ ничого не поможешь,
Всю надію на Бога положи
Бо цимъ еи не заговоришь».

Клёнъ: «Охъ нехтивъ бы я журытися,
Колыжъ сохну изъ журбы,
Ябъ не хтивъ въ цимъ свити барытыся,
Колыжъ Богъ не чуе моеи просьбы.

Охъ якъ бы яка душа спасена
Кинула сюды земли ридной:

Пишлабъ и паросточка зелена
Изъ моеи коры слабой.

«Ой якъ бы яка душа
Въ *вырій* (на родину) мене та посадыла.
О булабъ вона у Бога спасенна,
Що щастье бидному мыни зробыла».

Вотъ двѣ историческія баллады:

3. *Объ измѣнникѣ Филиппѣ Орликѣ.*

«Ой изъ за горы, изъ за Днипра
Витрецъ повивае
Ой якись то човныкъ
Фаля (волна) до берега прибивае.

Ой прибила фаля човныкъ,
Човныкъ лебедочку;
Тай выскочивъ зъ неи Орлыкъ
Тай начавъ бесѣдочку.

«Пугу! братци, пугу!
Пугу Запорожци!»
«Стоитъ Козакъ въ Лугу» —
Кажутъ ему хлопци.

«Эй братци ходимъ до Кошового,
Будемъ радыты раду,
Зизвитъ малого й старого
На цюю важную пораду (совѣтъ)».

Ой пишовъ Орлыкъ до Кошового
Та въ поясъ поклонывся,
Та начавъ изъ дѣла Карлового [1],
Що зъ нашимъ Царемъ не помирився.

«Ой батьку Иване [2]
Отъ такая то ричь:
Кажите Малашевичу пане!
Чи станете намъ въ помичь»?

[1] Карла XII. [2] *Иванъ Малашевичъ* кошевой.

«Ой надъ Украиною Гетманскою
Громовая хмара стоитъ.
Ой прійшовъ Царь съ арміею Русскою
Та хоче іи та разорить» —

«Чемужъ не помогаты,
Колы просятъ браты-сосиди.
Чомужъ намъ Татаръ не рубаты,
Колы руки началы свербиты». —

«Та то не Татаръ рубаты,
Мазепа проситъ до насъ пристаты,
Нашей Вкраини помичь даты.

А впосля до Шведына привернуцься
И видъ Царя Русскаго одвернуцься [1].
О тоди мы будемъ на воли
Такъ якъ птахъ пидъ небомъ въ поли.

«А щожъ батьку Иване
Прошужъ мини казаты,
Чи съ твоихъ словъ буде що гарне,
Бо я хочу Мазепи звисточку послаты». —

— «А тыжъ тее и забувъ
Що мы Цареви присягалы,
Мазепа того и не розжувъ
Що мы опрощеніе взялы.

«А щожь тоби казаты,
Ты бачишъ дило самъ,
Намъ не можно присяги ломаты,
Намъ не можно помочи даты вамъ.

«Запорожецъ не бувъ бисовымъ сыномъ;
Колы присягу винъ давъ;
Называютъ его еретичнымъ чиномъ,
Колы и христицься забувавъ.

[1] Эта пѣснь принадлежитъ къ 1734 году. Здѣсь говорится о тѣхъ интригахъ, которыя завелъ Орликъ въ Швеціи, даже послѣ смерти Карла XII. Мазепы уже небыло на свѣтѣ, а Орликъ за границею считалъ себя гетманомъ.

«Бо винъ забувавъ христицься,
Колы врага въ шыю гнавъ,
А писля знавъ и помолыцься...
Та все присяги не ломавъ.

«Отцѐ Орлыку-брате
Отвези Мазепи цей отвитъ:
Нехай винъ лучше начне жаты,
Отце буде нашъ совитъ.

«Ой искра мала, та може свитъ спалыты,
И сама счезне, пропаде;
Ой хоче Мазепа багацько народа згубыты,
Чого винъ хоче, того винъ не найде». —

— «Ну батьку Иване прощай,
Що будемъ съ тобою робыты.
Та батьку памятай,
Якъ мы будемъ тебе и Сичь голыты»[1].

«Ой Орлыку, мій брате,
Не копай ты ямы для насъ;
Постій *живжику*[2], хвате,
Бо въ ту яму та попадешь самъ».

Ой повивае витрецъ
Та видъ моря холодный;
Та поихавъ нашъ брехунецъ[3].
Якъ собака голодный.

4. *О неудачной поѣздкѣ Кошеваго въ Петербургъ.*

«Ой встань батьку, ой встань Петре,
Клычутъ тебе люде;
Ой ходимо до Царици, по прежнему буде.
Тече рѣчка не величка, промывае писки,
Туды ихавъ нашъ Кошовый, назадъ прійшовъ пишки.

[1] *Голыты* съ Польскаго *golić*, брить бороду, т. е. разрушать.
[2] *Живжикъ*, скворецъ, а тутъ значитъ вертушка.
[3] *Брехунецъ*, лжецъ безстыдный.

Тече рiчка не величка,
Промывае кручи,
Ой заплакавъ нашъ Кошовый
Отъ Царици идучи.
Ой ходимъ вси до столыци
Прохаты Царици:
Нехай же намъ Сичь приверне
По прежни граныци».

3. *Оффицiальная письменность.* Для этого отдѣла умственныхъ произведенiй козачества, архивъ Запорожскiй доставляетъ теперь огромное количество матерiаловъ и примѣровъ, объ этомъ читатели могутъ судить сами, если будутъ имѣть терпѣнiе или охоту слѣдовать постепенно за разсказомъ нашимъ. Этотъ источникъ свѣдѣнiй о Запорожьи былъ доселѣ вовсе не извѣстенъ и слѣдственно стоитъ того, чтобы обратить на него особенное вниманiе. Нашъ запасъ имѣетъ еще и ту цѣну, что въ немъ отыскали мы, въ спискахъ правда, письменные памятники, доходящiе до конца XVI столѣтiя, слѣдственно до героическихъ временъ козачества. Такого роду наша основная граммата короля Стефана Баторiя, писанная Литовско-Русскимъ языкомъ, какимъ въ XVI вѣкѣ писаны всѣ бумаги, относящiяся до Руси, выходившiя изъ королевской канцелярiи. Съ XVII столѣтiя имѣемъ уже больше документовъ; изъ нихъ помѣщаемъ царскую граммату о Самарской крѣпости 1688 г.; граммату патрiарха Московскаго Iоакима, универсалы или листы кошевыхъ: Сѣрка, Григорiя Ива-

новича и Федора Иваники, но имѣемъ еще больше. Въ послѣднихъ видѣнъ уже переходъ отъ Польскаго языка къ фразеологіи Кіевской духовной школы и латинскимъ схоластическимъ оборотамъ. Съ начала послѣдняго Коша (1733 г.) языкъ Сѣчевой канцеляріи дѣлается уже болѣе и болѣе Русскимъ, какъ это читатели могутъ видѣть, слѣдуя за хронологическимъ изложеніемъ нашимъ въ самой исторіи этого послѣдняго періода Запорожской общины. Первыя бумаги, на пр. письма кошеваго Малашевича къ Орлику, къ Хану Крымскому и др., все еще сбиваются на языкъ грамматы XVI вѣка, за то въ послѣднихъ, уже видимъ слогъ Русскій до-Ломоносовскихъ временъ.

Мы должны еще разъ замѣтитъ, что мы не считали себя ни въ силахъ, ни въ правѣ представить полнаго и критическаго обзора Запорожской письменности, но хотѣли нѣсколькими примѣрами дополнить картину нами предпринятую. Мы увѣрены, что всякому любопытно будетъ познакомиться съ литературою (если можно назвать это литературою), этой столь мало извѣстной и столь оклеветанной части великаго племени Русскаго. Обратите только вниманіе на это не поддѣльное и искреннее краснорѣчіе, которымъ дышатъ ихъ рѣчи и письма, и не забывайте, что они писали не думая о публикѣ, о гласности.

Какъ не удивляться этимъ выраженіямъ:

«Божія и наша церковь межь кочовисками Агарянскими, на поляхъ Татарскихъ пребываетъ», говоритъ кошевой *Иваника* и обѣщаетъ, что «пока въ Днѣпрѣ воды и войска Запорожскаго будетъ» она останется вѣрною избранной разъ святой обители. На запросъ Царскихъ межевщиковъ о границахъ, войско отвѣчаетъ: «тамъ пока конь копытомъ достать можетъ». Въ 1749 г. кошевой *Якимъ Игнатовичь*, выговаривая одному полковникуего небрежность, говоритъ: вамъ поручена команда *не череду* (стадо) пасти, и всякіе порядки нелѣностно исполнять». Съ 1768 г. имѣемъ прекрасный образецъ Запорожскаго слога въ письмахъ, которыхъ здѣсь предлагаемъ отрывки. Въ это время были посланы въ столицу два депутата, званіемъ очень неравные, и отъ того произошло между ними несогласіе. Кошъ для ихъ примиренія такія написалъ письма: Къ младшему изъ нихъ: «Буде вы съ товарищемъ имѣете какую ссору, должно оную оставить, ибо вы довольно можете знать, что въ никакомъ промыслѣ и дѣлѣ, ежели между товариствомъ не согласно, пособства отъ Всевышняго нѣтъ. Слѣдственно и сіе ваше тамо пребываніе тому подвержено, гдѣ найвящше яко между многими сторонними людьми жительствуете, дабы опороченія не было вамъ и всему обществу (Запорожскому), надлежитъ пребыватъ любовно, почитая меньшій старѣйшаго, а старѣйшій безъ обиженія меньшаго». (15 Января 1768 г.) Въ дру-

гомъ же къ старшему депутату сказано: «Будежь между вами старыя какія имѣются вражды, то противъ сего *изъ исторіи* можно вамъ напомянуть что съ едной націи въ другую двоихъ господъ, тоже имѣвшихъ ссору, послано, по общему дѣлу народному. Которые какъ прибыли на границу, что уже выѣзжать имъ изъ своей націи, то на границѣ единъ другому и сказалъ: « чтобы оставить тамо на границѣ свою собственную ссору, а возвратясь оттудова, исправивши общое дѣло, паки ее взять». Оба на то согласились и жили въ другой націи во все свое пребываніе, совѣтуясь другъ съ другомъ любовно, и свое тамъ порученное дѣло исправили». (1768 г. безъ числа).

Въ 1774 году писалъ Антонъ Головатый Кошу: «просителей на насъ въ комнатахъ Григорія Александровича (Потемкина) не продути, такъ тѣсно, только отдымайсь и отдымайсь». На вопросъ Текелія, говоритъ Коржъ: «знаютъ ли Запорожцы паспорты»? козаки отвѣчали, что этого «ни батьки, ни диды не знали, тай и прадиды не чували». Въ утѣшеніе себя въ трудахъ и горѣ, всякій думалъ: «терпи хлопче, козакъ будешь, а тамъ и въ атаманы выберутъ». Вездѣ козака сопровождала гордость; они себя называли подобно Полякамъ «*рыцарское сословіе* (koło rycerskie), *лыцарями*, а въ Москвѣ въ Сенатѣ объясняли, — что едва ли кто въ Запорожьи считаетъ себя « не противъ (т е. неравнымъ) шляхетства». Вездѣ козакъ гово-

ритъ, что онъ «зъ славнаго Запорожа». Наконецъ въ простой даже рѣчи козака найдете выраженія самыя живописныя: послѣ паденія Сѣчи товарисство не говоритъ въ своихъ пѣсняхъ и разсказахъ, что оно ушло «подъ Турка», а «зашумѣло веслами» по Днѣпру, — «закивало пятами» и тому подобное. Оно не идетъ за границу, а «до Лямы на рыбалки» — «щобъ Москаля въ шоры убрать», и тогда-то сложена эта любопытная пѣсня:

«Эй Черноморци, эй Запорожци,
Пыйте, та гуляйте,
Душить Жидывъ, Ляхивъ хоть на остапци;
Не буде гриха вамъ, славніи молодци».

КОНЕЦЪ I-й ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-й ЧАСТИ.

Стр.

Предисловіе къ изданію 1841 года . 3.

Нѣсколько словъ о настоящемъ изданіи 11.

Введеніе. Происхожденіе козачества, явленіе Славянскаго рыцарства въ историческомъ мірѣ 17.

ГЛАВА I. Географическое положеніе края, обитаемаго Запорожскимъ войскомъ, его «владѣнія» или «вольности», границы и сосѣди. 39.

ГЛАВА II. «Славное войско Запорожское Низовое». Его составъ, раздѣленіе и управленіе. Кошъ, Курени и Клейноты. Войсковая и Полковая Старшины. 69.

ГЛАВА III. Запорожская община или «товариство» 101.

ГЛАВА IV. Степь, степная война «радуты» и «фигуры». . . . 130.

ГЛАВА V. Церковное устройство въ Запорожьи. 157.

ГЛАВА VI. Судопроизводство. Судебные обычаи въ Запорожьи. 188.

ГЛАВА VII. Общественное хозяйство, доходы и повинности войска Запорожскаго. 221.

ГЛАВА VIII. Торговая промышленность въ Запорожьи. Учрежденіе почтъ. 260.

ГЛАВА IX. Домашній бытъ, одежда, вооруженіе и обычаи Запорожскіе . 313.

ГЛАВА X. «Письменность» въ Запорожьи 341.

ОПЕЧАТКИ.

стран.	*напечатано:*	*читай:*
177.	строка 19 — перевода,	исправленнаго текста,
—	» 22 — милостынею	приношеніями

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Č 1. 3 = 270 Kčs
Nijh.

МОСБУКИНИ
3т. 60р.
461484/[illegible]

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Skal□kovs□kyj, Apollon Oleksandrovyč,

Istorija Novoj Sěči ili poslědnjago Koša Zaporožskago

Bd.: 1

Odessa 1846

Russ. 305 u-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784218-0